

НАТАВАН ФАЙГ

В ПУЛЬСЕ МЕЖМИРЬЯ

*К 75-летию
Вагифа САМЕДОГЛУ*

Перевод стихов на русский: Владимир Кафаров, Сиявуш Мамедзаде, Мансур Векилов, Алла Ахундова, Владимир Портнов, Дмитрий Дадашидзе, Валех Рзаев, Любовь Турбина, Леонид Латынин, Алина Талыбова, Ровшан Кафаров

Дизайн обложки: Новруз Новрузов

Иллюстрация: Мир-Теймур

Фото: Таир Джафаров, Новруз Новрузов, Мехти Аббасов, Эльшан Бабаев, Кенан Агаев, Натаван Фаиг, а также из семейного архива В. Самедоглу

Корректор: Натаван Мустафаева

*Бывают люди в этой жизни, а бывают – вечности.
Это видно невооруженным взглядом.
Не ошибешься уже при первой встрече.
Первой, ставшей последней...
С Вагифом Самедоглу...
Книга о жизни и смерти.*

Copyright © 2015, Natavan Faig

Ар-16263

НАТАВАН ФАИГ

В ПУЛЬСЕ МЕЖМИРЬЯ

245 (2=Аз) 7-4,4

от автора

Есть художники, в творческий портрет которых входит не только список созданных ими произведений, но и что-то еще, чему и названия не подберешь. Некая надтворческая составляющая, некий шарм, который при упоминании имени становится доминирующим в возникновении образа. Поди докопайся до его ОТ и ДО... Их нет. Не просто “специалист в своем деле”, или даже эксперт, а – родоначальник нового мышления, внесший вклад не только в национальную культуру, но и наше подсознание.

Вагиф Самедоглу. Вольнодумец всех времен, во всяком случае, мне известных, тех, что в пределах моей биографии. Этаким “расширитель сознания” – речь идет о Знании, том самом, глобальном, почти ныне утраченном, ничего общего не имеющем с той круглосуточной “осведомленностью”, кою демонстрируют сегодняшние “эрудиты”, в том числе в телеэфире.

Иначество – вот что привлекало в первую очередь. “Не такой, как все”. Как часто мы говорим это про кого-то, по большому счету на характеристику сию мало тянущего. А тут... Не просто народный поэт, а – всецелая противоположность, такой себе антистереотип. Вулкан, который не смертоносен, а как раз наоборот...

Давно хотела встретиться с ним, дважды договаривалась по телефону, не получалось. Он даже книгу свою мне, тепло надписанную, переслал. Было это пять лет назад. Ну никак не получалось разгрузиться и пойти. Причина? Жизнь, что мастерица подбрасывает заморочки “поважнее”. Бывает так порой, что неважное отпихивает важное, забегая вперед... К сожалению, часто бывает. Проблемы житейские и разные, что вырастают ниоткуда, не продерешься. Их много, на самом деле, “отговорок”, по причине которых... Глупо, знаю... А творчество это то, что удается сделать между дурацкими проблемами. Или не удастся. Потому что дурость всегда побеждает важность...

Труден он и ухабист, путь к Истине.

Но не только обстоятельства в том повинны.

Что-то останавливало, буквально на пороге его дома. (Нечто подобное у меня было с Чингизом Айтматовым, так и не смогла пересилить себя, побороть вполне объяснимые сомнения, хотя судьба и предоставляла Вероятие)...

Останавливала неуверенность – потяну ли? Возвращалась к себе, не выходя, – дозреть, жалкое положение беспомощного интервьюера, игра в догонялки с умным видом “понимателя”, бесконечно кивающего в знак единогласного согласия и украдкой поглядывающего на часы. Грустная перспектива сей участи сдерживала порывы любви. Да-да, любви – иного родственника так не любишь...

А тут – вызывает меня Анар: “Зайди, пожалуйста, жду”. Пошла. “Есть у меня друг, самый близкий мне человек в жизни, Вагиф Самедоглу. Сделай книгу о нем – юбилей у него, 75, да и приболел что-то... Я знаю – ты ведь давно мечтаешь об этом...”

Перекопав содержимое своего подсознания, и отринув одолевавшие комплексы, решила-таки на “рандеву”.

Книгу?! – удивленный голос в трубке. Я слаб очень, не смогу подолгу...”

“Я смогу, не волнуйтесь...”

Наобещала и задумалась, хотя...

Временной регламент, диктующий свои условия, – он меня не смущал. Знаю, каково это – работать в его экстремальном графике. Были, были у меня “подвиги”, которыми сегодня горжусь. В числе личных рекордов – с Сергеем Безруковым полосное интервью за 15 минут, с Ростроповичем книга – за час, с Анаром за два...

Тем не менее, лимит лимиту – рознь...

И – ясное осознание остроты случая, когда прокрастинация “смерти подобна”...

Я шла – нет, бежала к нему со своим скудным набором впечатлений.

Обрывки песенных стихов, поразившая афористичностью мысль, умение создать внутри себя бесконечно притягательную ауру... Знала, что не похож ни на кого – джазмен, поэт, драматург, фотограф... Автор грустных стихов и смешных пьес. И не только смешных. Знала, что обожает всякую живность, держит двух собак – не раз воскресным утром видела его у Тезе базара, подолгу простаивающего у клеток птах и пичуг. Корм им покупал, своим попугаям.

С трудом удерживалась, чтобы не подойти...

Боялась – не подойти...

А интересно, почему попугаи? Они ведь само воплощение плагиата, тогда как он – ходячий эксклюзив... Неподражаемый рассказчик анекдотов, превосходный кулинар, и... человек с ружьем, любящий поблуждать с винтовкой по лесам-болотам...

Не совсем внятный, но очень обаятельный образ его жил во мне.

И – манил...

Ехала к нему долго, час с лишним – слава нашим пробкам, дарующим вождеденное бездействие! Возможность сосредоточиться, не отвлекаясь на... Я лихорадочно искала хоть какие-то завязки, биографические, что ли, с ним “общности”. Их оказалось не так уж и мало, и отыскались они довольно быстро. Что меня утешало и подбадривало.

...У обоих – консерватория за плечами.

“Я по синему диплому числюсь концертным исполнителем и преподавателем фортепиано. И еще я член Союза Писателей Азербайджана”, – говорит он о себе. Будто про меня – один в один.

...“По синему диплому...”

Да вот же она – точка отсчета нашей будущей встречи, дающая мне Шанс! Шанс на взаимопонимание. Окрыленная, стала искать дальше...

...Он всю жизнь пишет о смерти, да и у меня половина из написанного – некрологи... Добрая половина. Или недобрая...

...Музыкантское прошлое и – активное нежелание продолжать преподавательскую деятельность по причине отсутствия педагогического терпения. Такое было и в моей жизни...

...Ну а то, что смешано у него все – день с ночью, свет со тьмой... Небо сомкнул с землей – не просочиться... Нет в том никакой демонизации, мне это понятно, быть может, как мало кому: я человек, который в свой день рождения слышит Allah ғәһмәт еләһин – после смерти брата-близнеца... От всех поздравляющих... С утра и до вечера...

...И так же, как Вагифу, “брат мне снится, рано ушедший, которого мне, порой до физической боли, не хватает”... Брат, который был также еще и прозаиком...

...А еще у меня такой же беспорядок на письменном столе, которым не пользуюсь... Читала об этом у его жены, – будто мой стол описывает, его содержимое. Кроме сигарет и трубки – также

люблю, чтоб все под рукой... И так же пишу на коленке, сидя в кресле...

...Так же, как он, подвержена упадническим настроениям...

...Так же родилась в писательской семье...

...Так же, как и его, меня уговаривали поступать в аспирантуру...

Так же не стала “концертирующим” – из-за лени...

...Так же развожу попугаев, да и кошки с собаками у меня не переводятся...

...А еще мы оба диабетики... И – “фанаты” Шопена...

Страшно гордая собой, я продолжала “сравнительный анализ”.

...Как и у него, Самедоглу, у меня все лучшее связано с дачей, что осталась в детстве – пусть и беззаборная, но такая отчаянно счастливая пора жизни...

...Так же обожаю запах канцелярский, вдыхать блокноты, тетради... Парфюм идет на третьем месте – особенно люблю старые, покоричневевшие...

...И так же боготворю одиночество...

...А еще мы оба носим имена поэтов... великих карабахцев...

...Продолжая список “совпадений”, – отцов потеряли в мае, сестра его ушла в 2009, как и мой брат... Неспроста все это.

...А еще мой родной дядя был художником в фильме его брата, Юсифа Самедоглу, “День казни”... Последняя его работа. К слову, тоже Вагиф...

Пересечения... Я собирала их по крупицам, чего-то себе доказывая...

...А еще мы оба дружили с Рафиком Кулиевым...

...Оба родились 5 числа... Чахлый козырь, понимаю, из пальца высосанный, ну уж очень хотелось в “орбиту” попасть. Орбиту Мастера.

...А еще я люблю приврать, и чрезвычайно обрадовалась, прочитав у него: “Я врал, но не обманывал”...

... Да, еще мама моя вспоминала, как студенткой ходила хоронить Самеда Вургуну – прощание было в филармонии, а очередь она занимала от Академии наук – до того длинная была...

Я продолжала скрупулезный поиск с целью приличествовать моменту...

...Чуть не забыла, оба мы, он и я, были студентами профессора консерватории Нигяр ханум Усубовой, незабвенной... Правда, я об этом тогда еще не знала...

И вот он наступил, час, когда я, переполненная радостью от обнаруженных “перекрещиваний”... Она понятна, радость, дающая надежду на возможность хоть мизерного познания его – Человека, который имеет полное право на это звание.

Такой вот нехилый “бэкграунд”, как мне тогда в наиве казалось, более чем достаточный для встречи с ним. Набравшись храбрости, постучала к нему в дверь...

Интервьюер – это тот, кто залезает в души и головы людей... Непросто это было – говорить обо всем, без четко обозначенной темы, да еще – с кем...

“Исключенец”... Это когда ответ – непременно с привкусом неизвестности... И при этом – не сбившийся на позу...

Не сразу получился диалог (если он вообще получился). Не сразу я въехала в его “теорию нечеткой логики”, как про себя ее назвала, в его “размытые” истины. Собственно, так оно было – до самого конца. Спасибо Музыке, которая не дала затонуть...

Вагиф Самедоглу – из тех незыблемых констант в твоей жизни, что как скала невидимая за спиной, на которую всегда обопрешься. Один из сильно немногих, кто как Солнце и Луна, что уходят, с тем чтоб Завтра вернуться вновь. Гарантированно так. Я к тому, что многие ведь пришли и ушли. Иные – не уходя. Их много, последних. Просто перестали быть, стерлись в пыль вместе со своим именем и “наследием”. А он...

Скажу лишь, что глядеть на часы мне не пришлось – в тот день тьма за окном образовалась, едва я задала первый вопрос. Нетипично так. Поручив баланс дня и ночи. Ночи, что наступила негаданно – непроглядываемой внезапностью.

Как приговор.

Сегодня он достиг высоты, когда можно говорить о некоем “бренде” Вагифа Самедоглу. Тот самый, несчастный пример, когда есть и имя, и творчество. И в этом один из множества поводов моей к нему любви. Скажу больше, творчество, которое входит в персональную твою жизнь... Раз и навсегда.

...Я долго шла к нему. Потому что к нему нужно приходить пустой, вытряхнув из себя до крошки всю пустячность поденщины, чтобы впитывать в себя, впитывать – тот исполинский пласт, которым он способен одарить. Пласт, заполученный им не эмпирическим путем, отнюдь, а...

Неисповедимы пути Господни...

...А потом его не...

Книга, задуманная в юбилей, дописанная к сороковинам...

Он поломал мне ее. Концептуально поломал...

“Жизнь вносит свою корректуру”...

Затасканный слоган имел к моему случаю наипрямое отношение, придясь один к одному! Я бы его чуток переврала, исказив: “Смерть вносит...”

...Безмерно благодарна Анару, если б не он, так бы и не сподобилась, быть может... Вот так вот одним звонком – на путь... И нет тут ни толики пафоса...

“...Сделай книгу... юбилей у него...”

То был май... Конец его...

Осенний май Вагифа Самедоглу...

Так появилась эта книжка – результат одной-единственной встречи. Сама собой написалась. Выходит, не обманчиво оно – первое впечатление. А второго, я знала, не будет. Не верю ему... Первое – оно завсегда самое верное и интенсивное. Не раз в том убеждалась.

Второго, я знала, не...

“Стихи не пишутся – случаются”, уверял классик.

Книжки, оказывается, тоже...

Как это “случилось” со мной...

... Меня восхищает, в первую очередь, само это чудо - МУЗЫКА!

По-моему, не Человека, а Музыку Бог создал по своему образу и подобию. Все молитвы, во всех мировых религиях, облачены в музыку.

Уверен, Бог отвергает многие слова, но музыку молитв принимает.

Поэтому-то еще не наступил АПОКАЛИПСИС...

Ваг. Самедоглу

ПРОЛОГ

“У порога распоротой ночи...”

Сегодня землетрясения случаются чаще, чем встречи с интересными людьми. Это правда, увы. Мало к кому желается относиться с благоговейным придыханием, а тут... Всепоглощающая сила слов и мысли. Нет в нем этой видимой глазу надорванности – все внутри. А уж там...

Человек со своей расстановкой ценностных авторитетов и какой-то... сытый. Без фальши и камуфляжной показухи. Зато – с заводом внутри, некоей неутомимой вибрацией, когда постигаешь жизнь не уставая, и не отвлекаясь на сор вокруг.

Портрет-загадка – кто это?

...Играл Рахманинова в филармонии с оркестром под управлением Ниязи...

... делал ремонт (клат кафель!) у Рафика Кулиева на пару с Рауфом Абдуллаевым...

...занимается разведением и витаминизацией попугаев...

...а еще пишет гениальные стихи для избранных и пьесу для поголовно всех – “Вахт ўзўйў”¹. Последняя стала у нас чем-то вроде рязановской “Иронии судьбы”, редко какой праздник обходится без нее...

...а еще ему сам Узейрбек “положил ладошку на макушку”, в буквальном смысле погладил по головке, было это в июле 1948-го, а спустя три месяца великого композитора не стало...

...а еще его называют “последним из мозикан” элитарной поэзии”...

... а еще – джаз, которым он заболел однажды и навсегда...

... а еще он отказал самому Якову Флиеру, предлагавшему ему учиться в своем классе в Московской консерватории... Флиер, Нейгауз, Николаева... Имена эти, гордость русского пианизма, знакомые ему не понаслышке...

¹ “Обручальное кольцо”.

...а еще – философ, в изначально объемной интерпретации этого понятия...

...а еще – мейханачы в тандеме с тезкой и корешем Вагифом Мустафаде...

...а еще некий Диоген, но не в бочке, а... кресле депутатском...

...а еще, будучи совсем юным, мечтал позжить в... лепрозории – книгу о его обитателях хотел написать. И кто знает, если б не вмешательство Фахри Векилова, его дяди, решительно воспрепятствовавшего сей акции, возможно, и не было его у нас сегодня...

...а еще он тил с... Пастернаком...

...а еще это тот, кто, узнав о своем диагнозе, отправился по-купать... гитару...

Это все о нем – Вагифе Самедоглу, нашем соотечественнике. Точнее, далеко не все. Впрочем, обо всем по порядку. Если, конечно, такое возможно в контексте Самедоглу. За скупыми строками, взятыми вразбивку из его биографии, вырисовываются не просто многоаспектные ее вехи. Не судьба, а какое-то фантазмагорическое преувеличение! Разноракурсные “карьеры”, такой вот он разнокалиберный в своей непредсказуемости, Вагиф.

Встреча с ним как погружение в иную реальность.

Атмосферный человек, который дышит сам и дает дышать другим. Бежишь к нему в ностальгическом порыве не только за прошлым, но и – за будущим...

...С некоторых пор вижу не человека, а мемориальную доску на дверях его дома. Ту самую, что будет (или не будет) там висеть...

Он сидел на диване в вышитом золотой росписью арахчыне, попыхивая трубкой, смотрел впереди себя. И не было ему скучно одному...

Породистая голова, взгляд пронзающ и прощающ в одно и то же время. Взгляд насквозь, от которого не бывает неловко. Наоборот, к нему тянешься. К его иронии неискоренимой, а еще больше – самоиронии. Все страшное в твоей жизни перестает видаться таким – он убирает его одному ему ведомым “лазером”, гарантирующе неболезненным... Не уничижая. Человек с благодатью внутри, даже когда негативит по самое нехочу... Излучающий Познание и – бесконечно импонирующий.

Встреча с ним – всегда дар, а не подаяние.

Он из тех редкостных, с кем можно говорить обо всем, и не из

тех, кто селективно отвечает на вопросы. Это хорошо и не очень. Первое не требует расшифровки, что до “не очень”... Тут проблема твоего соответствия моменту встает во весь рост, что сродни само-разоблачению.

От Нейгауза до Брокгауза...

Такой вот диапазоновый – ну кто нынче может посоперничать с ним в этой весовой категории. А еще тут тебе Маркес с Борхесом, Ницше с Бродским, да Стравинский с Каравым... А еще Куприн с Рихтером и Леонардо... Вместить столько всего, ощущение, что общаешься с кем-то третьим – вовне. Невольно ищешь кого-то, за его спиной – столько ведь накопить невозможно!

Одновременно демонстрировал феноменальную память – таки сражал меня время от времени, исправляя и уточняя факты, в том числе моей биографии!

Человек со своей вымощенной философией, выношенными закономерностями... А может, ничего не мостил и не вынашивал, а просто – прислушивался. К себе, к Небу... Даром что “абсолютник”, как сказали бы музыканты...

“Когда закладывает уши от тысяч вопиющих в пустыне”...

Слышал, слушал, примерял и примирялся. И... восхищался!

Само воплощение Противоречия. Вот и сейчас – сидит напротив, смотрит на меня своими неоднозначными глазами; абсолютно просматриваемый наив в них и тут же – не без бедовых искорок... Неторопливо набивает трубку, глядя прямо перед собой – в вечность.

Это как прорыв – в другое измерение...

Люблю жанр интервью. Не буду перечислять за что – и так ясно. Назову лишь один аргумент: те самые “соринки” вымысла, что нередко (вольнo или невольнo) пристают к эссе или очерку, здесь исключены уже хотя бы потому, что наличествует “первооснова” – диктофонная лента. И тут уже не домыслишь. Единственное, что от тебя требуется, так это некий ключ, вскрывающий защитное поле героя.

“Единственное”... Поди отыщи его – с Вагифом Самедоглу...

Взгляд, нерастиражированный, – ну на все, что называется, с широким спектром климатических зон.

“Бродят по белому свету бескрайнему думы мои цыганами”...

Ну кто еще так скажет! Не удержусь, приведу несколько его афоризмов, да и просто цитат из беседы.

Ар - 16263

Теряя себя, мы не сможем найти друг друга.

Уставшему на родине на чужбине не отдохнуть.

Шайтан хороший психолог.

Чистый воздух бывает не в самом лесу, а на его опушке.

Принять дорогой подарок от пьяного – то же воровство.

*Можно ль узнать человека? Дай Бог до последнего вдоха
о себе что-то узнать и понять!*

*Не понимаю в людях неумение грустить и привычку зажигать
спички, когда они оказываются в темноте.*

Виселица – дерево, плодоносящее вне сезона.

*Для руководителя самый трудный экзамен – война,
для народа – свобода.*

Плохая дорога в благоустроенное село не поведет.

*Суд совести – самый негуманный на свете. Тут присутствуют
Судья и Обвинитель, но нет Адвоката.*

*Настоящий поэт всегда должен находиться в Оппозиции. Но
не к властям, это уже актуальность, а к Мирозданию и даже
к Богу.*

*Чувство страха сильнее самой смерти. Миллионы людей от
страха идут на самоубийство.*

Усталость, доставшаяся от отца-деда, тебя не покинет.

*Если бы одиночество могло кричать, от вопля этого заложил
ло б уши человечеству.*

*Мы были сосланы на эту планету. Сибирь Вселенной –
этот мир.*

Остановите Земной шар, сойти хочу!

Здесь и далее перевод афоризмов Н.Ф.

Он не из тех, кто мудрый, оттого что пессимист. Отнюдь. Здесь минусовая энергетика отсутствует априори. Тут другое – свет, тот самый, бьющий в глаза лучом обаяния. Из тех, кто уронит фразу в пространство, проходя мимо тебя, а ты потом думай над ней всю жизнь... И улыбка такая, что не поймешь – над миром насмехается или на себя плюет...

Стоит на верхушке мира и все-все видит.

Видеть обе стороны медали... Дар это или проклятье? Как знать...

А может, в имени дело? Вагиф – “всезнающий” его значение. А еще говорят, что все невозможно знать глубоко, хотя...

Знание Вагифа – оно какое-то... доутробное. (И не только генетика в том повинна, сдастся мне, – сотни опровергающих примеров приходят на ум в связи с этим. Как часто у гениев рождаются гении – вопрос из явно дискуссионных, историческая статистика скорее опровергает сей постулат, нежели... Куча поговорок на этот счет, или оговорок. Генетика это всего лишь предрасположенность, тогда как талант – всегда! – невзначайность. Хотя и скидывать ее, генетику, со счетов было бы неправильно)... Пронес он его бережно, не сказав скверной дня, что в альтернативах войны и мира, противостояниях света и тьмы...

И тут можно говорить о другом: как же повезло Самеду, что попало оно, его Знание, в надежные руки – поистине Вургун был счастливым человеком!

... Весьма своеобразная манера отвечания на вопрос – как бы параллельно. Не сразу поняла, что и не ответ то вовсе, а некие высверки чего-то очень важного на тот момент... Порой это было похоже на разговор слепого с глухим. Но, как ни странно, и как оно нередко происходит в жизни, из этого “недопонимания” и рождается Диалог.

Его “ответы” – они всегда с привкусом неизвестности. Как бы и не слушает, находясь в изрядном далеке, а потом вдруг обрушивает на тебя, неадаптированного, его – сочащееся парадоксами “решение”, причем безо всяких там логических “посылов” к нему. С самой высокой точки. С болевой!

Этим он мне неожиданно напомнил Алима Гасымова, который может взять да и начать мугам – с зил¹! До него подобное никто не вытворял...

¹ Zil - мелодическая и эмоциональная кульминация мугамной композиции.

Голос в диктофоне... Подобрать всякий раз нужный “диалогизирующий” инструмент, тот самый, единственный, который бы помог вскрыть замок души героя, его профессиональную и личностную крепость – от нащупывания предмета разговора до выведения следствий из оснований, которых может быть множество...

Точки зрения, великое их уймище... Такая вот форма “астигматизма”, ведущая – нет, не к слепоте – прозраению.

“*Yerin altım da bilir, üstünü də*”¹... В случае с Вагифом тут нет никакого преувеличения. Так, на вопрос – почему многие неуютно чувствуют себя в метро, отвечает: “Видимо, потому что между идущими под землей и над землей очень много могил...”

И не только “неуютно чувствуют – умирают! То и дело читаешь об этом. Не видела сообщения о том, что кто-то в автобусе-трамвае или там такси... Не попадалось такое, а в метро... Вроде выходит человек из дома в добром здравии... Знаю об этом доподлинно – тетья моя ушла так, родная...

Ответ, что не всегда произрастает из вопроса. Точнее, почти не произрастает. Как и последующая фраза – из предыдущей. Смычки эти, не всегда уклюжие... Точнее, несмычки, поначалу мне досаждающие, когда за вопросом, ему заданном, следует не ответ, нет, а... вопрошания... Их зыбкая хлябь... Это как всемирный потоп – без спасательного круга...

В какой-то момент я даже забывала, кто у кого берет интервью...

Я шла к нему за точками опоры, а попала – в водоворот...

Не сразу поняла, что в них, вопросах, и сокрыт тот самый ответ – в своей валкой неоднозначности. Размытый дождями жизни... Его, Вагифа, ответ.

А иной раз и вовсе казалось, что перевернутым он видит этот мир...

Каждый наблюдает жизнь из своего окошка. И хорошо еще, если оно – не с решеткой в потолок...

“Мы все безумно одиноки на дне души – своей тюрьмы”. Неожиданно всплыла в памяти строка Тютчева.

А это – Вагиф:

Как бежать?

Зачем бежать?

Куда бежать?

Земля мала,

Мала, как двор тюрьмы...

¹ Знает, что под землей, на земле.

С таким, как он, хорошо бы сидеть в одной камере. Камере без стен. И не заметишь, как “пожизненное” перешло в “постжизненное”... Наша жизнь, она и есть та самая камера, единственный надзиратель в которой – ты сам... Надсмотрщик неусыпный и неподкупный...

Встреча с ним как мостик к свободе – в себе.

Да и какая там “решетка”?

“Я никогда не закрываю форточку. Ангелы залетают ко мне запросто...”

Мне казалось, что вышел он во мне – лимит удивления. Высох. Ну все перевидела... Вагиф же “интригует” постоянно.

При этом не нагоняет жутей – как-то по-доброму у него получается укорить. И чувство юмора у него вневременное, не заточенное на “актуалку” – как бы чуть в прыжке. Человек не с таким или другим, а с – этаким суждением, от него всегда ждут особенного поворота в разговоре, после чего всем становится легко, будто бремя скинули. Впечатление, что и не было их, печалей в его жизни...

И что он уже был здесь – когда-то...

Настоящий собеседник. Умные люди редко слушают других, в смысле выслушивают. Что, впрочем, объяснимо и простительно. Самедоглу другой. Он слушает. До конца, может, дает возможность высказаться, чтоб сам понял, какую ахиною несешь... Поэтому с такими, как он, предпочтительнее молчать. Вот почему любая попытка диалога с ним кончается его, Вагифа, монологом.

Говорит неторопливо, так и видишь, как поднимается, с расстановкой сил внутри себя, до мысли, до высокой ее глубины... Грандиозный фактаж в руках, которым он легко манипулирует – как пасьянс раскладывает.

Аксиомы обретались одна за другой...

“Словесный гонаглы”¹ – прочла я как-то на сайте, где Вагиф общается с форумчанами. Точнее не скажешь. Пиршество мудрости, я бы сказала. Ее зримое торжество. И не только потому что читал запрещенных Кафку, Сартра и Фрейда, слушал жутковатые на вид рентгеновские снимки с чьими-то поломанными ногами-

¹ Qonaqlıq – угощение.

ребрами, озвученные вожделенными голосами Эллы Фицджеральд, Луи Амстронга, других гениев боготворимого им джаза. Непростое время, когда духовность добывалась, как искра из кремня... Не то что – протянул руку к полке, удобно устроившись на диване...

Его можно слушать целую жизнь. Много жизней. И не потому что умен... Скольких “умников” знаю, больше получаса с ними не выдержишь. Тут другое – отношение к рожденным на твоих глазах истин, их ошарашивающая целесообразность. Экспромтный ум, я бы так сказала, а не пакет заготовленных чужими мозгами постулатов; ощущение, что он и сам не знает, что скажет в следующую минуту, и решение задач приходит в ходе беседы. Будто впервые задумался над всем этим. А еще... Ну разве можно сформулировать то, что не есть – формула! Его догмы с оттенком сомнения (не путать с колебанием), поиска своей колеи – к Небу. Человек без точки. Такое вот двойничество.

Люди по-разному соотносятся с Богом. Знаю тех, кто всю дорогу умудрившись прожить без него, в тяжкий час становятся ретивыми его “приспешниками”, денно-нощно к нему взывающими. Знаю и других, пунктирно благочестивых, их легко распознать в салоне приземляющегося самолета, в трусливом малодушии шепчущих *Kəlmeyi-şəhadət*¹, а еще на поминках, “внимающих” всей душой “озарениям” моллы в томительном ожидании туршу говурма.² Знаю и третьих, яростных его “почитателей” на старте жизни, которые впоследствии, получив пару-тройку увесистых ее подзатыльников, как бы “разочаровались”.

Вагиф был с Ним всегда.

Нет в нем этого самого молитвенного “супротива”, просто родился – Божьим.

“Никогда веру в Бога не терял. А пришел к Ней не через религии, а с помощью книг великих атеистов, которые не смогли меня убедить в том, что Бога нет”.

Слушаешь его, “атеиста”, все чаще задумываясь о душе, ее посмертной участи...

Топчем, топчем эту землю... кто дольше, кто... и уходим... из откуда?... в куда? Круговерть бытия, в неумолимом нон-стопе...

¹ Кораническая молитва.

² Turşu qovurma – азербайджанское блюдо.

Круговерть, лишаящая возможности оглянуться, осмотреться, протерев глаза... разъедающая – мерно, но верно...

А может, убаюкивающая – уже от колыбели до...

А он никуда не торопится. Мог позволить себе не печататься десятилетиями... И это в наше-то время, когда “успех” давно уж стал синонимом “успеть”! Недаром ведь говорят, что люди страшатся двух вещей – бедности и безвестности.

Ажиотаж, эпатаж, камуфляж...

“Самый трудный экзамен... свобода”...

Железный занавес. Хорошо это или плохо? Почему плохо, это понятно, а вот... Люди при нем были более вменяемые, что ли, знали рамки опять же... Те самые, правильные рамки, что легли в базовое учение о нравственности – у всех народов и народностей они зафиксированы непреложным кодексом. Внутренние рамки, я говорю про совесть, наверное, ту, что с дозиметром. А сегодня... Наличие где-то там островов Сейшельских или Бог весть еще каких, на которых ты (о, ужас!) все еще не побывал... Тем паче, если там побывал сосед, коего ты стократ достойней... Метаний было меньше, разумения больше – так оно на моей памяти. Чем больше свободы, тем упорней невроз...

Насытить тщеславие невозможно. Мало кто сегодня достоин своей раскрутки. Уж очень трепетно нынче относимся к себе.

“Аддыхали на астровах... падмояк... мойдадыр... ели авакаду... сквазной...”

А вот это и впрямь – драйвово, объявление, на которое недавно наткнулась:

“Продаю квартиру в пос. воровски, на стенах висит дорогие камни сваровски”...

Тишина. Та самая, почти недостижимая... Когда слышно, как падает снег... Он любит ее, Вагиф. Знает, наверно, что лишь молчанием можно достичь Бога – может, оттого мы летаем во сне... А криком – сильно вряд ли... Бог его и не слышит, крик, в нашем визгливо-рекламном Сегодня.

И скорее всего – слышной молчащий...

А на вопрос – “что делать?” отвечает:

“Быть атеистом и верить в Бога. Любить и презирать Жизнь. Наполнять внутреннюю пустоту собою”.

Человек, пришедший к нему, и вышедший от него – два разных человека.

Эти вещающие глаза, этот сгусток в них сокровенности – чувств и мыслей...

Как же многое сосуществует в нем, взаимопроникаемость явленного и утаенного...

Его стихи – лучшей психотерапии не представляю... Взгляд не только с угла зрения житейской мудрости, он всегда как бы чуточку – вне. Будто подоплека жизни интересует его больше, чем сама жизнь. С ее непрочностью и ускользающей мимолетностью... Жизнь всего сущего, возникающего из небытия и рассеивающегося в нем... Неуловимой тайной теребя воображение... Растворяясь в секундах блаженства...

Как ныряние в бездну...

Будто кто-то стоит и подсказывает...

Ощущение кого-то третьего... Помимо Нушабы ханум, которая всегда рядом.

“Можно я скажу, Вагиф? Можно я выйду? Можно я принесу...”

Давно такого трепета не видела – одного по отношению к другому...

Жена великого Менухина, заполняя визовый бланк, в графе “профессия” написала... “раба”...

Оно понятно – неординарные люди не склонны фильтровать настроение, им необсуждаемо все можно. А коли так, спутник жизни просто обречен на роль все сносящей тени. Кроткой, бессловесной.

Все так, но ведь Нушаба ханум просто не “тянет” на нее...

Трудно себе представить, что она прошла... Афган. Да-да, ни много, ни мало. И тихие женские радости – явно не для нее, но... Но это уже совсем другая история. Скажу лишь, будь она обычнее, просто не попала бы в Его плоскость, где все – в Удивление...

Да и любовь у них была – площадно-революционная...

Ты и я – едино

Взысканы судьбой...

Она хохочет, журчаще так, даже когда ситуация того не допускает, создавая ему ту самую, нужную атмосферу, где всем – хорошо. Обволакивающим релаксом.

Не зря ведь ее из “şərqşunaz”¹ перекалфицировали в “vaqifşunaz”²...

“В обезвоженном зное пустыни жизни единственное звучание родника – голос женщины”...

“Не лирик я...”

Свободное владение лексикой, даже не владеет, а распоряжается ею. Слова у него не всегда имеют словарное значение – чуть между, чуть над...

Читаешь, подвешенный меж двумя мирами...

Или тремя...

Между жестоко утраченным прошлым, пугающим неведением будущим и отчаянно болезненным настоящим...

На грани – добра и зла, чувственности и разума, добродетели и жестокости...

Крика и... магического молчания...

В патетическом грохоте...

При слове “философ” на ум приходит именно он, и это-то сегодня, когда докторов философии у нас – 13 на дюжину (ну а психологов стократ). Философ у нас – один. Самедоглу.

Я имею в виду философию исконно первородную, которая одна, а не – конъюнктурно-прикладную, которой множество.

Он же Миллят векили... Двух созывов.

А, впрочем, – кому же быть векилом, как не Векилову...

Витающий где-то в облаках и решающий судьбу народа – изо дня в день...

А речь у него такая, что ни одному журналисту не выютюжить. И не просто златоуст, а – тантрически мыслящий. С каким-то обостренным слухо-зрением: выводы вручает, щедро так. Будто отмычки – от любых потаенностей.

Его афоризмы...

Читаешь, будто прозревая... “Так вот оно что”... “так вот оно”...

Будто не со всеми нами проживает, а на иной точке мира.

¹ Востоковед.

² “Вагифовед”.

Все звуки на земле – это шаги времени...
У всех цветов спектра тень одного цвета.
Проза – больница литературы, поэзия – ее реанимация.
Когда все дорожает, жизнь дешевеет.
Радость может изменять человеку, печаль – никогда.
В море Свободы необходимо уметь плавать.
Земной шар – планета людей, не ведающих что творят.
Самое благое желание рано или поздно становится неприглядным, как революция, ставшая властью.
У осторожного праздников не бывает.
Потеряться в мечтаниях... Может, это самое тяжкое из потерь.
Закон – жена, преступление – любовница.
Когда перо собирается в путь, вслед ему льют воду либо Аллах, либо Шайтан.
Самым свободным на Земле был один Меджнун.
Балансирую между литературой и виселицей.
Старость приходит не с годами, а с воспоминаниями.
Люди как деревья – кто кислород выделяет вокруг себя, кто углекислоту.
Голодного можно накормить, ненасытного – нет.
Ненасытных в мире намного больше, нежели физически голодных.
Самоубийство – это как прервать на полуслове Бога.
Все мы – путники разлуки.

Такие вот попадания наводят на мысль о третьем глазе – он точно указывает на болевые точки, диагностируя состояние культурно-нравственной сферы.

Вагиф, подобно космонавту, взмывшему на беспрецедентную высоту и обнаружившему микроскопичность Земного шара...

“Судьба? Она одновременно и бомба, и бомбоубежище”.

Или вот – “Джас – народная музыка мира”. Еще одно попадание.

Они умели попадать, дети Самеда. Как и он сам, даже на бытовом, казалось, уровне. Назвав младшенького в честь Молла Панах Вагифа, он...

“...этим же именем нарек и другого новорожденного. Вагифа Мустафаде, когда Зивер ханум попросила дать имя ее младенцу”...

Дети великих художников никогда не бывают “сынками”, они всегда – носители. В них трудно кинуть камень, но ведь – кидают. Прав был Ницше: “Больше всего ненавидят того, кто способен летать”. Человеческое недомыслие всегда приводило к нечеловеческой беспощадности.

“В глубокой древности люди, убивая, поедали друг друга, сегодня же – поедая, убивают” – читаю у Самедоглу.

Аура внутренней раскованности – вот что не прощают люди. Ее не купишь...

“Я не прожил, а выжил в этом отрезке времени” – Вагифу невозможно не поверить.

Есть, есть у него строки, после которых ты как бы в нокауте.

*Живу среди чужих,
руки держу в карманах –
капканах терпенья...*

Прям в духе японского стихосложения. “Капканы терпенья”... Те самые периоды малостишия, “нестихийные” периоды, просто писал в стол. Такие, как он, всегда были под прицелом. Не могли не быть. Разнuzданная травля в печати, спровоцированная в духе тех времен... Как увернулся от нее? Очень просто.

Диссиденты бывают двух видов. Тот, кто пишет и идет на плаху, и другой, “реформированный”, кто не пишет и “звучит в лад”. Терциум нон датур, как говорится. Так мне казалось до встречи с ним.

Вагиф придумал свой диссидентский путь – пишет и не публикуется. После того как “арестовали” тираж первой его книжки в 1967-м году и спустя пять лет искромсали рукопись второй, он принимает выжидательную позицию. Позицию, которая дала-таки свои плоды! Все приходит к тому, кто умеет ждать... Поди оспорь.

У жизни множество лиц, у смерти – лишь одно.
Свобода, как и большинство красивых женщин, любит богатство и силу.
Самый лучший повар – воображение голодного.
Азраил в плен не забирает.
Чтобы избавиться от одиночества, человек должен одержать победу над собой, а народ – над врагом.
Серый цвет – это Свобода. Он не привлекает внимания.
Хлеб честный, как и нечестный, покупаются в одном магазине.
Мужчина, затыкающий рот женщине, в свой тяжкий час немеет.
Даже высохшее дерево способно ожить, не торопись браться за топор.
Чужбине тесно на Земле, она прихватывает Небо.
У прямого пути ложь – на каждом повороте.
Весна под ногами, как знамя побежденной страны.
Человек до конечного дня своего так и не узнает, что потерял, а что приобрел.
Сносящий голову палачу – тоже палач.
Тревогу не оседлаешь.
Даже в непроглядной тьме различимы свои и чужие.
Человек подобен иве, что растет во дворе сумасшедшего дома, он никогда не сможет родиться там, где мечтал бы.
Первый снег падает на одинокие могилы.
Если б на Земле была справедливость, в Боге бы нужды не было.

дей, пусть и абсурдное, – объяснимее. После него начинаешь уважать жизнь (не путать с любовью). Приходит понимание того, что не есть она то, что предстает тебе изо дня в день...

Телесериалы... Бесконечный их косяк... Диву даешься, глядя на то, как бессмысленность может быть смыслом... Навороченный сценарий? Не сказала бы, жизнь кой-когда куда как навороченней. Отрезок между младенческой растерянностью и старческой потерянностью, в промежутке которых неказистость ума младости с последующим ее расхлебом... Это и есть Жизнь.

Мне она представляется следующим образом: в черно-черном тоннеле параллельно друг другу мчатся два поезда с ярко освещенными вагонами. В одном – ты, в другом – все остальные, выпавшие на твою долю современники. Поезда эти встречаются лишь на миг – скорость огромна (быстротечность жизни). И за этот миг мы успеваем отжениться друг с другом, отругаться, отобрать тебе непринадлежащее, заполучить регалии (правомерно и не очень), пнуть, подсидеть, убить... И вновь – тьма... Вечная, которая уже была – до встречи поездов. То есть смысл – во тьме, которая непреложна. Неизбывно извечной тьме. А не в твоих пересечениях разноуспешного свойства...

Ну а эскалатор – она же беременность. Пролог к Жизни.

Эскалатор печали...

У Самедоглу все заметно иначе...

Отсутствие агрессии на негатив – что это? Врожденный дар или результат сознательного перекроя себя? Жить как живется.

Без протеста. Как подталкивается сзади.

Для него, Вагифа, ход времени иначе течет – более вальяжно, что ли.

Может, в детстве дело, полным тепла людей, которым хорошо вместе. Совпало так счастливо, сошлось. Я заметила, тот, кто обогрет всем этим, немножко иной – в определенном смысле. Более снисходителен, что ли, а значит – благороден! В нем нет запуга, а значит, потребности – запугивать. Переласкать ребенка невозможно, топлива этого должно хватить ему на всю жизнь. Свет этот – у самого корня биографии, камин, тот самый, что не даст замерзнуть...

Вот и он, Вагиф, нешумный такой – в вакханалии сигнальной симфонии, промеж которой мы пребываем. И не обязательно авто-сигнальной, люди сами зачастую как клаксоны. Гудят, внимание к себе привлекают.

Вакханалия вакуума...

А он – степенный, и при этом – не остепененный... Но, как ни странно, именно тихие способны продинамить все вокруг, продемонстрировав всю ничтожность наших *с-утра-до-вечерних* намерений.

Расхваливать себя, огаживая других – примета дня, яростная примета. Ищут что бы покритиковать, а если не найдут, домысливают – чего только не встретишь на просторах журналистской индустрии. Претензии – они самые разные. Одна нелепей другой. Помню, Вагиф очень четко ответил на одну из таких “нападков”: *“Критиковать прошлое не опасно. Люди, которые не в состоянии бороться с главным инженером своего ЖЭКа, терпящие сокрушительное поражение от дорожной полиции и т.д., “возмущаются” тем, что кто-то не противостоял сталинизму у нас, не боролся с фашизмом, проживая в гитлеровской Германии...”*

Вот так вот просто, еще одним непромахом – все пояснил-прояснил... Как всегда – аргументированно и веско, предъявляя неоспоримые доказательства их вопиющей неправоты – на “подручных” примерах.

У него много достоинств. Но еще больше – недостатков.

... “Я не знаю, что это такое – ходить на работу, и никогда не знал” – признается Вагиф. Такое вот симпатичное тунеядство. Как сказал мыслитель древности: “Найди себе дело по душе и тебе больше никогда не придется работать”...

... А еще жадность – умение бытовать в двух полярных стихиях – ночи и дня, тьмы и света, ада и рая. Это какой же объем легких нужно иметь! И все-то ему мало...

... А еще непоследователен он в своих пристрастиях – учился музыке, которую бросил, писал стихи, которые не публиковал, общественной работой занимался не столь по зову души, сколь по “назначению”...

... А еще норовист – так и не стал “утруждать позвоночник рабочим утомленным наклоном”...

... Да и с математикой у него нелады: *“Родился в 1939-м, в 1937-м посадили”*... Именно так он пишет в своей блиц-биографии, современно говоря – сиви. Или же: *“Хотел дважды убить себя, но не убил тысячу раз”*...

... И в географии не сильно силен: *“Сена течет по земле и впадает... в Каспий”*...

... А еще... *“Да, хулиганил. Как-то разругался с Маргарет Тэтчер, на правительственном приеме. И сейчас совершаю по-*

ступки, которые можно причислить к хулиганским. Сожалею потом очень”.

...Беспринципный он – светотенит по жизни восьмой уж десяток лет...

... А еще беспутный – три аж брака за спиной...

Список его “несостыкочков” – он бесконечен. Все так, но...

Если брать по природным, так сказать, заветам... Бытие с представленными приоритетами, набор обстоятельств, в которых всегда есть место благородству и великодушию, непреложно важному в иерархии твоей системы ценностей... Параметры здесь – иные... Тот случай, когда недостатки автоматом превращаются в достоинства.

Но “автомат” этот нужно было – выстрадать...

И – есть там один нюанс, который... Помните, у известного сатирика про: что хочу, то и делаю” и “чего не хочу, того не делаю”...

Такая вот разница между низшими и высшими уровнями человеческих намерений...

Жизнь как лабиринт обстоятельств – непроходимых подчас... Не расплавиться в житейских неурядицах, не сгнуться в пучине чехарды... Сложности, трудности – они запрограммированы. Трудно рожать, трудно добывать нефть из моря или уголь из №-ной глубины... А еще трудно выздоравливать... Прожив с полвека, вдруг отчетливо поняла, что ни одна из болезней не излечима. Ни одна! Продлеваема – да, гормонами, гемодиализами, капельницами... Но – не излечима! И да чего мы стоим после этого, спрашивается? С чего прыгаем, в снобистском киче бия себя в грудь?!

Ироничность и доброта редко уживаются в одном человеке, если, конечно, он не Вагиф Самедоглу. Откровенный и при этом не лобовой. Рафинированный и необузданный, цельно-монолитный и сотканный из сомнений...

И при этом – такую убежденность не вытравишь никакой кислотой...

Клондайк парадоксов!

А на вопрос о самом счастливом дне в его жизни отвечает: *“Не было такого у меня. Счастливым день – это слишком много. разве похож я на блаженного? Пребывание в постоянном счастье это тяжелое психическое расстройство. А я нормальный человек, с минутами радости и даже счастья”*...

В. Самедоглу – символ нашей уникальной геополитики. Сама она. Изобразительно мне он видится как...

Как *təşbeh*¹ – на партитуре шубертовских романсов...

¹ Четки.

*Мой адрес:
Бесконечность,
Время,
Пространство...*

Он не преувеличивает, Вагиф. Тесно ему в прокрустовом ложе аульности... Да и не только:

*Эх, был бы такой разговорник –
с ветром поветрывать,
с дождем подождать...*

Его сравнивают с Ф.Г. Лоркой, с Сезаром Вальехой, Эмили Дикинсон... Все так, но отчего-то не лестны они, эти сравнения, в контексте Самедоглу. Бессмысленные рвения объяснить себе его, отталкиваясь от уже известных “точек отсчета”. Так, например, вклад, внесенный им в азербайджанскую поэзию, уподобляют вкладу, внесенному в поэзию французскую Артюром Рембо, в австрийскую – Георгом Штраклем... Один из издателей его стихов, француз, вынес нам фактически вердикт: “Вы, азербайджанцы, будете судимы судом истории за то, что до сих пор его не знает Запад”.

Что поделаешь, время было такое. Время, когда любая творческая мысль заканчивалась на границах СССР. А Вагиф... Он не задумывался никогда – оценен в соответствии со степенью своей одаренности или не оценен...

Много их, горько сожалеющих, что родился он не у них – в Италии, Латвии, Германии, Грузии, Америке, Польше, называющих его не иначе как “азербайджанское чудо!”

Он из тех, кто мог бы украсить своим наличием культуру любой страны. Это истина. Азербайджану повезло...

... Тем временем мэтр продолжал меня удивлять, усердно делая вид, что такой, как все. Будто не о нем весь этот захлеб. “Ну что вы, солнышко, говорите такое? Уверяю вас, у обывателя те же переживания от его проблем, что у меня от моих... Обыватели тоже разные, как и гении”...

Другое дело, что...

“Талантливыми и бесталанными бывают не только писатели, но и читатели”, – говорит Вагиф. Как не согласиться, примитивное “полупонимание” никогда не создаст тот самый отклик, чрезвычайно нужный художнику. Интеллектуальный

голод испытывают далеко не все. Пенка “культурная”, что поднялась вверх – выше некуда. То, что обычно собирают шумовкой. Шумовка и есть. Резвости умственных процессов вокруг не наблюдается. Почти. Впрочем, она всегда была единичной, резвость...

... То было время, когда энтузиазм бил ключом не только у шахтеров и пахарей, – я говорю о ренессансе культурном. Когда знания получаешь как воздух и воду. Время, когда под небом ходили доярки, продавцы, маклеры. А не их модернизированные синонимы – операторы, менеджеры, риэлторы... Время обертки.

А тогда... Ниязи, Расул, Караев, Амиров, Муслим, Вагиф, Саттар... Все это было в шаговой доступности. И вроде не так давно... Так вот мы и есть – то самое поколение счастливых, и сарказм наш по отношению ко всезахлестывающей “любви к искусству” звезд районного масштаба, с их клинической псевдологией, – он объясним и простителен. “Бесталанные” читатели... Как это – у остроумного Лихтенберга? “Книга – зеркало. Если в нее смотрится обезьяна, то вряд ли навстречу выгянет лик апостола”.

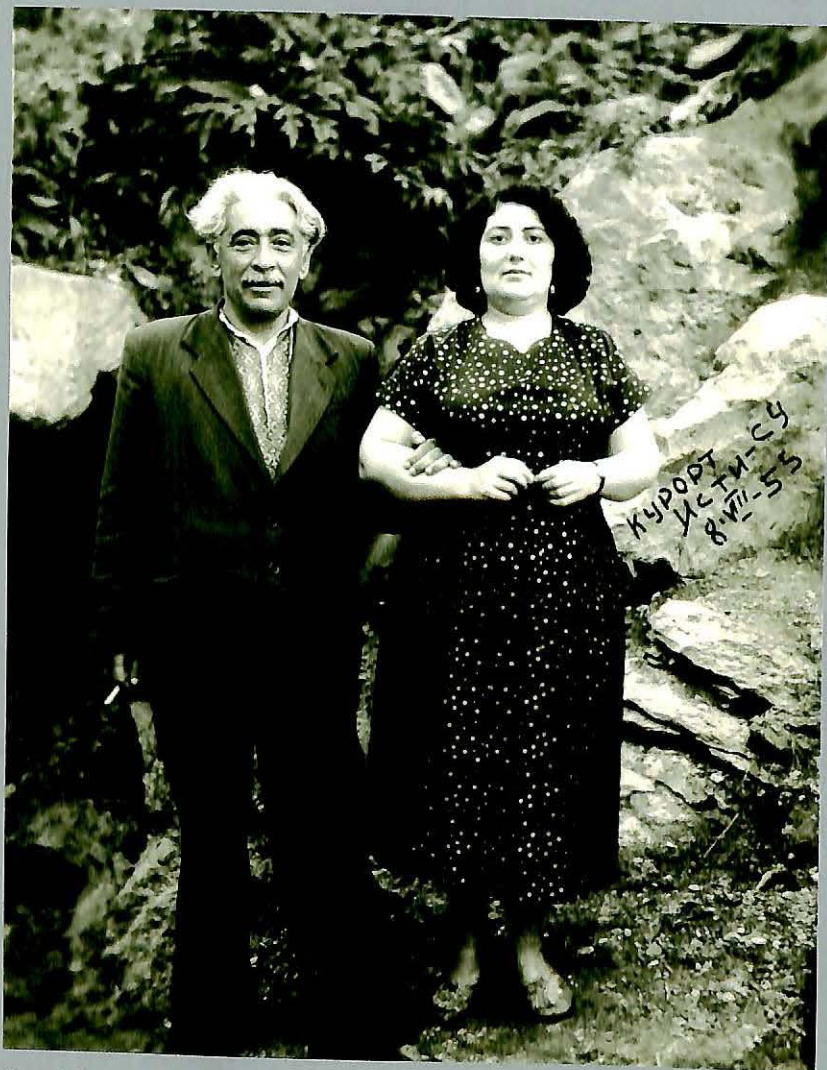
Они, сегодняшние, знают слова, о которых мало кто из нас в свое время слышал, – плагиат, полифония, акустика... Правда, контекст поменялся и под акустикой понимается зал “Şadlıq evi”¹, а под сонатой, например, – машина Hyundai... Модель, охрана, контуры, пластика, лайнер... Слова эти эволюционировали на наших глазах и сделали это весьма занятным образом, по ленинскому принципу “кто был ничем, тот станет всем”. И, соответственно, наоборот. Так, “корректор” нынче ассоциируется с угревой сыпью, “зарядка” с айфоном...

А еще они знают мансарду и солярий...

В те же, иные времена... Времена без домофонов, глазков и кодовых дверей... Двери не запирались, а если и запирались, то ключик оставлялся под половичком, и все соседи об этом знали. Думаю об этом и будто достаю из сердца тепло детства, незасоренное искажениями, навевающее воспоминания, оживляющие лица, греющие, утешающие...

“Не видел более обаятельных людей, чем наши бабушки, – уверяет Вагиф. – А нынешние уже не такие. Ну не может быть обаятельной бабушка, которая смотрит бразильские сериалы и занимается правозащитной деятельностью. Возможно, есть исключения...”

¹ Дом торжеств.

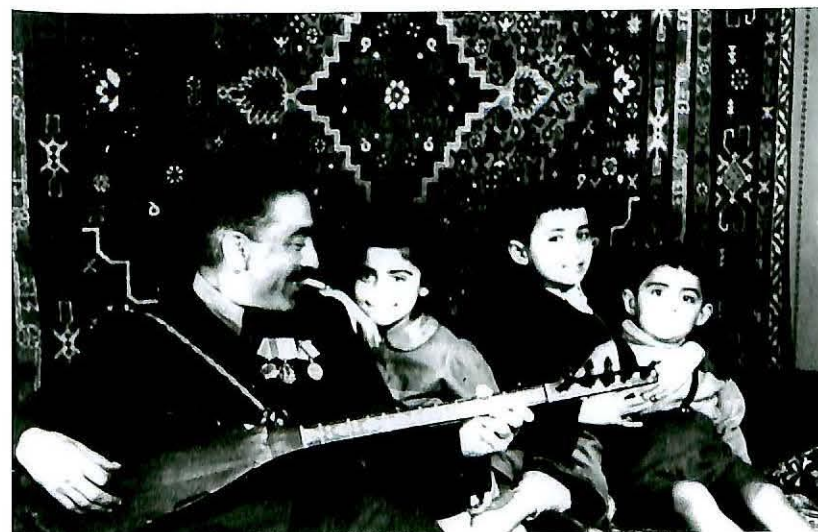
Самед Вургун и Хавер ханум - родители Вагифа Самедоглу

Мама – Хавер ханум

Вагиф в детстве

С отцом Самедом Вургуном, сестрой Айбениз и братом Юсифом

С сестрой Айбениз

Вагиф Самедоглу, 70-е годы

*Слева направо: Зохраб Адыгезалзаде,
Джесвет Гаджиев, Акшин Ализаде,
Вагиф Самедоглу.
Москва, 1962*

Самед Вургун и Назым Хикмет. 1951

С Тофиком Кулиевым. 1985

Слева направо: А.Пфефферкон, В.Самедоглу, К.Г.Кайзер, Г.Атакишиев. 1987

С Тауром Салаховым. 2007

Президент Гейдар Алиев с семьей Векшиловых на 90-летнем юбилее Самеда Вургуна в Аллее Почетного захоронения в Баку. 1997

Вагиф Самедоглу, правозащитник Сергей Ковалев, Анар

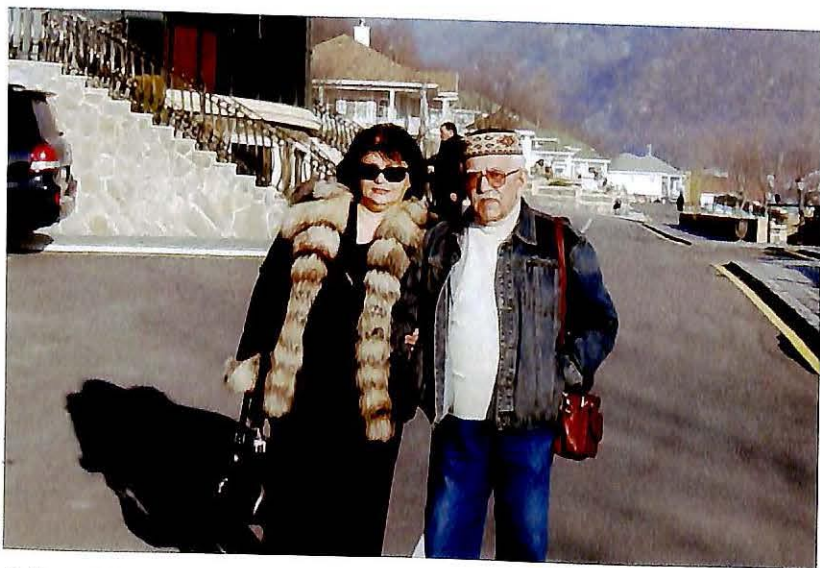
*Президент Ильхам Алиев и Вагиф Самедоглу
Страсбург. 2004*

*С Папой Римским Иоанном Павлом II
2002*

С Хавер ханум. 2000

С Нушабой ханум. 2014

Было, было что-то хорошее в лето канувшем, надежное, святость была – как ни странно, во времена пиршества атеизма! Это сейчас отчетливо понимаешь, когда сообщения об очередном поджоге мечети или церкви стали почти буднями...

...И были они – настоящие. Без пузырей. Не подчеркивая это. Еду по городу – баннеры, плакаты, вывески...

“Əsl sement”... “Əsl dərman”... “Əsl təhsil”!... А еще – мыльные оперы, ложный фасад...

Поменялся город, похорошел неимоверно, но, изменившись, оужел...

Недавно открыла крышку пианино – сто лет не подходила, поиграла неловкими пальцами из оставшегося в памяти – цитатка за цитаткой... А потом вышла на улицу – как на другую планету попала! Раньше такого не было – Шопен дома и бакинская улица как-то бесконтрастно совмещались. И одно продолжалось в другом – в лицах, в расположении к тебе и друг другу... Культ в доме и культ улицы были в глубоком консонансе.

Впервые услышала об этом от Беллы Давидович, нашей всемирно известной землячки, о тревожной уровневой ситуации – по миру. О симптомах духовного упадка, о том, что нормы сдвинулись, и что “по-настоящему подлинное сегодня никому не нужно”. Лет 15 назад с ней встречалась, она приводила примеры, казавшиеся мне ужасающими...

Уроженка Баку, величайший интерпретатор музыки Шопена... У меня не было оснований ей не верить...

Фасад... fəsad²...

... Ну а панель была одна – панель управления. О другой не знали. Зато знали ГТО, и были готовы “к труду и обороне”, а не к... “сезону бикини”... ГТО, ВТО... Реквизит соотносился исключительно со сценическими подмостками, не с банком, а проблема “сюжет или бюджет” просто не стояла – ни в кино, ни театре...

В. Самедоглу-драматург. Автор пьес настолько антитетичных, что... От злоключений потешного недоразумения по имени Мошу до “Последнего приказа генерала”. В единоначалие их авторства верится с трудом – больше напоминает вопрос на засыпку. Или – добивку. Правда, это если поверхностно скользнуть. Есть, есть там зачаток родственности – в постановке поднимаемых проблем, их призмы философской.

¹ Настоящий цемент. Настоящее лекарство. Настоящее образование.

² Печальные последствия.

“Меня радует, что “Вахт üziyü” по художественной ценности сравнивают с опереттами Уз. Гаджибекова” – признается драматург.

Что до “Генеральского приказа”, то две его постановки, с временной разницей в 15 лет, весьма отличаются по подаче авторского материала всеми его участниками, от режиссеров и композиторов до актеров, и обе – интересны! Причина известна: зерно, заложенное драматургом в основу произведения, его полигранный потенциал, вскрывающий новые ипостаси в тех, кто соприкасается с ним, выявляющий неведомые грани их творчества.

А роднит их все та же глубь и высота. Все тот же внутренний компас, не дающий сбиться...

Люблю тех, кто виднеется, не виднеясь, мало кто не проявляет себя внаружу – ну все напоказ. Раньше создавали оперы, романы, картины, сегодня – проекты. А проект это всего лишь проекция, которая в переводе с латыни означает не что иное как “бросание вперед”. Он же самопиар.

Модель с соответствующим уровнем умственного развития. Или шоу-певичка местного разлива, этакий “духовноноситель”, с едва прикрытыми жизненно важными органами вещающий о высоком. Привселюдно так. Ну любят они, центровые, давать интервью – хлебом не корми.

Глупо-пустые, с их бесперебойным стремлением вжиться в роль оригинала. Попыток много, а вот... Ощущение хронического дежавю – клишированные фразы, клишированные поступки...

“Мои ноги – всегда в центре внимания!”

Шоу-люди.

А тут элитарность – безгламурная...

Пытаюсь донести ему свою очередную “свежую” мысль. И вдруг, не дослушав:

“Шоу-бизнес начался с Паганини. Да и с Листа Ференца тоже. Вплоть до внешних проявлений. До имиджа сценического...”

Примиренческая позиция, адвокатски оправдывающая ну все на свете. Разрешительный человек, компромиссный. Бунтарский дух, если и одолевает, то где-то глубоко внутри, куда никто не заглядывает. Без выплесков наружу. Почти.

“Капканы терпенья...”

Древняя китайская философия гласит: “Сильный способен победить более слабого. Мягкий же побеждает всех”.

Наверное, побеждает, все становится-таки на места свои. Не печатался чуть ли не с полвека, а тут – толпа с микрофонами в дверях. Чуковский, кажется, сказал, “в России надо жить очень долго, чтоб до чего-то дожить”... География тут, думаю, ни при чем. Сколько их, разминувшихся со славой по причине... В молодости вешают ярлыки, в старости – ордена. Кому их показывать? Богу они не нужны – там иные “пропуска”...

Становится на места, похоже...

Но от этого “порядка” не легче...

В дискуссиях с ним многие опростохвостились, в том числе и жутко принципиальные. Вагиф очень нужен. Всем. Свободным – явно, несвободным – с тоской исподтишка. Приходиться ко двору каждого – не балансируя... И вновь...

Он очень нужен сегодня, – во время схваток Мендельсона с “Вагзалы” и прочих битв ценностей. Трудно жить без его комментариев. Такие люди, их нечастое наличие среди нас, делают несообразность мира менее выраженной. Будто причесывают этот хаос в космосе, который будто взял да разбалансировался...

Мир, где обсуждается право геев быть священниками, а ахунд продает марихуану. Мир, где участницы конкурса красоты, эти “мисски” мира – трансгендеры, а министр иностранных дел (мужчина) “выходит замуж”, где гаишник сбивает пешехода, а психолог сидит за мошенничество...

Мы говорили с ним обо всем этом, а спустя неделю евросонг выиграл... или выиграла... Или выиграло... Короче, это “два в одном” заполучило максимум баллов – народ словно сговорился в своих предпочтениях...

“Вчерашние пороки нынче нравы” – прав был классик...

Мир вокруг Вагифа, – линияющий, меняющийся, а порой и рушащийся. Он наблюдает его, непокоренный, лишь убеждаясь в выверенности своих выводов о нем... О мире, неузнаваемо деформированном подчас, подтверждающим выводы эти каждым новым днем...

Репортом всегда абсурдного утра...

Как скулеж щенков в предрассветном отстреле...

Наблюдает этот конец света, который почему-то не наступил...

С годами планета становится планеткой, а год – годиком. А жизнь – мигом...

Может, в возрасте дело? С сопутствующими сомнениями... Слишком часто бывали свидетелями крушений догм, закономерностей, положений и мифов...

Все так. Но отчего-то мудреют – единицы... Завеса приоткрывается не всем...

Я спросила его о ней, о мудрости, которая и есть – панацея. Он вновь оборвал меня:

– При чем тут мудрость, Ната... Мудрость это полное поражение! Полный крах – моральный! И даже физический. Я сейчас на той стадии, когда у меня кончились ответы! Вопросы разгромили все ответы! Полный триумф!!! Полная победа вопросов! А ты говоришь – мудрость...

Он всегда задумывался о смерти. Смолоду. Листаю его книжку – ну как может 25-летний писать о могилах?

А молчать все равно

Голосу и строке

В какой земле,

На каком языке...

Или вот еще, стихи, датированные 60-ми годами, – отчего так много “последнего” в них?

Последняя ночь, последнее утро, последний ветер, последний парус, последний раз, последняя улыбка, последний день, последний вздох...

И это он писал в возрасте Христа! И так на каждом шагу. Откуда он, пессимизм, у молодого “везунка”? Эти “поминки бесконечной жизни”...

“У порога распоротой ночи”...

После этой строки я не могла уснуть.

Будто Небо сомкнул с Землей...

... Да и не только в стихах. Даже, общаясь в сети с форумчанами, на их вопрос – а почему вы, такой великий, сидите тут с нами – ни один другой живой классик у нас этого не делает, он ответил:

“Собираю хороших людей на свои похороны...”

Нет, он не покинул его, тот бриз повседневной шутки, свойственной ему как никому, и которой не становится меньше... Просто чуть с грустинкой она, с ее огорчительным налетом...

– Что останется от вас, из всего написанного? – спросила я его.

“Я здесь, Господи!” – был ответ.

*Молниеносный такой.
Будто ждал...*

Порою он казался до боли родным, а временами напоминал льдину в океаническом просторе, уносимую ветром в недоступность... Оставляя тебя ни с чем...

Безмерная нужда в таких людях.

Они всегда особняк, а не массовый застрой, уж очень дозировано засылаются. Его всегда ищут, и искать будут, чтоб – чуть под стать... Его непременно будут искать, ну что ж, адрес, он известен: остров в море разлуки – тот самый – далекий и зеленый...

Вагиф адресов не меняет...

Он не стал провожать меня, как это обычно водится, – с комплиментами на предмет доставленной визитом радости, со словами благодарности, неизменным ожиданием следующей встречи и прочими положительно окрашенными моментами приятности.

Просто сказал, что устал и хочет спать.

То ли я со своими вопросами не показала ему на уровне, то ли просто вдруг перестал видеть смыслы в этой говорильне по имени Жизнь.

Жизнь, где чем больше ответов, тем больше вопросов...

А смыслы, открывшиеся ему, были закрыты – накрепко – для меня. И не было в дверце той – ни щелочки...

Дверь – та самая, без подглядок и догадок...

А может, не проводил, потому что знал, что...

“Все разлуки жизни начинаются со слова “здравствуй” – вспомнился мне еще один его афоризм...”

Я вышла от него – в ночь, так и не поняв, когда она образовалась за окном, наступившая в тот день совсем не в свое время...

Я вышла от него – ловить то самое такси...
В осень...

*Bir axşam taksidən düşüb payıza,
Bilmədik haraya hayana gedək...¹*

Я шагнула в осень. Ту самую... майскую.
Так бывает, оказывается.

Как “Игра в снежки летом”...

Парадоксы Вагифа Самедоглу продолжались за его дверью – инерционным сюрсом...

Осенний май...

Я уходила от него – в “распоротую ночь”, неся в душе обрывки разговора – с “рваными краями”...

И лишь месяц в черном небе будоражил, повиснув золотым вопросом – в проеме дворовой арки. Ликующий такой...

“... Полный триумф!”

*Удивилась, прослушивая уже дома диктофонную запись беседы.
Его многостопный монолог... Их не так уж и много было, слов.
Пауз было куда больше.*

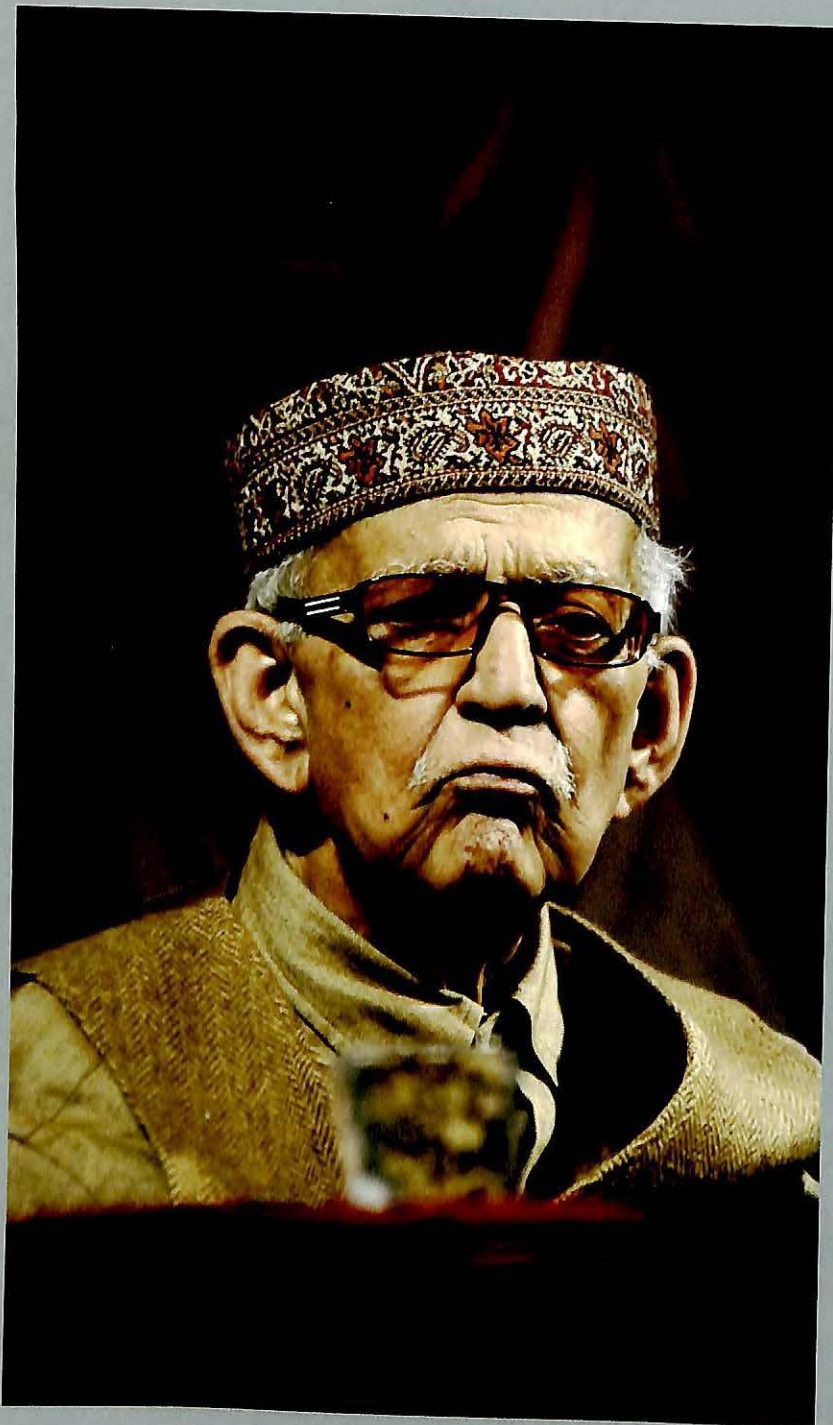
*Содержательные, говорящие, не тягостно зависающие...
Он мастер их безусловный...*

*А еще там был Взгляд его перед собой – как в Конечность...
...или Вечность...*

*Ну как их расшифруешь, каким “лексическим запасом”...
Там был ритм, иной, его, Вагифа, ритм, пространство, где
стрелки бегут, пульсируя в совсем иных темпах...*

В пульсе межмирья...

¹ Как-то вечером из такси сошли мы в осень,
Не зная, куда устремиться, пойти...
Начальные строки популярной песни Эмина Сабитоглу на слова В. Самедоглу.

Разговор "с рваными краями"

Я впервые не знаю, о чем говорить... Правда, не знаю. А давайте не будем заморачиваться и просто поболтаем. Это мой любимый "жанр". Там меньше утайки, больше "настоящности"...

Как скажете...

Не интервью, не беседа. Чтоб без внутренней подготовки и настройки. Чтоб как во сне – мы ведь не задумываемся о "тематике" предстоящего сновидения. Разговор ни о чем. И обо всем. В принципе, разница небольшая. А может, ее вовсе нет... Помните, индийская, кажется, философия, – белое это черное, черное – белое...

Помню...

Что я могу вам сказать? Что нового я могу вам...

Ой, Господи, да очень многое...

Да это я вид делаю, что умная, на самом же деле...

Самое главное не говорить новое, а новое услышать. Я стараюсь всегда услышать ту информацию, которая сокрыта за той, что мне говорят...

Ну вот, уже психологизм пошел...

Это с детства...

Стихи ваши... Там все пластами-слоями, эта недосказанность, все на нюансировке... Смещение всего на свете. В этих комбинациях...

В моих стихах?

Да. Честно скажу – прочитала и половину не поняла. Возрасти до них еще предстоит – если повезет, конечно. Видите ли, оттого что вы у нас один такой...

Скажите мне честно... Давайте я начну. Каспийское море... Вы понимаете его? Я – еще нет...

В каком смысле?

Я еще не понял – что это...

Не люблю его...

Я не о любви говорю...

Когда-то лето для меня было – Каспий! Но, после того как оно унесло нескольких моих друзей...

Ну хорошо, – облако. Мы знаем, отчего оно образуется, какие химические или физические явления там происходят... Но для меня это тайна. И это прекрасно...

Смена картинки каждую минуту... Шифр – не шифр, знак – не знак...

А еще звуки... Я еще живой и буду жить, пока есть время... пока есть звуки... Потому что мир звуков – это... Я вот при таких болезнях, что у меня сейчас, неизлечиваемых...

А нет излечиваемых болезней – не видела таких...

Это правда. И диабет сахарный не излечивается, и рак не излечивается... Приостанавливают, скажем так, какое-то развитие, – химтерапией, тем-то, другим-то... (Пауза). Я говорил о звуках... Так вот, при этих болезнях... Говорят, у тех, кто тонет, вдруг в один миг проходит вся жизнь перед глазами... Такого со мной не случилось, я не могу это подтвердить, но... Проходит. Если не вся жизнь, то определенные места, Ната, которые я с убийственной тоской хочу повидать еще раз. Это Кисловодск, где я провел все детство, каждое лето. Вот мечтаю поехать, хотя знаю, что при моей скрытой гипертонии он высоковат... И еще – Московская консерватория... (Смакующе). Моссс-ковсссская консерватория... Я никогда не знал, что они мне запали так глубоко. Это кошмар – Московская консерватория! Эти звуки из классов – по коридору ходишь... Потрясно! Мне посчастливилось два раза быть на

уроках – я учился у Татьяны Петровны Николаевой, профессора... Вы ведь знаете, что там можно было открыть класс, попросить разрешение и...

Да, у Нейгауза, например...

Вот у него я два раза был! Я не то чтобы театрал, но иногда ходил на спектакли московских театров. Так вот, это были два лучших спектакля, которые я в Москве просмотрел за то время, что провел там стажером... Нейгауза уроки! Это было непередаваемо!

Я училась у Нигяр ханум Усубовой, его ученицы...

Нет, Нигяр ханум училась у Гольденвейзера. Я был ее ассистентом одно время...

Простите... Волнуюсь, все перепутала – конечно же...

А какие она мне письма в Москву писала... Будь серьезнее, Вагуля, умоляю, отнесись к занятиям более... это очень важно... не трать время на глупости...

С ума сойти! Знала бы Нигяр ханум, что когда-нибудь я буду у вас брать интервью...

Ну и что? Она и сама окончила АЗИ, и только потом была Московская консерватория...

У вас получилось как бы «немножко» наоборот...

А Гольденвейзер... До отъезда из России Рахманинов сыграл с ним свою Сюиту для двух фортепиано. В Колонном зале... И ему же посвятил... Впервые эту сюиту исполнили они. Он часто ходил в Ясную Поляну к Толстому, проигрывал ему в шахматы и играл по его просьбе на фортепиано его любимого Шопена. Правда, когда у Льва Николаевича было плохое настроение, он говорил – не играй его, я сейчас расплачусь!

Но вы ведь не могли этого помнить!

Нет, конечно. Но самого Александра Борисовича Гольденвейзера помню очень хорошо – небольшой, сухощавый, в драповом пальто, с каракулевым воротником... Вместо пуговиц были... как их, в петлях... Как будто после революции он себе ничего не покупал... А Нейгауз...

У Нейгауза училась другой мой педагог, школьный, Лилия Давыдовна Магомедова – так вот она рассказывала, что...

Да-да, жена Абдул Халыговича, фэготиста...

Ну всех знаете!

Одно поколение... А Нейгауз, Генрих Густавович... Яркий человек был очень, вот его уроки мне не забыть... Он не всегда разрешал, был интеллигентом большим, спрашивал позволения у ученика, который на тот момент проходил урок... “Я не возражаю. А как вы, голубчик?” А москвичи очень любили играть другим. Особенно в старом корпусе. Занимаешься в каком-то классе, сидишь, играешь, открывается дверь и приглашение: “Вы можете зайти ко мне в класс послушать? Я хочу сыграть...” Это было запросто. А Генрих Густавович... “Заходи, голубчик, только не шуми”...

Усубова Н.И.

Вагиф муаллим погрузился в “то время”...

“У него есть стихи, посвященные Нейгаузу, – говорит Нушаба ханум, разливая чай. – Сейчас покажу”.

Вот оно, это стихотворение.

*В моей комнате Шопен...
Теперь идите,
теперь издалека следите
за последним моим днем,
за последним моим вздохом
и еще
за человеческим желанием пожить,
пока этот ноктюрн
будет звучать...
И я,
и моя жизнь
оба одиноки,
объединившись,
тихо-смирно
поживем на земле.
На земле,
На ее трясущейся ноге...*

“На трясущейся ноге”... Ощущение жизни настолько верное! Или вот “...с рваными краями...” – вычитала у вас. А ведь правда: ничто не поочередно в нашей жизни, обрывочно все...

...

Нет никаких последовательных сюжетов, как нет предпосылов – ничто ни во что не выливается, скорее, наоборот. Гольденвейзер ходил к Толстому, стал пианистом, вы ходили к Нейгаузу, стали великим поэтом... Не знаю, кому удалось что-то выстроить, – говорю про неординарных, конечно, смотрю, наблюдаю... Я перелистнула вашу биографию – рывками все...

Где вы ее листали, какую биографию?

Книжку мне Анар дал про вас, последнюю... Не ухабы даже, а какие-то выпады или выныры в иную явь, как это бывает у людей незаурядных. В невыстроенности этой смысл их

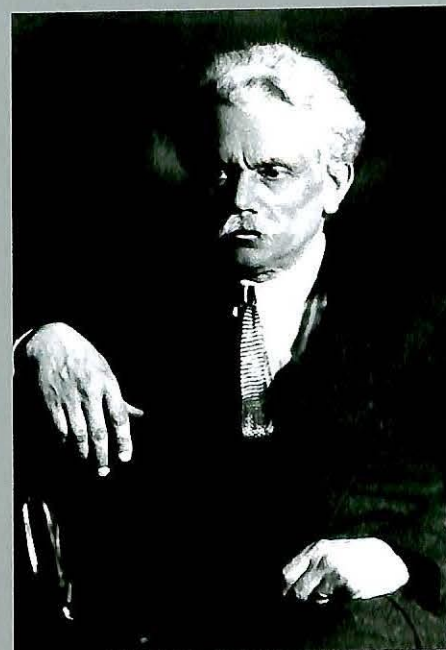
Нейгауз Г.Г.

Флиер Я.В.

Николаева Т.Л.

Гольденвейзер А.Б.

прихода, как оказывается позже... Я не про обывателей – у них все более прогнозируемо, что ли...

Ну, Ната, что вы говорите такое?

Нет у них таких проблем...

Как это – нет? Уверю вас, у обывателя те же переживания от его проблем, что у меня от моих...

Не уверена...

А я абсолютно уверен. Тут речь может идти только о качестве...

Проблемы обывателя я могу перечислить, ваши же – нереально. Вы – за всех, за все, за мир, за тех и не тех...

Да нет, солнышко, вы не перечислите проблемы обывателей – обыватели тоже разные, как и...

Вы лукавите, Вагиф муаллим, ой, лукавите. Вы там внутри себя такую вскопку делаете! А обыватель – он ставит на жизнь. На жизнь, как она есть. А художник – как должна быть. Когда шла сюда, пыталась найти точки соприкосновения, и страшно радовалась, когда находила – во-первых, консерватория за спиной, как и у вас...

Это серьезно.

Даже подумывала сделать беседу с музыкальным уклоном, и была поражена, когда вы начали с него – звука... Будто почувствовали. Вы провидец, не иначе. Или телепат. Вагиф муаллим, вы мне очень близкий и родной, понимаете...

Я знал вашего брата. Удивительный человек был... Allah rəhmət eləsin, hayıf... bizdən getdi... Azərbaycan dan getdi...¹

Спасибо. Продолжим тему звуков...

Прекрасный рассказ есть у Куприна, писателя, которого я не очень-то люблю, но это так, субъективно... Рассказ о звуках, про то, как два офицера пьют ночью – за звуки.

Что за рассказ?

Ой, не помню названия... Петух прокукарекал – о! Радость! Там потрясающий один тост был: телега проехала, вдалеке, обрадовался офицер – о! Давай, наливай!..

¹ Царство Небесное, жаль, это потеря для нас, для Азербайджана.

Счастливые, надо же, сидят, звука ждут... У меня в шесть утра теленка режут под балконом – так он ревет на всю...

Вот и напишите об этом... “Не буду я за это пить. Почему? Он же, сволочь, как плохо дегтем смазал колеса!” Я был убит. Наповал! Все-таки, каким бы ни был пьяным, какая-то заумь у него – хорошее слово, кстати, русское... Он помнит, он хозяйственный! Замечательный рассказ! Так вот, я вспоминаю ту нейгаузовскую телегу, прекрасно смазанную...

Чем?

Наверное, гением педагогическим.

Имея за спиной классическое академическое музыкальное образование, вы сфокусировались на другом. Такое случилось в истории музыки – Шуман, помнится, руку перетрудил, пришлось не играть, а писать... Слушаю вас – вы что, жалеете, что ушли тогда...

А я и не уходил никуда. Просто не мог заниматься и все. Уже не мог. Я восемь лет преподавал в консерватории. Но это ведь не основы марксизма-ленинизма, чтобы заучить их раз и навсегда, и читать лекции до скончания... Студенты требуют, чтобы я играл... А я не играл...

Еще одно попадание – ненавижу педагогику, хотя стаж немалый имею...

А я очень люблю педагогику, но не умею преподавать. Просто – не умею. Когда уходил из консерватории, собрал своих студентов, извинился перед ними, сказал: ребята, простите, вы отнимали у себя время...

В смысле – результаты были не те, или...

Одна студентка ушла. Подала заявление ректору, мол, он ничего не показывает – абсолютно была права. Я ее попросил забрать заявление обратно. Она не поняла, почему я это делаю, пошла забрала свое заявление у секретарши Джевдета Исмайлловича Гаджиева, принесла – делайте, Вагиф Самедович, что хотите... Я говорю: вот это оставьте на память себе, а заявление пойду и напишу я. Ну и...

Ушел?

Ушел.

*Я был громадным
голубым мамонтом
В ледниковый период Земли.
В то время не было
Ни Кероглу,
Ни Мери Пикфорд,
Ни Лемберанского,
И ни Генри Форда.
В то время
не было даже
ни правой стороны,
ни левой,
и светофора не было
тоже...
Только лед.
Море...
И вновь льды...
Было холодно,
А я был громадным
голубым мамонтом.
Хотя...
Сейчас преподаю
игру на фортепиано...*

Стихи эти вошли в школьную программу по литературе... Латвии.

А если б та студентка тогда не написала заявление, преподавали бы до сей поры?

Никогда. Это ж нечестно. Это же подло. Играет студент вещь, которую я не смогу...

А перспектива концертирующего пианиста не манила? Играть – после Рихтера... Я прекрасно понимал, что...

Но ведь Яков Флиер не любого стал бы уговаривать – он же тогда влюбился в ваши “фантастические руки”...

Да, было. “У меня фабрика лауреатов, конвейер – ты должен стать им!” Меня это не устраивало.

Вагиф - студент консерватории

1960

Почему?

(После паузы). Вы знаете, что это такое – “концертирующий”? По 8-10 часов в день за роялем! Я очень хорошо был знаком с Вовой Ашкенази, со Львом Власенко, с покойным этим, как его, пил...

Матюшкин?

Да нет, Матюшкин – наш... Ой, я Матюшкина вспоминаю часто, как он меня выгнал. Я пошел проведать его, у него тоже был рак желудка... Он у меня спросил: “Ты принес морфий?” Я говорю: Витька, сказал бы, я б нашел, постарался, я ж не знал... “А сам не мог догадаться? Идешь к раковому больному”... “Травушки-муравушки” дома не было – это его жену, Ругию, певицу, так называли, она все время это пела... Витька меня выгнал тогда – Царство ему небесное... Да, вернемся к нашим облакам...

Вернемся. Вы говорили о химическом их составе и т.д. Я недавно поймала себя на том, что мне иногда мешает знание нот. Мечтаю увидеть музыку, как ваше облако – чудо, которое мы не понимаем! Знание же нот ее, что ли, приземляет. Любая музыка, даже потрясая меня, “попадая” в пальцы, тотчас трансформируется в голове – в ноты, переставая быть тем, чем должна быть... Думаю, это у всех музыкантов происходит: там – до-диез си-бемоль, а вот тут на терцию вниз... Понимаете?

Нет.

Вопрос о том, что музыканту мешает, наш, “ремесленнический” подход. Она не парит в вас, музыка, понимаете?

...

Консерваторское образование – хорошее подспорье, с кучей плюсов, минус один: я никогда не узнаю, как “выглядит” музыка вне нотного стана – в ее первоначально-аудиальном виде, ну все представляю в значках, любой мотив. А как он существует сам по себе – не знаю. Это как мужчина, который никогда не узнает, каково это – быть беременным...

Я бы сказал вам, Наточка, но боюсь, что вы обидитесь...

Я не умею обижаться, не вопрос. Музыкантское ухо мешает восприятию при прослушивании. “Отстегивать” его только-только учусь...

Да не надо ничего отстегивать! Это ж счастье – видеть!

А я хочу – слышать. Отсечь хочется, абстрагироваться... Ощутить ее, эту “субстанцию” без этих крючков-значков, отрезвляющих... Раствориться в ней – до клеточки...

Да нет же, о чем вы говорите! Это же счастье какое – видеть музыку, слушая ее, и слышать – видя! Это же музыка сама! И эту полноту дает именно... Я, когда играю... Этому, знаете, кто меня научил? Хайям Мирзазаде. Меня, Рауфа Абдуллаева, еще кое-кого... Без партитуры, без нот не слушать музыку никогда! Я вот пианист, а вижу оркестровку... И не только – мотив. Вы знаете, например, ключи от кларнета in B, in C? A mən onları da bilirəm...¹

Прямо как Тосканини – “вижу партитуру”...

Это как азбука...

А что, у нас в консерватории давали такие глубинные знания пианистам?

Ни в коем случае. Я же говорю, эти знания мне дал Хайям, старший товарищ. Он хороший музыкант. Как музыкант он сильнее, чем композитор, гораздо сильнее.

Он караевский, да? Оттого и умеет – учить, делиться... Видел, как это бывает у высокопрофессионалов...

Ну это вовсе не обязательно. Не все делятся...

А что – можно преподавать музыку и при этом что-то сокрыть? Не добавить?

Нет, это Бюльбюлю так казалось. Был из Махачкалы у него студент Вова Сергеев, тенор. Он как-то спросил: маэстро, научите, как вы поднимаете грудную клетку, когда поете арию Каварадосси на этих-то нотах, как сжимаете диафрагму? На что маэстро сказал: э-э, Сергеев, ты знаешь басню про лисиса и ворона? Ворона с сыром пришел, сел на дерево, а лисиса пришел, сказал – ворона, у тебя такой голос хороший – спой да! Ворона – аааааааа, и сыр упал. Лисиса покушал... Ты хочешь, чтоб я ворона был, ты лисиса? (хохочет). Это педагог... Это гениально!

Ну, по крайней мере, честно... Колоритный, настоящий маэстро...

Уникальный был человек... Во всем...

¹ Я и это знаю.

А Караев...

Караев объяснял... Люблю его... Он не раз меня защищал – от нападков...

Вы с ним похожи...

Не знаю, хотя слышал об этом. Просто у меня нет слов-паразитов – “так сказать, так сказать...” Через слово... Гений был, чего там...

Шестидесятники...

Помню их – совсем еще молодыми. С какой-то сугубой атмосферой внутри себя... С улыбкой в голосе, и это при том, что галлюцинации о светлом коммунистическом будущем их явно не посещали... То было время, когда в магазинах ничего не было, кроме прилавков, а по улицам ходили гении. Безоблачная такая среда обитания, без толкотни и обгонов. Когда алчность, подлость и прочая человечья недостойность – вне понимания. Воздух, что ли, там был особенный, влияющий на штрих-код человека...

Просматривая биографии великих, приходишь к выводу, что они без интернетов и прочих “ускорителей” творческих успехов сделали в разы больше, чем мы сегодня со своим недюжинным арсеналом цивилизационных благ. Невероятная образованность, и все это – без доступа в... Не взращенные на всемирной паутине, они не знали, что такое рамблер с яндексом, не умели серфинговать по сети и не ведали, что мышшь может быть кликабельна... Но при всем при этом были какие-то... умные.

Плющить зад у компа еще не есть “развитие”. Это ясно, как и то, что нахватанность не есть образованность. Последнее сегодня очевидно каждому – ну где они, личности, панорамно мыслящие?

Настоящий интеллигент – он менее кентавричен. Без болезненной ревности к соседу. Сам настрой на жизнь был каким-то солнечным. Они не утыкались в мобильники, а смотрели вокруг себя радостно-просветленным взором... Да, еще ироничность – наиболее, как по мне, симпатичная черта интеллигентности. Включая самоиронию. Сегодня так не юморят. Редкостно удачный “микс” всего самого ценного. Понятно, что повториться такое уже не смогло – пусть и в каком-либо другом виде...

Времена, когда конверт ассоциировался с письмом в почтовом ящике, а не со “взносом” на свадьбу человека, которому ты вчера по ошибке кивнул на улице, обознавшись...

А тогда... Много чего было и тогда, глупо отвергать, но ведь...

... Шоस्ताкович учил Караева... Причем бесплатно! Уже за одно это прощаю Ульянову его амбицию...

Вагиф Самедоглу и Хайям Мирзаде

Вагиф муаллим, известно, что великие люди создают для себя лишь пьедестал, статуями занимается будущее. Способность отдавать... Видите ли, если человек посвятился какой-то сфере, это еще не говорит о том, что он талантлив. Да и потом – отдать всего себя искусству еще не означает осчастливить его... У вас это получилось. Эта ваша запредельность... Вы – широкомащтабный, что ли, всесветный... Эта ребусность исподвольная... Почему вы меня не прерываете? Мне неудобно говорить такое в лицо – первый раз этим занимаюсь...

(Прикрыв глаза). Говорите-говорите... Это так приятно...

Серьезно?

Очень приятно вас слушать, люблю, когда меня хвалят.

Обожаю вас, клянусь.

Спасибо. А давайте я у вас спрошу – на правах старшего. Вы любите живописные пейзажи?

Не знаю.

А я очень люблю. Но, когда даже у такого прекрасного пейзажиста, как Левитан, пусть хоть он виртуоз из виртуозов, мастер композиции, светотеней – *просто* дерево, это я не воспринимаю. А когда не дерево, а *портрет* дерева... Понимаете? Портрет дерева!

То есть, не фотография, а...

Да пусть будет, фотография – прекрасное искусство... Портрет! Я вижу дерево – оно мыслит... Живое – не просто красота средней полосы России... Не просто скала, а портрет скалы! Дышит дерево, скала живет... (*Долгая пауза*). Я неинтересно говорю, знаю...

Вы даже не представляете, до чего интересно! Вагиф муаллим, а почему бы вам не писать рецензии – искусствоведческие? На те же концерты, выставки, гастролы... Сил нет читать белиберду вроде того – сколько раз пианист перевернул ноты, сколько раз чихнули-кашлянули в зале, как дирижер отулыбался, как поправил бабочку на шее и то, как “ценители подлинного искусства унесли это волшебство в своем сердце”... Где рецензия на концерт? Эта и ей подобная “аналитика” случается, когда за дело берется не музыкант. Цитаты с речевыми шаблонами не есть рецензия. Что до профессиональных музыковедов – у них подчас будто высушено

все внутри. Вы со своим необхватным мышлением как никто сумели бы, выйдя за пределы...

Вы читали музыковедческие работы Игоря Бэлзы? Марии Шимановской? Белы Бартока?

Читала, конечно. Наше же музыковедение безнадежно бездушно. Забыли, что любить нужно сердцем. Читать невозможно. Эта имитация страсти к искусству”, которая не есть...

“Музыковедчество”, о котором вы говорите, придумали в Советском Союзе. Этот безобразный сухой язык, когда о себе говорят “мы”, “нам”... Это профанация! Музыковедение – это искусство, это философия. Когда я читал профессиональные статьи Бартока, мне казалось иногда, что я читаю Андерсена сказки, – настолько это было блистательно, убедительно в своей образности! Или той же Марии Шимановской, в которую я влюбился...

А самому не приходило в голову...

В какую голову – никто не воспримет меня как музыковеда, потому что буду говорить “я”.

Понимаю. Сама частенько встречаюсь с этим, так и говорят – “якает”...

Ну и пусть... “Нам так кажется”...

Это большое упущение с вашей стороны, на мой взгляд, – нужен, нужен был тут очень хороший ваш баланс...

Кстати, вот очень неплохой баланс у Асафьева...

Люблю его “Стравинского”...

Очень неплохой баланс. Я имею в виду русских – до Луначарского, который придумал это “мы”... У Римского-Корсакова “Полифония” и другие – прекрасные работы! Только о музыке и говорим...

Это вы так захотели – “мир звуков”... Что до “нам так кажется”...

Разом всем “казаться” не может...

Отчего же – “Миллион мух не могут ошибаться” – помните? Зато у вас: “Я твой сын – Свобода”... Вагиф муаллим, при слове “философ” у меня первое, что выстреливает – вы. Я не очень образованный человек, наверняка их было много больше –

я не про дипломированных... А где можно выучиться на философа? Или это все-таки – с чем пришел?

Это Божий дар, безусловно. Самый настоящий. Но, как и любой дар, его нужно развивать. Это ежедневная, нудная, кропотливая работа, а не просто – закурил трубку в глубоком кресле перед камином и начал философствовать... Это прекрасное, нужное дело, которому нанесли большой вред так называемые “великие” психологи. Когда успели отделить психологию от философии? Какое ты имел право, Зигмунд Фрейд?! Лишь бы деньги подзаработать! Я не имею в виду психиатрию. Психология это неотъемлемая часть философии...

Психология – неотъемлемая часть всего на свете...

Ну да, а жизнь ведь философия все-таки. Не поэзия...

Как вы думаете, в своем творчестве вы выплеснулись – весь? Когда мы говорим о Паганини, то не имеем в виду конкретно его несколько капризов, которые шедевральны. Все знают, кто такой Паганини. Ваш случай как раз тот и есть. Когда говорят “Вагиф Самедоглу”, творчество как бы... Вы не обижайтесь на меня, но сначала идете вы, потом ваша творческая лепта, настолько подавляющая ваша личность. То есть, масштаб человека даже несколько зашкаливает, и представление о нем трансформируется в нечто более весомое...

(С явным удивлением). А вы специально привели в пример Паганини? Он шел впереди своей скрипки – понимаете? Сначала шел сам, а уж потом... Скрипка для него не музыкальный инструмент, а средство самовыражения Паганини. То же самое можно проследить у Ференца Листа. Это не чистые исполнители. Шоу-бизнес начался с них в музыке, вплоть до внешних проявлений. До имиджа сценического...

Такого комплимента шоу-бизу еще не было. Мир не слышал. Так вот оно – откуда зло-то...

Это так. Есть чистые пианисты, чистые исполнители. Вот гениальные Давид Ойстрах, Леонид Коган – чистые скрипачи! Эмиль Гилельс – абсолютно чистый пианист. А вот Святослав Рихтер – уже чуть-чуть шоу.

Каменное лицо его – это было...

Чуть-чуть – да. Святослав Теофилович был великим актером! Великим! Я посвятил ему стихотворение...

Оно сразило меня, это посвящение. Своего рода постконцертный сценарий, план действий или “руководство”... А еще – способность проникнуть в ощущение артиста, оставшегося один на один с...

*А теперь тихонечко вышепчи финал.
Выплесни скоренько... Зал устал...
Жизнь наша, жребий, участь... старо...
Вспомни опаздывающих на метро.*

*Концерт отыграв, погодя, в тишине
Побудь с собою наедине.
Только что выплаканные прелюдии
Выплачь опять в пустоту и безлюдье.*

*Склоняясь к черному телу рояля,
В грусть, отягчившую кресла, взглядишь.
Очи смежая, почти умирая
От смертной усталости,
От звука шагов сторожихи очнись.*

*В ночь городскую войди, как в чужбину,
Жди на углу у стоянки такси.
И одиноко маячь в этом мире,
Стой безмянным надгробьем тоски...*

Облечь музыку в стихи...

“А теперь тихонечко вышепчи финал”... “Только что выплаканные прелюдии”... “Стой безмянным надгробьем тоски”...

И это – дословный перевод!

Как вы думаете, почему у гениальных людей часто не бывало детей? Очень печальный список могу привести в этой связи. От Бетховена с Рихтером до Узеирбека с Сагтаром и Ниязи... Отчего такое случается? По недоглядке богов или это – зловещая закономерность?

Тогда не будем называть гением Иоганна Себастьяна Баха...

Я подхожу статистически. Или природа ген экономит...

Ориентация тут не последнюю роль сыграла. Когда была знаменитая мерзкая атака на московскую консерваторию советской милиции – охота на... Ой, сволочи, – из классов брали! Какое твое собачье дело?!

А что – прямо отлавливали?

Это ведь по музыке была консерватория, а так – то была Академия. Имени Чайковского.

Эти указы от Сталина еще пошли...

Да причем Сталин? 73-й год... При Хрущеве – после разгона...

Все проблемы у них, понимаешь, были решены... А вообще, как можно – без любви, без настоящей...

Я тоже не представляю...

Изображать эмоцию и при этом не знать, что такое женщина... Как можно быть девственником и при этом писать трактаты о взаимоотношениях полов – Канта имею в виду...

А как можно написать такую гениальную Увертюру-фантазию, как “Ромео и Джульетта”, будучи...

Какие-то механизмы там включались, видать, альтернативные...

Да все нормально... Нормальные люди, просто ориентация другая. Средние века возьмите, искусство Возрождения – там же все смешано... Античность, Леонардо, Микеланджело – там ералаш сексуальный полный. Абсолютный ералаш! На почве этой самой... Удивительно – и все они гении католической живописи!

Можно утверждать, что не будь у них этого самого “своеобразия”, искусство потеряло бы ценнейший из пластов?

Можно.

Будем призывать народ хулиганить?

“Народ к разврату готов!” У Шукшина – помните, в “Калине красной”?

Выходит, жизненный опыт не так уж и важен. Мы привыкли исходить от него в оценке личности, а тут... Хотя – тот же Бетховен глухим написал лучшие симфонии, а Похлебкин, знаменитый кулинар, был вегетарианцем...

Такое бывало...

А что же писатель – прозаик, поэт?

Чтобы написать обо всем мире, писателю достаточно двух квадратных метров. Знание – оно внутри, а не вне. То же самое в

музыке, возьмите джаз – свинг. Этому специально обучают за рубежом. А мы – умеем и всё! У азербайджанцев он в крови. Это – от мугама. Как и свободный стих, умение найти в нем внутреннюю мелодику... А ведь это так непросто. Жизненный опыт, о котором вы говорите, он не основополагающ. Как и сама жизнь, которая и есть – лишь повод для создания стихов...

“Жизнь как повод для...”

“Я ушел из педагогики, потому что не знал ответа на вопрос – что такое музыка”...

“Я не знаю, что это такое – ходить на работу...”

“Достаточно двух метров”...

Счастье это отсутствие вынужденности. Впечатление, что он ее не знает. Как удалось? Научил бы...

Не поленилась, полезла в китайский гороскоп за его астрологической характеристикой. Наткнулась на одно-единственное предложение (совмещение года и месяца рождения) – одно, но исчерпывающее!

“Это кот, который гуляет сам по себе”.

В принципе можно было бы обойтись и без звездочетов Поднебесной...

Музыкант, поэт, драматург... Профессии или специальности... Какая из них случайна, а какая – закономерна? Тот самый случай, когда не ответишь. И впрямь, в каждой случайности есть доля закономерности. И наоборот.

Профессия, дело жизни и мечта вещи далеко не идентичные. Не знаю ребенка, мечтающего стать проктологом.

Редко у кого сходится.

У него это сошлось...

Свобода...

Реально ли ее обретение? С человеком всегда все происходит помимо воли – начиная с рождения... Иначе говоря, мы рождаемся уже с принятием вынужденности как нормы. Никто ведь не спрашивает нас, хотим ли мы прийти на этот свет, впрочем, как и – уйти. Иными словами, человек обречен на “подневолие” уже по факту рождения.

Дивиденды и диссиденты опять же.

Вечный выбор...

Для всех:

Но не для него...

Вольнодумство, вольтерьянство...

Вагиф муаллим, что правильнее – думать или жить?

Ну, это у кого что лучше получается...

А на каком языке вы думаете?

Смотря о чем. Это зависит от ситуации. И темы. Мемуары, например, пишу на двух языках. Так ближе к правде...

А как часто наблюдение мира вокруг себя сопровождалось вопросом – “отчего”?

Да на каждом шагу...

Художник это тот, кто чувствует разницу меж сейчас и вообще. Остро так чувствует. Как бы смотрит на этот мир под ракурсом вечности. Есть у вас такая призма...

Возможно, вам видней...

При этом вы как бы балансируете на сангвинистической грани приятия жизни – во всех ее проявлениях. А ведь сангвиник он же пофигист.

Чего?

Ну как бы чуть отступя вы, не в эпицентре. Мудрость и энтузиазм, говорят, плохие партнеры...

Я не понимаю вопроса...

Кто больше шишек набивает по жизни, у кого больше шансов уцелеть? У вашего склада людей, с включенным самосохранением, или тех, кто в марген бросается? По результатам жизни – можно ли утверждать, что первым удается избежать чего-либо...

(С непередаваемой горечью, почти стоном). Наоборот... С каждым днем все хуже и хуже...

То есть, мудрость не спасает?

Неееее, при чем тут мудрость, Ната... Мудрость это полное поражение! Полный крах – моральный! И даже физический. Я сейчас на той стадии, когда у меня кончились ответы! Вопросы разгромили все ответы! Полный триумф!!! Полная победа вопросов! Это как человек перед закрытой дверью подбирает ключи, чтоб узнать, что же там, за ней. С настойчивым любопытством ученого-исследователя, с его пытливым запалом... Наконец-то через годы безустанных раздумий, анализа, чтения разного рода книг ему удается отворить эту дверь. Он распахивает ее, заходит, радостный, а там

уже – две двери. А за этими двумя – уже четыре... По прогрессии геометрической... Полный триумф... А ты говоришь – мудрость...

“Самые печальные минуты: когда решаешь, что мудрость лишь обман” – набрела когда-то у Ж. Ренара.

Помню, как удивилась этой мысли. И только сейчас убедилась в ее прицельной меткости. Вагиф Самедоглу убедил – грустью в глазах, жестом отчаянным, мучительной одышкой...

Он прав. Абсолютно. Насчет “прогрессии”. Как же оно хитро задумано...

Я наблюдала что-то похожее в одной из зарубежных клиник, где команда из семи врачей, причем одними из лучших в мире, 24 часа в сутки (они практически не спят) озадаченно отыскивала ту самую отмычку, о которой говорил Вагиф, пытаясь войти в “двери” той или иной истории болезни. Они обсуждали ее за завтраком, обедом, ужином, нередко жарко дискутируя между собой, в попытках разрешить проблему больного, поставившего перед ними очередной вопрос. Казалось невероятным – ну чего еще они не знают про печень, почку или тот же желчный пузырь – сотни операций за спиной! Ан нет, осечка, каждый новый пациент, каждый – всегда – новый орган и вновь – чистый лист...

Просто организм у нас у каждого свой, неповторимый. Со своим устройством – поди спрогнозируй его поведение во время операции, да и после. Здесь всегда все по новой.

И вновь поиск – того самого ключа...

Мне даже показалось тогда, что физиологически человек более индивидуален, нежели скажем, духовно, где различий между индивидуумами куда как меньше.

Намного чаще совпадают – фразы, мимика, мнения, поступки...

Вам случалось сожалеть, что не такой, как все, – без внутреннего комментария, без...

Никогда не сожалел и не радовался, потому что я об этом не думал. Говорю честно, Ната. Просто не задумывался. *Каково мне сейчас* – вот это интересовало периодически. А так, чтоб сравнивать...

“Думать о долгах, о квартплате и о том, что лампочка настольная может перегореть в любую минуту, а запасной в доме нет...” Это я у вас прочла, в той самой книжке. Вагиф

вспомнился, другой, Мустафазаде, пишет из той же Москвы: “...Вышли мне, мамочка, 40 рублей... в день по 4 рубля, на 10 дней хватит, я буду экономить”. Это строки из его письма Зивер ханум. Читаешь и кулаки сжимаются от бессильного негодования... Достоевский писал в спешке, под натиском кредиторов. А еще Алим Гасымов мне рассказывал: “Како и горжик – вот мой обед на ту пору”. Нужда как очень нужный элемент нашего бытия...

Необязательно. Нужда то же самое, что достаток. Она может помочь жить, взять человека за руку, также, как и достаток, а может угробить. Нужда может индивида превратить в гения, а может, – в банального преступника, уголовника.

То есть, это вопрос нравственности.

Как повезет кому...

Если учесть, что из нужды вышло гораздо больше, чем... Именно нужда заставляет людей копаться в себе, изыскивая резервы. Человека человеком делают неудачи, неблагоприятные обстоятельства – есть, есть там прямая пропорция...

Никакой пропорции. Давайте назовите мне десять человек, которых нужда превратила в творцов, а я назову десятерых с достатком. Князей, графов, баронов... И не надо вспоминать Толстого – их много. Нет здесь никакой закономерности.

У вас довольно своеобычное отношение к Богу...

Я всегда был с ним...

При том, что – кто только его не “заменял”! Коминтерн, революция, интернационал... Высокие кабинеты не есть самые высокие...

Есть повыше...

Вот туда поди достучись... Дин Адамы – джин адамы¹... Вы, безусловно, набожный человек. Слепой не заметит.

Если подходить ритуально, то...

Я не про намаз как процедуру спасения шкуры, как часто это бывает. У вас же редко какой стих обходится без упоми-

¹ Din adamı, cin adamı (игра слов) - человек от Бога, человек от дьявола.

нения Аллаха. “Все молитвы назад возвратились ко мне”...
Что это – констатация грехов?

Тягчайший из грехов – считать себя безгрешным...

Понимаю. Человека без изъяна может искать только человек без извилин. Да и кто ж это б смог – пройти сквозь все западни, остаться чистеньким, без огрешка, не порушившим ни один из постулатов Закона Божьего! А что есть Истина? Как судить о ней?

Ну вот опять вы...

Мы часто делаем это по осколкам чужих ошибок. Реже – своих... “Нести добро”, “творить добро”... А нужно ли?

Конечно, нужно...

Я знаю один пример, способный остудить пыл самого ярого доброхота. Вагиф Аббасов, ваш друг, режиссер.

Талантливейший человек, ставший жертвой своего благородства...

“Безумству храбрых поем мы песню”... Не всегда поем, как оказалось. Он это понял под конец жизни. Когда умирал от гангрены в результате страшных ожогов, полученных при спасении детей... Я была у него за день до кончины, отец дружил с ним... Дети, объятые пламенем в горящем автобусе, ждали помощи от него, Вагифа. И он ее оказал, поплатившись жизнью. Да что я вам рассказываю – вы же все знаете лучше меня...

Как он умирал мучительно... Все его тело было обожжено...

Почему мы часто делаем добро совсем не тем, кому следовало бы? И тот, кто нам отдал всё, остается без нашего вознаграждения. Скажу больше – в забвении... К слову, никто из спасенных им детей и их родителей так и не удосужились хоть разок позвонить ему, осведомиться, как он... Просто забыли. Помню, как его это печаливало. Он не то чтобы сожалел о своем несомненном подвиге – не таков он был, Вагиф... Но над странностями жизни призадумывался...

Он очень хотел жить... Боролся до последнего...

И даже после этого вы утверждаете, что добро нести – нужно?

(Задумчиво). Добро, зло... На днях я пришел к выводу, что жизнь это все-таки театр одного актера. Это моноспектакль. Этот

актер – Бог. Это его театр, а все мы – персонажи, где каждый недоволен своей ролью: то этого не хватает ему, то другого не хватает... Бог – не та ценность, не та правда и не та ложь, которые нам пытаются веками и даже тысячелетиями внушить, припаять религии. Я не верю в Бога Талмуда, я не верю в Бога Библии, Бога Корана. Я верю в Бога, который – Есть. И я верю в Бога, зная, что и Сатана – его создание. Почему Бог – это только Добро? А что, Зло создал я, Вагиф Самедоглу? Я всегда это говорю, абсолютная истина – Бог. Абсолютная истина, что существует такой хищник, как волк. И абсолютная истина антилопа – джейран. Правильно? И что же? Одна истина гоняется за другой истиной, настигает ее, разрывает на части, съедает... Вот это – Бог. Это жизнь, созданная Богом, в которого я безоговорочно верю. Без Добра и Зла, безо всяких религиозных постулатов и догм. А религия мне что говорит? Вот стоит антилопа, подходит к ней волк, говорит: антилопа, подставь мне левую щечку, пожалуйста, целует ее... “Добро”... Чушь собачья... Что вы молчите? Я глупости говорю, знаю...

**Заслушалась... Стихотворение ваше вспомнила – про крышу...
 Про что?**

Когда падает крыша

*Сожженного нами крова,
 Когда человек камнем
 Бросает метко в другого,
 И падает тот бездыханно
 На землю в свой смертный час, –
 Тогда не мы в Бога,
 А Бог не верует в нас.*

Когда солнце, нежно

*Улыбаясь, смотрит с небес,
 А человек пашет поле
 Или сажает лес,
 И слеза прозрачная катится
 Из его благодарных глаз, –
 Тогда не мы в Бога,
 А Бог верует в нас...*

Как представлю, что думает Бог, глядя сверху, – появились из ничего, оружие и страшные, да и – пошли умывать друг друга в погоне за какими-то бумажками... Галда, толкотня, подножки, мат... Оторались, постарели и, значит... Потешно, хотя, как по мне, довольно скучный “сериал” на выходе...

И так – миллион уж лет...

Мало кто нарушил картинку. Самедоглу нарушил...
Вы опять за свое... Да никто ничего не нарушал...

Вагиф муаллим...
Джан!

Имя у вас какое-то... Хороших людей им называют...
Меня назвали в честь Вагифа, поэта, ведь он, кроме всего, приходится мне прапрапрадедом.

Вагифы – они особенные. Вот и в нашей с вами беседе имя это стало дежурным, возникает по каждому поводу, и всегда хорошему... Не поленилась, заглянула в инет, знаете, что обозначает? “Всезнающий”.

Не думал об этом, поверьте...

Перегнула в уме всех известных мне Вагифов, ни одного глупого так и не встретила в своей жизни... А еще ведь был, очень умный тоже, идол молодых режиссеров – Вагиф Ибрагимоглу... Есть, есть что-то в именах, не проигнорируешь.

Ой, нет, Наточка, не мое это...

А зря. Что в имени твоём... Кстати, не только в имени, но и фамилии. Чурбанов, Дубинский – фамилии зятьков Брежнева. Каково? А еще есть у меня маклер знакомый – Hörmət¹. Такой вот наблюдизм...

Мне как-то Гусман хорошо сказал, Юлик, – ты знаешь, Вагуля, у азербайджанских поэтов псевдонимы, как названия боевых кораблей, типа крейсера “Аврора” – Вургун, Джошгун...

Вот видите. Цифры, стечение обстоятельств, комбинации...

Нет, солнышко, все это – лирическая поэзия. Я предпочитаю ребус...

¹ (букв.) Уважение, оно же мзда.

Ребус... Он у него на каждом повороте. Куда ни глянь.

“Bəlkə, bəlkə, bəlkədə...”¹

Чудесная песня, написанная на стихи Самедоглу. Из разряда вечных. Собственно, эта песня для меня – характеристика того времени, которое сегодня называют “оттепелью”. Благостная такая, мягкое начало лета. Когда все вокруг были молодыми... Пронзительно молодыми... Тепло-тепло на душе от нее.

Bəlkə, bəlkə...

И вновь вопросы, вопросы...

“Uzag yaşıl ada”²... – еще один песенный шедевр.

То были не песни – слуховой оргазм!

Плагиат, что правит бал... И не только в литературе, где не сильно видно; слушаешь “композиции” на Евровидении и ощущение, что медведь наступил на ухо мира – по четыре варианта песни нашептывается, бывает. Сходу! Может, в текстах дело, некачественных...

“Я очень удобный для композиторов”, – считает Вагиф.

Возможно, но ведь...

Он не просто текстовик, который взял да и нарифмовал строчки, а – Поэт песни!

Равновеликость слов и музыки.

Не подогнутый под мелодию стих, а...

Более того, наверняка без слов этих песни б – не было.

Писал, словно краску бросал на холст...

Его стихи превращают песню в драму. Так “малая вокальная форма” обретает драматургию спектакля.

“Bir axşam taksidən düşüb payıza...”

Писал как режиссировал...

А начиналась та песня с... хокку:

Yağış yağır.

Yadıma düşdün.

Vağışla...³

“...Анар взял, да написал на это текст песни. Для своего фильма “Gün keçdi”⁴. А гонорар (60 рублей) получил я. Но пропили вместе – Анар, Эмин Сабитоглу и я. Но до сих пор автором текста многие считают меня. Жалко Анара”...

¹ “Может быть, быть может...”

² “Далекий зеленый остров”.

³ Идет дождь.

Ты вспомнилась мне.

Прости...

⁴ “День прошел”.

Эстрада сегодня. Как вы к ней относитесь? Спрашиваю, как человека, создавшего гениальную поэтическую подоплеку для жемчужин Сабитоглу.

Нормально отношусь.

Но ведь песня... Что-то случилось с ней. Нынче это очевидно, как никогда.

Я не столь категоричен, как вы, есть весьма удачные образцы...

А высокое как опустили! Не представляю Муслима – *saç düzümüm filankəsdən, geyimim filankəsdən*¹... Или же – Зыкина “заморозила свою яйцеклетку”... И это вся страна обсуждает! Как после этого претендовать на лавры небожителей...

А ведь претендуют... И безуспешно. Значит, нормально все...

“Гая”, Муслим, Полад – они сумели скультивировать азербайджанскую эстраду за пределами нашей страны, почему же сегодня...

Песней должны заниматься профессионалы. А так – сами пишут, сами поют, а мы все это слушаем...

“То, что сегодня эстрадой зовем, завтра, глядишь, уже классикой будет”...

Я только – “за”. Недостойное классикой быть не может. Я же сказал, что и сегодня появляются замечательные песни. Хоть и редко...

Шостакович говорил, что любит хорошую музыку от Баха до Оффенбаха. Ваша палитра по региональным причинам, понятно, еще шире. Гусейн Ариф, помнится, ее “обозначил” – от джаза до саза. Или наоборот...

Симфоническая музыка, любая хорошая музыка. Вот вчера я с важным видом, с трубкой во рту слушал Первую симфонию Малера, а сегодня в машине кайфовал от пения Эйюба. Так что...

А самый-самый композитор-классик?

Ференц Лист.

¹ Укладка волос от того-то, одежда от того-то.

С Анаром и Эмином Сабитоглу

Музицируя с Анаром...

Читаю у него:

“Ференц Лист один из моих любимых композиторов. Его не признают порою очень большие профессионалы, теоретики музыки и т.д., которых его сочинения коробят по вкусовым качествам, излишней эстрадности. Но я пианист. Для нас Лист, Шопен, Рахманинов, ну и, конечно же, Моцарт и Бетховен были, есть и навсегда будут любимейшими композиторами. Ведь писали они в первую очередь для нас, так как сами были гениальными пианистами. Ференца Листа трудно, но удобно играть. Невозможно представить себе мировую музыку, особенно фортепианную, без этого блистательного венгра”...

“Один из любимых”...

Это понятно. Именно Лист сумел “превратить” рояль в симфонический оркестр. А Вагиф – он “многострунный”, пишет, играет, импровизирует, сочиняет...

Перелистываю вехи жизни В.Самедоглу...

Среди прочего нахожу: на III Фестивале молодежи Азербайджана стал лауреатом, исполнив произведения Баха, Прокофьева, Рахманинова. Там же первое место по вокалу получил Муслим Магомаев – к своему 20-летию...

Было это в июле 1962 года...

“Стал лауреатом... Прокофьев... Бах”... Через запятую как бы. И никакого тебе – “Шок! Шок! Шок!”

Как-то даже написал слова к кантате “Torpağın səsi”¹. Так она называлась. Слова – к партитуре! Обычно бывает наоборот...

Однако, тем не менее, перешел к поэзии, потому что осознал ее – ответственность перед специальностью. Специальностью музыканта-исполнителя...

Музицирование, писательство... Не так уж и далеко... Не зря ведь они, два эти союза находятся в трех шагах – на одной улице...

Музыканты часто “видят” вехи своей жизни мелодически-фрагментами – песенкой, что крутилась в голове на ту или иную пору, или отрывком из классики... Очень ценное и я бы сказала, уникальное видение. Такое с вами случается?

...

¹ “Голос земли” - кантата Арифа Меликова.

А что насвистываете чаще всего сегодня?

(Без паузы). “Похоронный марш” Шопена... Из си-бемоль минорной сонаты...

Ну, это понятно. Всемирной хит – 16-летние впадают от него в... Это все?

Есть, конечно... Есть музыка, которую я часто ставлю, слушаю... А под Шопена – сколько людей в мире ушло, сколько бакинцев...

По несколько раз в день доводилось слушать марш тот в детстве, был чем-то самим собой разумеющимся на улицах города...

Я бы хотел уйти под Билла Эванса...

Кумир, понимаю...

Не перестаю восхищаться... А из классики... Про Малера уже говорил, а еще Вторая симфония Сергея Рахманинова, моя любимая... Сказать одну глупость? Когда я слушаю симфонии Рахманинова, не могу отделаться от... Слушаю его симфонию и жду – когда же начнет играть рояль... Иногда такое впечатление, что это аккомпанемент какого-то гениального ненаписанного фортепианного концерта, особенно в третьей части этой самой второй симфонии... Каким-то невероятно липучим клеем прилипла ко мне эта мысль...

Рахманинов, клей... Рафик Кулиев мне вспомнился, друг ваш – Рахманинов был и его идолом! Так вот он мне как-то рассказывал, что вы с кем-то ремонт там у него затеяли... Кафель клали у него в доме... С метлахом...

Да, клал...

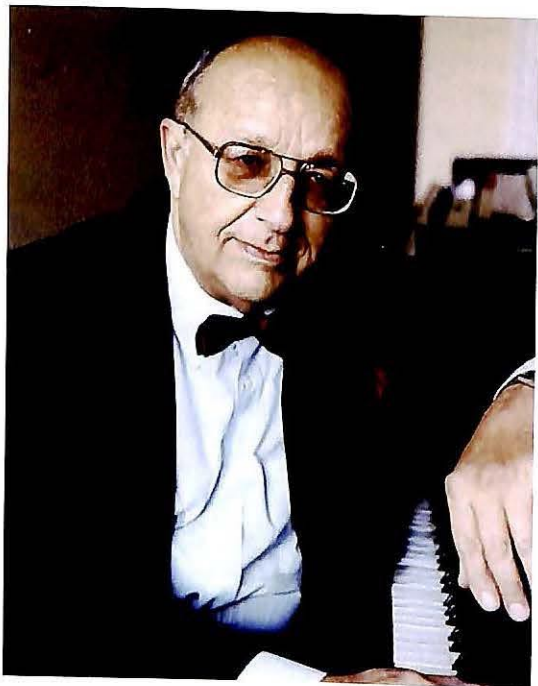
Вы и метлах... Это все равно что представить себе Тургенева, настилающего асфальт...

Это было не так...

“На совесть клали”...

Нет-нет...

“Они мне испортили весь ремонт, дорогуший кафель коту под хвост!” – говорил мне Рафик муаллим, чертыхаясь, – после них пришлось стены ломать!” Он, возможно, гиперболизировал – свойственно было это ему...

Рафик Кулиев

Рауф Абдуллаев

Можно я расскажу? Не гиперболизировал... Откуда-то получил Рафик Теюбович деньги... А он недавно переехал и сам, собственными руками ремонтировал свою трехкомнатную квартиру в кооперативе “Аккорд”, только что полученную... Он взял нас к себе, Рауфа Абдуллаева, замечательного дирижера, и меня, решил угостить... Говорит, ребята, в ресторан я вас не возьму, давайте я все накуплю, пойдем ко мне, будем выпивать, закусывать и одновременно я кое-что буду делать по дому...

Пианист – своими руками, ремонтировал...

Ну да... Денег не было у него... Ну мы и поехали... Выпили бутылку, потом начали вторую... И вдруг он вспомнил, Рафик Теюбович, что с кем-то должен встретиться из мастеров, за какой-то краской, что ли, пойти... И ушел, сказав, – ребята, я минут на срок отлучусь, вы здесь без меня много не выпивайте... Как только он ушел, мы с Рауфом опять выпили, и мне стало Рафика Теюбовича жалко... Я сказал: Эбдуль – так я называл Рауфа Абдуллаева, – неужели мы ему ничем не поможем, Эбдуль...

Зов души пошел, понимаю...

Он мне говорит, “видишь – кафель”... А я же в Житомире кончал курсы кафельщиков... Говорю об этом Эбдулю...

Это правда? Насчет Житомира...

Да нет, естественно, *(смеется)* ну выпившие были... Не может быть, чувак, говорит... Что ты хочешь этим... И сообщил мне, что он недавно в ванной прокурору республики ставил кафель...

Что вы пили?

Водку. “Серьезно?” – говорю. И мы начали с ним... По ходу дела, в какой-то момент Рауф мне сказал, что “у тебя кафель получается удивительно линейный”... И мы принялись его отрывать...

А он уже мертвый...

Почти. Чешский кафель, Рафик с трудом его достал... Эбдуль его смачивал, я отдирал... Вот такая история, стыдно вспомнить... Бедный Рафик...

Он вас простил тогда. А еще рассказал мне, что брата его, Вагифа, и вас договорились назвать одинаково мамы ваши, одновременно ожидающие вашего появления на свет – было

это в Кисловодске... Такая вот “праистория”, проливающая свет на вашу любовь к Рафику и Кисловодску. Вы уже тогда дышали его “пломбирным” воздухом...

Да... Много чего хорошего начиналось там...

Билл Эванс

Давно заметила – чем умнее человек, тем проще его речь. В отличие от других, “трактатных”. Без наукообразных накруток. И отношение к жизни – как к забаве...

Люблю оставаться наедине с голосом – диктофонным, моего героя. Люблю сам этот процесс, – прослушивания того, что во время встречи утерялось, отчего-то не показавшись важным, значимым... В нем, голосе, больше чем просто слово, его смысл или даже смыслы.

Этот обрывочный разброс фразировки вперемежку с незлой ироничностью... Это придыхание с хрипотцой... С чуть запинкой или неслышным вздохом... Этот настрой – на самый тот момент... Посыл его... Кажется, слышишь, как мысль течет...

Диктофон фиксирует малейшие перемены, делая их зримыми... Как кардиограмма...

Слушаешь, одолеваемая мыслями, которые во время самой беседы почему-то в голову не приходили. Эта, вторая, “встреча” делает тебя как бы проницательней в смысле психологического постижения того, о ком пишешь...

А еще там остался смех Нушабы ханум – я попросила ее не выходить из комнаты...

Смех ее, на каждую его шутку, пусть даже приправленную печалькой... Она покатывалась со смеху буквально, прям предлог искала – вернуть в дом *то* состояние...

Хохоток – нарочито громкий, безудержно ненатуральный...

Афористичное мышление. Умение попасть в самое яблочко – нет в том вам равных. Помните, как вы пригвоздили недоумка-бунтаря – справкой из ЖЭКа...

А... Ну да... Люди, готовые ноги целовать гаишнику, только ради того, чтоб он отпустил его машину, не штрафовал, люди, которые унижаются перед руководителем ЖЭКа, чтобы выцарапать у него справку о том, что он здесь живет... И они говорят, что “Stalin vaxtı filankəs filankəsi satdı”... “O kişi kimi güllələndi!”¹... Да кто

¹ Во времена Сталина кто-то кого-то сдал... Он был расстрелян, как мужчина!

ты такой, мерзавец?! Ты знаешь, что происходило при Сталине? Багиров – “палач азербайджанского народа”... Как будто, если бы в 37-ом году Первым секретарем ЦК компартии Азербайджана был Нариман Нариманов, он бы поступал иначе... Или Рухулла Ахундов... Или кто-то еще... Три выхода было: или покончить с собой, или убежать за границу, что было равносильно самоубийству, или ж тебя... Никакого выхода не было...

Вагиф муаллим, вы словно не из СССР, непричесанный какой-то. Гребешка того как удалось избежать? Вас часто цензурировали?

Не было такого.

А как удавалось, вы же деструктив – başdan ayağa¹...
Я не сталкивался с цензурой.

А как вам – вам! – с вашей порой неудобоваримостью доводилось приходиться ко двору – тем самым вожакам комсомолии, к примеру?

Никуда не приходился, ничему не подвергался.

Ну как же? Художник-чиновник. Противостояние из вечных. Обструкцию вам часто устраивали?

Ничего не устраивали. Писал в ящик...

Просто в стол?

Просто в стол. Вот сейчас сборник неопубликованных стихотворений моих выходит, Нушаба ханум готовит книгу. Есть еще...

А первая ваша книга когда вышла?

В 95-м году. До этого не печатался. Например, мою с Эмином песню держали три года, не пускали... “*Ayrılıq bir dənizmiş, sən uzag yaşıl ada...*”²

А что там могло не понравиться?!

Как что? “*Yaşıl ada*”³ – это намек на мусаватский флаг. И еще турецкий берег... Я им говорил – ладно, если бы сказали, что на-

¹ С головы до ног.

² “Расставание морем разлилось, ты – в нем остров, далекий зеленый”.
(перев. Н.Ф.)

³ Зеленый остров.

мек на ислам... Я знаю мусаватский флаг – триколор с полумесяцем и восьмиконечной звездой... “*Vəs onu hardan bilirsən?*”¹ Слушай, в “Энциклопедии” работал, говорю, читал... Ната, три года эта песня не шла в эфир только из-за этих слов...

Песнь песней! В нее влюблялись все поголовно, хоть и не простая она структурно. Соседка была у нас, тетя Катя, поставь мне, говорила, песню про отца – “Яшыл ата”. И утирала слезу...

(*Улыбается*). Зеленый папа – это надо запомнить. Это как “Полет шмеля” – “Песня про Шамиля? Что-о-о?!”

Писатели бывают издающиеся и выдающиеся...

Ну, Ната, сколько писателей было, которые издавались, ничего в стол не писали, – тот же Чехов, тот же Толстой – без договоров они ничего не писали...

Ну а вы? Каково это – не издаваться... Все-таки самовыражение писателя без читательского отзвука, стих под сукно... Это не то что отсутствие тщеславия, а...

Ну это когда как и у кого как... Например, для меня более важен процесс написания...

А дошло – не дошло...

Это уже меня не касается.

“Не печатаясь, я приобрел свободу. Свободу идеи, свободу мысли. Что хотел, то и писал. Советская цензура не могла меня сковывать, так как из написанного ничего не представлял к печати”...

Один заведует, другой завидует – формула нашего сегодня.

Он не знает ни того, ни другого. Стоять всю жизнь в сторонке и смотреть, как жизнь катится мимо – кому это сегодня подойдет? Ну кому из тех, кто с достойной зависти хваткой осваивает все модное и актуальное?

Смотреть на этот компендиум бессмысленности...

Неотесанность редко страдает комплексом неполноценности. Скорее наоборот, не люди – ходячие самопрезентации. Была эпоха ренессанса (энергетика небес, что ли была другой?), стала эпоха резонанса – ну все на обозрение. Убогие и при этом с неадекват-

¹ А это тебе откуда известно?

ным уровнем притязаний. Скачи много вокруг, громкие какие-то, супергероистые... Вышагивающие, трескучие... С золотыми уни-тазами-писсуарами...

Где они сегодня – примостившиеся на краешке табурета в углу жизни, за самой ее обочинной... Вымерли, как динозавры. И вот уже ты в кольце других – тех, кто всегда под софитами жизни, кругло-суточно гарцующие в эфире, в самозабвенном “перфомансе”...

Один из них, “молодой ученый” – так аж вызверился как-то, прям в эфире, сотрясая фолиантами:

“Вы почему не покупаете мои книги? Они должны быть вашими настольными книгами! Это то, что вам нужно – на каждый день!”

Вот ведь ж поди как оно...

“Природа мудро позаботилась, чтобы человеческие глупости были преходящими, книги же увековечивают их. Дураку следовало бы довольствоваться уже тем, что он надоел всем своим современникам, но он хочет досаждать еще и грядущим поколениям, хочет, чтобы потомство было осведомлено о том, что он жил на свете, и чтобы вовеки не забыло, что он был дурак”¹.

Мда. Наблюдению этому более трех веков...

“Настольными”... Предъявы, а?

“Мистер Тум”²...

Все это уже поперек глаз.

А тут...

... Первая книга – в 95-м...

Сочинительство как способ существования... Вагиф никогда не заморачивался “пропагандой” собственного творчества, распространением своих стихов в “массы”, планомерно методичным переводом их на другие языки с целью внедрения в мировую поэзию...

Что это – беспечность? Она и есть, та самая, что столь свойственна незаурядным... Беспечность – и сегодня это явственно как никогда – непростительная.

Мирза Шафи вспомнился, Вазех, который писал стихи, не задумываясь о том, что когда-нибудь... Не окажись поблизости предприимчивого немца, который, не растерявшись, сориентировавшись и дождавшись...

Психологическая схожесть поэтов, разделенных веками, выдала явную аналогию.

¹ Из высказываний Ш.Л.де Монтескье.

² “Mister Tum” – известный слоган из рекламы семечек. Tum – семечка.

Вагифу повезло...

Поговорим о переводе.

*“...Слышу тысячу голосов,
тысячи непонятных слов
на языке солнца,
земли, ветра, дождя...”*

А если говорить о переводе с человеческого на человеческий? Я про поэтический перевод – это когда, не зная слов, опираешься на суть...

Ну, если она есть...

Допустим, что есть. Даже на родном языке порой выразить то, что непросто выразить, это уже задача задач. Не зря ведь говорят: “Мы как собаки – все понимаем, сказать не можем”.

А поэт – может. Очень понравилось:

*“Живу среди чужих,
руки держу в карманах –
капканах терпенья”...*

(После изрядной паузы). А чьи это стихи?

Ваши, конечно.

Yadımda deyil¹. Откуда вы это взяли?

Из сборника вашего. И тут не могу не сказать о переводе – блистательном! Никому в голову не придет, что это написано не на русском. А еще говорят, что поэзия непереводаема. Нечастый случай, когда...

Такие стихи можно переводить. А вот Сергея Есенина на английский – нет. Кстати, о переводах... Я не знаю, как раздобыть тетради покойного Габилы. Он, где бы ни работал, в издательстве или журнале, выписывал себе ляпсусы переводов – там есть феноменальные вещи!

Я могу “обогатить” его коллекцию – один лишь образец, но зато какой! Вы наверняка знаете это стихотворение, его знают все, но, тем не менее: “Şənlik məclisidir, adam çox, qızlar-gəlinlər oynaıg...”² Не узнали?

Ну и...

¹ Не помню.

² Веселье, много народу, невесты-невестки танцуют.

Эх, Вагиф муаллим, как не стыдно – классику не распознать! Толстой это, Алексей, и – “Средь шумного бала, случайно”... Ужас!!!

А вы-то подумали – прямой репортаж с “palatka toyu”¹... “Adam җох” – это, как я понял, “тревога мирской суеты”...

Правильно поняли. Вот так-то, не мудрствуя лукаво, – чего там париться-утруждаться с...

Похоже на анекдот...

Клянусь, у меня ноты были этого гениального романа. Такое вот “соавторство”, а вы говорите – хокку...

Скорее, hoqqa²...

А еще мне нравится “обратный” процесс. Я как-то слушала, Басков пел “Gəl ey səhər”³ Полада Бюльбюльоглу... “Эс, дали куляк”⁴ – вот именно так, без смягчения гласных и согласных... Хорошо спел, не спорю, и песня одна из самых-самых, но... Это уже была совсем другая песня...

Убийство песни, чего там...

Он ведь не родился на берегу Каспия, не вышел из него... “Куляк”...

А вы говорите – суть перевести можно...

Я говорил совсем о другом...

Перевод стихов это такой же нонсенс, как... И не только стихов. Знаменитая “самодура” в “Служебном романе”, знаете, как перевели? “Gicbəsət”⁵... А еще мне “нравится”, как в культовом “Укрощении строптивого” Орнелла Мути говорит Челентано – “heuvəgə”⁶ и “индушка”... И если первое, регионально пикантное, смыслово и “подходит” неотразимому итальянцу, то второе, чудно синтезированное...

¹ Палаточная свадьба.

² Выходка.

³ “Приди же, утро”.

⁴ “Əs, dəli külək” – “Дуй, свежий ветер”.

⁵ Придурок.

⁶ Мужлан.

Ну, это отдельная тема – дубляж... Но больше всех досталось Александру Сергеевичу... Вот, вспомнил: “Sevirəm səni, ey Puotrün qayırdığı...”¹ Такой вот “вклад” в Пушкиниану...

“Люблю тебя, Петра...” Не может быть!

Это Габиль мне читал, из своей тетрадки. Одной из них...

Неплохо бы издать их учебником – как *нельзя* переводить... Эти примеры “сродства душ”. О чем задумались, Вагиф муаллим?

Да так... “Şənlik məclisidir”... В точку. В самую. Тот самый – “шумный бал”. Помню, один мне рассказывал, что мечтает открыть собственный “Шадлыг эви”, и где?! На вершине Девичьей башни... Дикость какая... Как и свадьбы наши...

Бывают люди в этой жизни, а бывают – вечности. Это видно невооруженным взглядом. Они бессуетно снисходительны, не ошибешься уже при первой встрече. Другие же, остро лимитированные временными рамками, вечно куда-то несутся. Будто не пришли в этот мир, а вымчались откуда-то...

Он абсолютно прав. Насчет дикости. Очень негативный “позитив” у них, этих наших свадеб. Полупатологический оптимизм. Ну а этот выбор “Домов радости”, не перестающий занимать умы народонаселения столицы... Что вполне понятно: по барину, как говорится, и говядина, по харчевне – едок. Названия – одно абсурдней другого.

“Чингисхан”, “Нептун”, “Милорд”, “Меридиан”, “Ниагара”, “Афродита”...

Демонстрация “эрудиции” своего рода.

Пир “духа”. Или его пиар. Нареченные в честь...

“Марка пола”, например, в честь знаменитого венецианского путешественника. Так и думают, что о паркетных досках речь, с ламинатом... Или вот – “Клеопатра”...

А еще мне “нравится” парикмахерская с аналогичным названием, в честь все той же птоломеевской царицы-обольстительницы, с замурзанными полотенцами, вывешенными у входа...

Такой вот “бизнес-ход”.

Вчера чайхану увидела – “МонО Лиза”... Есть еще “Бермуда”... Ну и верх креатива – “Kral җау еви”². С трудом представляю себе короля в чайхане, но, тем не менее...

¹ Неумелый перевод знаменитого стихотворения, выдавший скабрзность.

² (букв.) Чайхана короля.

А шашлычная – “Vivaldi”? Знал бы величайший представитель итальянского скрипичного искусства, (тоже, к слову, венецианец, везет им), что через сотни лет станет приверженцем люля...

(Не путать с Люлли – Жаном Батистом)...

Что поделаешь – любим мы итальянцев. И увековечиваем их гениев, как можем...

... И вот уже ты в пучине – бестолковости бытия...

А чего вы так и не смогли понять в этой жизни?

Сказал же – ничего... Надо, надо найти тетрадки Габиля. Он был уникален!

Я много слышала комичных историй, с ним связанных...

(Восторженно). О, это был... Я обязательно... Дал бы Господь Бог еще три-четыре месяца, я бы написал кое-что... Габиль однажды пришел, я взял его на работу – я был главным редактором газеты “Oğuz eli”, ну и взял его консультантом, чтобы зарплату получал... Никогда не забуду:

“Vaqif, dünenki yağış xoşuva gəldi? Entiğa çiliyirdi... Gəldim evə, yerin məlum, Beqim balkonda mənimçin süfrə düzəltdi... Həəə... Oturdum... Burda əraq, burda pomadar... burda pəndir... burda göyərti... burda kələm turşusu... Dayan! Bu yaşa çatmışam, hələ yalan danışmamışam – pəndir burda idi, pomadar – orada...”¹

Ой-ой-ой-ой... (с горьким сожалением, качая головой). “Yalan danışmamışam”²...

Ну вы даете, Вагиф муаллим! Я прям “увидела” Габиля – будто в комнату вошел, со своим “диалектизмом”! Сколько ж в вас талантов! Актер так ну точно пропал... А и правда – как такое переведешь, с изюминкой выговора, эту “вкусную” интонацию...

А все и не нужно переводить, неправильно это. Не устаю говорить – не надо себя насиловать. Я сейчас пишу, пытаюсь писать,

¹ Вагиф, как тебе вчерашний дождик? Славно накрапывал... Я пришел домой, Бегим накрыла мне на балконе... Дааааа... Сижу... Здесь водка, здесь помидор, тут сыр... тут зелень... здесь соленая капуста... Постой! Дожил до этих лет и ни разу не обманывал – сыр здесь был, а помидор – там...

² Не обманывал.

воспоминания о Кара Караеве – все знают, что он был русскоязычным. И как я могу дать диалог с ним – на азербайджанском? Поэтому мемуары пишу на двух языках...

Убедили. А, вот еще, вспомнила:

*“Ты мой
его мать, Свобода,
мне*

вырос в чужой двери Балан...”

Такой вот перевод. А вы говорите – “баланс”...

(Испуганно). Что это?

Опять не узнали? Ну, это и родная б мать не узнала...

Какая мать?

Свобода...

*Sən mənim
doğma anamsan, Azadlıq,
mən sənin
uad qarısında böyümüş balan¹...*

Кто это перевел???

Компьютер. Выдал мне такое...

Послушайте, я чуть было не...

А что, почти как про Петра I. Габилю бы, думаю, понравилась. Что до его “ялана”... У вас есть на этот счет отпадное – “Я врал, но не обманывал”...

Да. Это разные вещи. Разные. Я часто врал...

Понимаю...

Серьезно. Но никогда я никого не обманывал. Никому не наносил морального или материального ущерба. Обман – это ущерб. А врать... Я на охоте застрелил пять куропаток, говорю – восемь...

¹ Ты моя
родная мать,
Свобода,
я твоё дитя,
выросшее
у чужих дверей.

Ну какой кому урон – *basmaq*¹ по-народному... И в этом смысле я очень часто врал... А про Габилу вы мне хорошо напомнили – дал бы Аллах еще хотя бы...

Как-то это у него – без перехода, от *здесь* до *там*.

Даже не через запятую...

И впрямь – “Жизнь качается у смерти в колыбели”...

“Дал бы Бог...”

О, Аллах!..

Что ни день – выпадает кирпич

Из моих покосившихся стен.

О, Аллах!..

По кирпичику крошится век

Мой земной...

О, Аллах!..

День за днем – словно камни из стен...

О, Аллах!..

Вот еще один рухнул у ног...

О, Аллах!..

Что ни день – то потеря...

О, Аллах!..

Что ни день...

Боже мой!..

Знаете, почему язык наш теряет? Как мне кажется... Азербайджанский язык сегодня несет ущерб, как никогда, главным образом по двум причинам: русскоязычные выражаются скудно из-за плохого знания языка, его тонкостей. Ну а коренные

¹ Болтать, трепаться.

носители, если брать тотально, – по причине скудности мысли. Повторяю, говорю о массе, которой так люб эфир. В результате страдает наше ухо и резервуар языка. Услышала как-то из телезвонка – *yumurtalıyırıq!* Это ведущая поварских курсов такое выдала, подразумевая – “смазываем желтком”...

Я скажу тебе, Ната, что происходит с азербайджанским языком. С языком всегда что-то сотворяла, сотворяет и будет сотворять литература. Что ныне происходит? Люди, приехавшие из районов, из деревень, которые русский знают очень приблизительно, читают Пауло Коэльо на русском языке – 80 процентов такие... И начинают мыслить – “*bağ, əsl ədəbi dil belə olmalıdır?*”. Пауло Коэльо в русских переводах – для него и есть верх...

Я немножко мысль вашу не словила...

Пауло Коэльо модный писатель, его читают на русском, едва поняв, и переводят на так называемый азербайджанский. Так вот, его перекладывают на азербайджанский и выдают за литературу.

По принципу цыганской почты...

Это беда нашей литературы, особенно молодой.

Прочувствовать разницу менталитетов – это непросто...

Но ведь это – было! Феномен русского перевода! Французы и американцы благодаря сильнейшим русским переводчикам были более популярны в России, нежели у себя – вот что такое качественный перевод! Поль Элюар, Эдгар По... А Фолкнер – так он во Франции был куда популярнее, чем на родине! А у нас сегодня... Это действительно беда. Ну и еще то, что пишут друг для друга, не для читателя. Вот я обращаю внимание, захожу иногда в фейсбук, пишет какой-то “статус”, и – исчезает... Я знаю, куда он исчез – в чайхану, побежал уже поделиться: “*gördün, Anarı necə vurdum?*”³ Да кто ты такой – *Anarı vurasan?*!⁴

Желание принизить – откуда оно?

Ну как можно принизить Анара... Пусть стараются...

¹ Носим яйца.

² Вот каким должен быть настоящий художественный язык.

³ Видал, как я ударил по Анару?

⁴ Ударить Анара.

Странно, ты ничего не делаешь, живешь как жил, а отношение к тебе меняется то и дело – гнев на милость, милость на гнев...

То с тобой борются, то кадят фимиам.

Зейнаб Ханларова пришла на ум – одна из тех, кто познала эту “амплитуду” на себе как мало кто: то она “великая певица, прославившая музыку Азербайджана во времена, когда никто и не знал, где он находится”, то – “опустила планку нашей эстрады”, то – “будем откровенны, ну кто из сегодняшних может ней сравниться?!” Ну и т.д.

Вургун – “доносчик”... Что ж, и такое бывало, когда даже и после смерти...

Статуи Наполеона тоже ведь, говорят, свергали, переплавляли, а потом водворяли на башни. Или – Насими, который во времена не столь давние “коммунизма” был едва ли не эмблемой атеизма, сегодня же... Есть образцы более свежие – Жириновский, например, еще вчера хуливший Азербайджан, сегодня поет ему осанну, ну все ему здесь нравится – от помидоров до курортов...

Не все объяснимо под луной...

Хотя... Прочла как-то у Анара:

“Некоторые люди, чтобы самоутвердиться, покушаются на культурные ценности, на выдающихся людей. Этот бесплодный нигилизм я бы назвал двумя словами – герастратов комплекс... У нас сейчас появилась целая плеяда мародеров, которая только тем и занимается, что выкапывает трупы и взрывается в их останки... Шакальи повадки...”

Есть такая болезнь – аутоиммунная агрессия, странное состояние организма, патологическое, направленное на него самого. Это когда твой же иммунитет начинает необъяснимым образом действовать против тебя. Самоедствующая аномалия, ни к чему, кроме как к разрушению этого самого организма не приводящая...

Вагиф муаллим, вы в своих работах обращаетесь к разуму или инстинкту?

А вы как думаете?

К разуму, наверное. Хотя обращение к инстинкту всегда более эффективно – “бей его” или “гони” быстрее доходит, чем...

Я всегда опирался, опираюсь и буду опираться на разумный инстинкт. На управляемый инстинкт.

А так бывает?

Конечно.

Рефлексы – управляются?

О чем вы? Наплыв каких-то эмоций, волна – накрыло тебя! В первую очередь из этой волны надо выбраться и уже сразу подумать, как плыть дальше... Я ясно говорю?

Рациональное и эмоциональное у вас...

...в полном совпадении! Я никогда не позволю эмоции или инстинктам...

И даже в стихах...

И в стихах то же самое.

Но вы же называете себя “Лириком” – на форуме...

А вы же говорите, что многое не поняли... У меня есть стихи, которые – вот не даст соврать (*показывает на Нушабу ханум*), я сам не понимаю! До сих пор не понимаю, что я этим хотел сказать... Или – забыл...

Если бы мы с вами встретились 20 лет назад, мы бы говорили о других вещах?

Если бы вы встретились со мной-первоклассником, я бы говорил то же самое, естественно, другими словами... Но то же самое! Говорят, ребенок формируется к 14 годам... Мама моя, супруга Самеда Вургуна, меня родила сформировавшимся человеком...

Соломоном родила...

...абсолютно сформировавшимся я родился.

Из этого следует, что ребенка можно и не растить – внушать ему что-то, разъяснять, водить на выставки, развивать...

Не верю я во все это...

А познание человека возможно?

Конечно, нет. Дай Бог до последнего вздоха о себе что-то узнать и понять... Мы же об этом говорили – дверь, две двери...

Да, но в вашем случае... Вы не всегда понятный, понимаете? Поэт и – “не лирик”. Хотя... Лирика это всегда раскрытие

душевной тайны, – как бы скидывание одежд... Вы же предпочли "раздевать" других, понимаю... Вагиф муаллим, ау...

Слушаю вас, внимательно...

А если б вам дали возможность обратиться к людям планеты – что бы вы им сказали?

Я не настолько самонадеян, чтоб пойти на такое...

"Не самонадеян" ... "Не познал себя" ... "Не понял" ...

Сама непостижимость. В нюансах весь.

Расслабленный и при этом – немецки пунктуален!

Стеносметающий, но космос не антагонизирует против него, полностью с ним органичного. Невыровненный и при этом все подчинено общему внутреннему ритму.

Или же – "не лирик"... А как же можно писать стихи, будучи реалистом? Как соскользнуть (или взмыть?) в эту самую метафизику, когда... В неоднозначности сей весь Самедоглу.

Принципиальный и всепрощающий.

Как это у Конфуция?

"Благородные люди живут в согласии с другими людьми, но не следуют за ними, низкие следуют за другими людьми, но не живут с ними в согласии".

Про Вагифа сказал. В яблочко, в самое.

Противоречивый он даже пунктуативно – утвердительный и с... многоточиями...

А впрочем, что я голову ломаю – вот же он, его "автопортрет":

Спрашиваешь, каков я?

Не безумец и не мудрец,

Каким захочешь увидеть меня,

Таков и есть.

Вновь, как прежде,

Только перо, да сам,

Ни на небе, ни на земле

Не считаются со мной...

Стихи, местами абсолютно суфийские.

Читаешь его, определяя для себя какие-то ценности...

Искусство компромисса дано не всем... Всепрошение. Приятие сущего как нормы. Нужно ли вырабатывать этот "фермент" в себе? Вагиф муаллим, вы опять "ушли"...

А вы что-то спросили?..

Бывает у вас так, что устроить скандал – нет, а вот убить – да? В каких случаях бы вы, рафинированный доброхот и миролюбец, настаивали на смертной казни?

Насильники. Педофилы. И еще – фашисты. Вы поймите, Ната, человек, который изнасиловал пятилетнюю девочку... Нельзя, чтобы он сидел в тюрьме! Был такой человек, может, помните, Адольф Алоизович, вот он их расстреливал, педофилов...

А в перевоспитание тюрьмой – верите?

Нет, конечно. Причем не верю практически, потому что до сих пор числюсь членом Комиссии по помилованию при Президенте, и за эти годы, лет 12-13, я столько там... Я с опытом...

А зачем тогда их создавать, если нет смысла? Цель-то перевоспитание...

Причем тут перевоспитание? Изолирование. Преступник "должен сидеть в тюрьме!" Кто говорил?

Высоцкий.

Жеглов говорил!

Тогда нужны не тюрьмы, а лепрозорного типа заведения...

Ой, я хотел очерк написать о них! В то время мой дядя, двоюродный брат отца, Фахри Векилов был министром здравоохранения. Я позвонил ему – дядя Фахри, хочу зайти, у меня одна идея... "Я знаю, какая идея, придешь с Рамизом и скажешь – возьми нас куда-нибудь!"...

Рамиз – это...

Адельки Векиловой муж – Рамиз Агазаде...

Аделька – это...

Дочь дяди Фахри. В общем, я пошел к нему и с умным видом говорю: дядя Фахри, у меня такая идея, хочу поехать в лепрозорий и о прокаженных сделать очерк! "Молодец! Ты смотри! Ох, как

хорошо придумал! Умница! Сейчас я позвоню». Соединили его с руководством лепрозория, и он говорит: «Слушай, к тебе вдруг может зайти мой идиот племянник, сын Самеда Вургуна. У тебя есть там палка – тяжелая и длинная? Как придет – бей его куда попало... Гони оттуда!»

Зря он это сделал... Лишил нас опуса, очень нужного... Вагиф муаллим, ваш род один из древних...

Да, Векиловы это одна фамилия, один род. Письменная хроника начинается с 16-го столетия. Генеалогическое древо создано моим двоюродным дедом, генералом Ибрагим ага Векиловым, который создал военно-топографическую карту Турции.

Ого!

Сам Ататюрк его пригласил.

Невероятно!

Да, самую первую их карту. Об этом написано в книге «Vəkilöğulları»¹. К сожалению, в роду нашем уже нет людей, которые бы продолжили его работу...

Если же говорить о «магистральной», что ли, ветви деятельности ваших предшественников, то это, конечно...

Нет. Их три. Военная, литературная (поэзия) и дипломатическая.

Выходит, что вы собрали эту «триаду» – в одном лице. Что до военной – с ружьишком походить любите, говорят...

Попытался собрать, так скажем. Род – знаете, это очень ответственное. Можно утонуть в этом море, а чтобы этого не произошло, нужны усилия волевые, и немалые...

Я была дружна с одним его представителем, этого рода, – Мансуром Векиловым, сыном того самого «дяди Фахри», даровитым поэтом и просто незабываемым человеком.

И вновь – кротость и ум. Какие-то они особенные, великодушно нерукастые...

«Генеалогическое древо», «16 столетие»...

Он мог бы и не говорить мне об этом...

¹ Книга И. Умудлу, посвященная исследованию древнего рода Векиловых, имеющего более 450-летнюю историю.

Оригинальное мышление – это все-таки сверхдар, остальным же приходится довольствоваться лишь верой в свою исключительность, подпитываемую неугомонным апломбом.

И еще – подогреваемым снаружи.

«Ведь вы этого достойны!» – внушают нам по сто раз кряду на день. Конечно, достойны, кто б сомневался. Уверовали в это, слух ласкающее, – все без исключения.

Даже самые отстойные из «достойных».

Наши звезды, рожденные потомственными колхозниками, вещающие об элитарном образе жизни... Послушать нынешних, так все они вышли из «графских семей» – в основном те, кто с туманным происхождением.

Нувориш, возмнивший себя элитой...

Нет зрелища печальней...

Ходим, рекламно гламурные... Особой тренировки духа не блюдается. Жизнь сегодня строится на трех «китах»: спальня, кухня, сортир. Так называемых базовых потребностях человека. Так оно, вероятно, было всегда, просто не выпячивалось диктаторно приоритетным креном. Микробы, джакузи, «Утенок для...» Реклама буквально дышит всем этим...

«Ведь вы этого достойны!»

Или вот:

«Все лучшее от природы – для прекрасной Тебя!»

«Князь маркет», «Гальянхана VIP», «Аристократ» в Сабунчах, парикмахерская «Авеста» (похоже на «невеста», очевидно)... А еще – вилка «ПриИстиж», «Yumurta Eksklüziv»¹...

С людьми все ясно, разобрались, но яйца... Петух, что ли, снес... Ну да ладно. А еще «понравилось» – магазин женской одежды «Dəhşət»². Для Бабы Яги, видать...

Это надо было очень постараться, чтоб в 21-й век прийти столь дикими...

Не находишь ее сегодня – молчаливой мудрости...

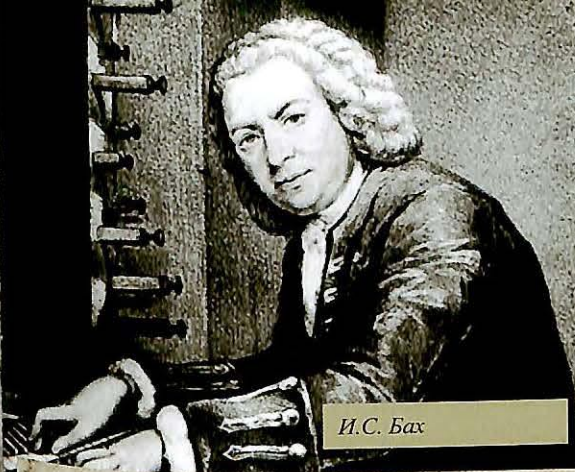
Вагиф муаллим, а что такое элита? Вчера объявление попало: «В очень илитном доме маналит»... Бетховен родился на чердаке. Замуж за него не давали Гвиччарди, потому что музыкант всегда голодный, а значит второсортен. Элитарен ли он был?

¹ Яйца «Эксклюзив».

² Кошмар.

Ф. Шопен

И.С. Бах

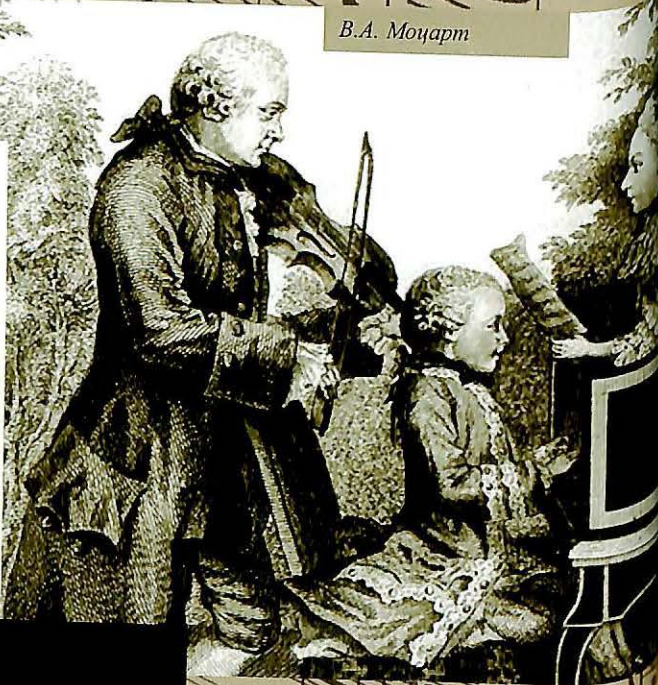

П.И. Чайковский

Н. Паганини

Г. Малер

В.А. Моцарт

Л. ван Бетховен

А.Н. Скрябин

С. В. Рахманинов

Ф. Лист

К слову, мы начали с Нейгауза и вот опять... Одного я не прощу никогда Генриху Густавовичу... Никогда! Как-то мы разговорились с ним и его аспирантом... И речь зашла о том, что, бывает, творчество не соответствует личностной сути индивида. Голубчик, сказал он мне, кстати, недавно в ГДР очень маленьким тиражом были изданы разговорные тетради Бетховена – что ему записывали, что записывал он... И на два дня дал мне их почитать. Я никогда не прощу себе, что прочитал это! Гений, “Лунная соната”, “Аппассионата”, Девятая симфония, “Ода к радости”... Все это и многое другое... Каким же он, оказывается, ужасным был в жизни, быту... Каким грубым, нечистоплотным физически! Что ему пишет домработница... У вас все здесь накурено, а в каком состоянии у вас рояль... Рояль это не посуда для портвейна...

И немцы это издали?

Крошечным тиражом.

Это подлость, особая форма ее...

Я прочитал, вернул Нейгаузу со словами: Генрих Густавович, напрасно вы мне это дали... “А может, напрасно, что ты прочитал?” (*Хитро улыбаясь*). Остроумный немец был...

Немец?

Чистокровный. И Рихтер немец. И Бетховен. И Адольф Алоизович...

Может ли ничтожный человек быть гениальным? Я не о “великих”, там все возможно...

Может. А Бетховен... Его музыка в миллион раз выше его человеческих недостатков. Недостатки ушли с ним, а музыка осталась с нами.

А что простительно гению? И вообще – его надо прощать?

Бог его создал гением, пусть он и прощает. Это право Бога.

А почему гениальные часто несут ущерб – физический... То, за что держишься, что составляет смысл твоей жизни... Бетховенский пример опять-таки: писать симфонии, не слыша оркестровку! Ван Гог с эпилепсией, Ренуар с артритом – вот, оказывается, откуда знаменитый его крупный мазок! Достоевский с шизофренией, ослепший Бах... А немой Мамед Араз, а потеряв-

ший голос Акиф Исламзаде, а Караченцов, лишившийся главного своего козыря – эмоции... Недуг избирателен и меток.

Добавлю в ваш список печальный... К сожалению, забыл имя, джазмен-гитарист трехпалый... (*Задумался*). Да, вспомнил – Жан-го Рейнхардт, на левой руке у него было три пальца всего, остальные сгорели в пожаре... Чарльз Паркер, Джон Колтрейн мечтали с ним сыграть – тремя пальцами он творил чудеса...

Что бы он делал с десятью пальцами – можно себе только представить...

А Эмин Сабитоглу? Он ведь был левшой. Героизм это – пианист-левша, вы ж знаете. Для струнников это не проблема, для виолончелистов, например, а для пианистов... Помните Равеля, с его концертом для левой руки, который он сочинил для однорукую Пауля Витгенштейна...

Болезнь, увечье, инвалидность... Эта кара – есть ей объяснение? Уж слишком жестоко порой к человеку Небо...

Кара? Возможно, но... Беспощадность людей куда страшней...

Вы о чем?

О тенденциях...

... а нападать будут – и на Самеда, и на Расула, и на...

Ростропович мне об этом еще рассказывал, лично, горько так сокрушался... Не любим незаурядных, и все тут. За антисоветизм и советизм, за новаторство и консерватизм, за верность классическим традициям и отречение от них... Падая, умудрились опустить прошлое – символы наши. То бишь, занижая их, становимся как бы повыше...

“Так, как играет Ростропович, любой студент играет в консерватории”.

Такая вот “цензура”. Это еще при жизни маэстро написали в московской прессе...

Бросающий камень в прошлое может угодить под камнепад будущего. Проверенная истина. Как и то, что памятники ставят не критикам, а критикуемым. Что до тех, кто критикует... Сколько их было, за всю историю, слабоодаренных, задохнувшихся в своем

“праведном гневе”, ратующих за “правильное” искусство, так и не попавших на его вожделенные страницы...

“Мне отвратительна тенденция огульного очернения всего, но лучше это, чем возрождение цензуры. Лучше уж писать что попало, нежели вводить запреты”...

Такое вот “из двух зол” Вагифа Самедоглу. Злоба всякого там отрепья... Так статусней смотришься, наверно, пиная... Это как бой без правил, как игра в одни ворота – ответного удара-то нет. И не будет, как им думается...

Увы, будет. Вернее, уже есть – не верите, включите телевизор. Популярная певица, не слезающая с экрана, не узнала классиков на портретах... Наша певица наших же классиков!

Издержки вредоносные ментала... И не только...

“Для тех, кто любит собственные зубы”...

Деградация, которой и не думают совеститься. На грани маразма. Книги, литература – это как-то параллельно сегодня. По бубну, как говорится, и другим музыкальным инструментам. Кутаб сменил-таки китаб... Пицца физическая вытеснила духовную, чего уж там. Фета заменила “Фетá”, Бальзака – “Бальзамик”... Никто не знает Флиера с Бодлером, то ли дело – филлер и бордель...

Все говорят о тонкой талии и никто – о тонкой душе...

“Революция обольщения”... Аномалия, ставшая нормой.

Не нравятся русские образцы? Без проблем – приведу отечественные:

“Bir, iki, üç – öskürəyi edir puç!”¹

Консерватория – консервант, мастер-класс – master card...

Знаю, что такое “капелла”, а вот Capsella... Грешна. Как и BWV для меня по сей день – тематический каталог произведений Баха – Bach-Werke-Verzeichnis. Без автоаналогий.

А чего стоят эти “теледиалоги” с остатками пищи в зубах – кто-то ведь придумывает эти и другие образцы неостроумного почти похабства, от которых сквозит какой-то нечистой тупостью.

Желаете погорячее? Пожалуйста:

“Yeni pivə – yeni fikir!”²

Ну у кого это вызывает отторжение? Всё путем.

Зря тылы оголили...

Ну а Глюк нынче ассоциируется исключительно с...

¹ Нелепый “стишок” из противокашлевой рекламы.

² Новое пиво, новая мысль.

“Чтоб тебе довелось жить в эпоху перемен” – есть такое проклятье у китайцев...

Ценностных перемен...

Вагиф, правда, считает иначе:

“Наши ценности остаются такими же, какими были столетиями. Но упали в цене. В ходу фальшивые “культуромонеты” и “радостно-трагический бартер” с другими странами. Иногда мне кажется, что многое из того, что мы нынче слушаем, читаем, смотрим, произведено в китайских подпольных мастерских”...

Представление о народе создает все-таки личность. Одна-две-три. Их много не бывает. Когда я слышу “Китай”, первым “прибегает” все тот же Конфуций, а потом уже потомки его, многочисленно блуждающие по нашему городу с продажными отвертками-свистульками-фонарями...

Их вроде поубавилось, давно не вижу...

Когда я читаю “Nəsimi bazarı”¹ на автобусном табло или “Köroğlu ticarət mərkəzi”², то... Какие смыслы великие в том? Желание обнулить... Почему оно возникает, у вас есть какое-то объяснение? Насими перестает быть наверху – да вот же он, за углом, где лук продают...

Я думал об этом еще в связи с купюрами – помните, “Низами”, “Ширван”... Мы, например, называем флаг свой святыней страны, как и гимн – все это государственная атрибутика, которой все мы гордимся и которую чтим, а вот многие американцы свой флаг называют “полосатая стерва”. Это бывает – по недомыслию...

А отчего мы боимся быть хорошими, почему скупимся на жесты человеческие? Откуда она, агрессия? Ведь сотворить зло...

В Исмаиллы был случай, совершенно гениальный по своей философской сути, по трагизму... Логика трагизма. Или же – трагедия логики... Мужчина как-то в лесу увидел трех оленят, вырастил их, через год-два они превратились в огромных, 300-килограммовых... Он загородочку им соорудил... А сынок его решил сотворить добро – выпустить. Так вот, когда родители заснули, мальчик вышел, радостно распахнул изгородь и... Так эти олени его растоптали! До смерти!

¹ Базар “Насими”.

² Торговый центр “Кероглу”.

Зачем?

Прошлись по нему... Свобода! И ушли в лес. Вот – добро. А вы говорите – “сотвори”...

Это быль, да?

Могу даже деревню назвать...

Я от оленей не ожидала, если честно...

Ну да, вы думали, что они поблагодарили мальчика за услугу – спасибо, милый... какой ты добрый... Насмотревшись мультиков... Это как волк антилопу целует...

Его “зоопарк” – он меня покори! Зоо-афоризмы, как я про себя их назвала – характеристики ну убийственные.

Если бы овощи умели бегать, заяц тоже б стал хищником.

Митинг птенцов в яичной скорлупе.

И даже после смены кожи змея остается змеей.

Бывают птицы, которые не выпархивают из клетки даже с открытой дверцей.

Собака лает на всех языках мира.

Из окрашенных весной яиц осенью цыплята не вылупятся.

Борьба за свободу для лисы заканчивается у двери в курятник.

Так достоверно проецировать на... Разрез скальпелем, обнажившем сущностно зверский психологизм – ему бы басни писать...

Не каждый огонек принимай за свечу, – а что, если это глаз шакала?

А это заставило-таки вздрогнуть:

Шуша была отстреляна подобно джейрану, вышедшему из тумана.

“Подобно джейрану”...

Вы прорицатель, знаю, убеждалась. Большим художникам это свойственно – Расул Рза, например, предвидел Карабах, эту драму нашей жизни, задолго до... Читала его стихи об этом и понимала, что... Вернее, ничего не понимала!

*...А, может быть,
ты назван так
за то, что черным был платок
на головах у девушек-невест
с глазами, покрасневшими от слез?*

*А, может быть,
из-за свинцовых туч,
в которых и луна казалась черной?..*

Невероятно, но написаны эти строки в... безоблачно 70-ые...
На то он и Расул...

К слову, он ведь и вас – “предсказал”...
Да, было...

А у вас провидения такого рода были? Я говорю о Карабахе...

Всю жизнь. Я писал, лет 40 тому назад, – рано или поздно вопрос Карабаха встанет нам поперек горла...

То есть, где-то в 60-х годах вы чувствовали, что напряжение это может...

Всегда чувствовал. И не только – я же работал в “Энциклопедии” тогда. Их реакцию на нашу энциклопедию помню, их письма в ЦК КПСС...

“Роковое предчувствие” – так называется стихотворение Вагифа, в котором впервые прозвучало слово “беженец”. В его творчестве впервые, и датировано оно годом 1964-м...

*Как судно, набитое
беженцами с войны,
рояль мой, черный распуская парус,
отчаливает от причала
и от меня...*

или же:

*И эта осень началась,
и этот дождь...
Мертвые мои
и живые мои
витают в душе моей...*

Или вот еще:

*Пред грядую гор,
Подперевших друг друга плечами,
Вспоминаю гору Гейязан –
Как глядится она сиротливо!*

*Ни по правую, ни по левую руку
Нет у нее исполинской родни...*

Как предчувствие зова – зова о помощи в оглохшем мире... Будто обезлюдевшем. Правдивость жизни, в ее звенящем предотчаянии...

Предошущение, в непрекращающихся взрывах войны реальной выглядящее Предвидением, заполонившем все печалью...

“Национальное одиночество – самое страшное из всех других”.

Афоризм Вагифа, еще один, что выгравировался во мне...

Имя Мустафазаде уже не раз витало в беседе. Знаю, дружили...

Очень сильно... Учились вместе, в одной школе, музыкальной, при консерватории имени Узеира Гаджибекова. Он на класс был младше, так что мы почти однокашники... Я называл его “adaş”¹. Мы жили в стране, которая находилась не только в информационной, но и джазовой блокаде – не было записей, нот, звукозаписывающей аппаратуры. Помню, мы сидели с ним часами за инструментом – у меня дома, у него или в школе, разбирая имеющиеся под рукой сочинения. Это были, например, прелюдии, этюды, этюды-картины Рахманинова, в которых мы выискивали джазовые гармонии, специфически прихотливый ритм, присущий этому жанру, вожделенный джазовый септаккорд... Не было ведь взрослых джазменов, с кем можно было бы посоветоваться – все впопыхах, все по наитию. А еще мы ночами

¹ Тезка.

Вагиф Мустафазаде

приникали ухом к радиоприемникам в надежде услышать звуки “кромольной” музыки. Интерес был всепоглощающий, джаз ведь нельзя играть, джазом можно заболеть – однажды и на всю жизнь...

Что и сделал ваш тезка – он ведь “сгорел” на сцене...

Чертовски одаренным был Вагиф! Любил нашу поэзию, знал наизусть целые сцены из спектаклей Аз драмы, ТЮЗа... А как он импровизировал мейхана! Нынешние так не умеют. Я, наверное, вас удивлю: Вагиф был одним из самых талантливых мейханачы того времени, *sinədəftar*, как их называют. Это была тройка лучших, как считалось, – Вагиф, Рафик Зека, покойный, и я... Так вот мы в садике Сабира демонстрировали свое искусство мейхана, которую нам заказывали крепостные “авторитеты”, после чего они, довольные услышанным, нас “угощали” – давали деньги на кино, мороженое, пирожки... Это были 49, 50, 51-е годы... Сегодня я очень горжусь этим эпизодом своей биографии...

А вы не думали о том, что когда-нибудь будете ходить по городу, по улицам, названным их именами, – именами ваших друзей...

Никогда не думал...

Встреч было много, понимаю. А о какой невстрече – сожалее? Или же...

(С болью). Понимаю, кому-то не успел что-то сказать, не додал, да? Таких людей немало, один из них, пожалуй, Вагиф сам, Мустафазаде. Я его очень любил – очень, очень, очень... Плакал, когда с ним случился этот кризис... Покойный Агабек Султанов его просто выгнали с того света – каким-то чудом выгнали... Он ведь уже уходил однажды – 72-й год был или 73-й... Пару раз ходил в его дом-музей, а потом перестал... Не смог... Вы спросили – кому не досказал... Многим не досказал... Очень многим... Тот же Рафик Бабаев, я очень жалею, что не делал попыток с ним сблизиться, подружиться...

Нушаба ханум: Я извиняюсь, что вмешиваюсь, у Вагиф муаллима есть черта – людей держать на определенном расстоянии. Это сейчас он как бы... В молодости же – дистанция, барьер...

... Единственный человек, с кем лет, наверное, 20 у меня не получается беседа, – это Анар...

Рафик Бабаев

Да ладно – он вас обожает, вы что...

Да я его люблю так же, как Юсифа, *toğrađı sanı uçaşın*¹, – дело не в этом... Не о чем говорить! Не о чем говорить мне с ним! Ну человек прекрасно знает, что я отвечу, и не задает вопросы. Одинаковые мы... Анекдоты рассказываем, новости политические можем обсудить – о литературе вообще не может быть и речи. С ним мы – со школы еще...

Анар так и говорит: "Вагиф Самедоглу – отражение моей души, мое второе "я". При том, что разные вы – по энергетике...

Если б не Анар, я не стал бы поэтом... Это он меня втянул, все время говорил – *neunirsən muzikanı*,² у тебя дар...

Yoldan çıxaran o olub?³

Он хотел меня сделать критиком...

Музыкальным?

Нет, литературным. Я ему обещал написать статью о литературе, типа эссе. Через неделю он позвонил – *yazdın?*⁴ А я написал 10 стихотворений – вместо обещанной критической... Анар пришел ко мне – к нам домой, где сейчас музей папы, я ему прочитал ему стихи, он налил водки, встал и стоя сказал тост: "У нас появилась еще один большой поэт – Вагиф"... Всё. Так музыка...

...отошла на второй...

Ну что вы! Это на пианизме я тогда поставил крест, а как музыкант...

А знаете, такого как вы нужно тормозить... Вы можете заснуть и...

Что?

Заснуть на тысячелетие... У вас нет ощущения времени в определенном смысле. Бог знает, кому какого друга посылает. Анар не просто так появился в вашей жизни. Вас тянуло не туда, куда надо, так бы и бросало от Флиера до лепрозория...

Анар как бы вытащил...

¹ Пожелание долгих лет.

² Зачем тебе музыка?

³ Так это он с пути сбил?

⁴ Написал?

... и мы получили классика – спасибо ему!

Да, но сначала был – Расул...

"Когда закладывает уши от тысяч вопиющих в пустыне"...

Это определенно перекликается с расуловским:

"Мне не дают покоя страдания мира, боль земли..."

Он ведь один из первых приветствовал поэтическое рождение Самедоглу:

*Дед мой любил Джами,
И еще Руми.
Я люблю Физули,
Сабира и молодого Вагифа...*

Приветствовал восторженно, благословив:

"Удачи тебе, Вагиф! Дорожка родом своим, принадлежностью к очагу своему, носи с почетом имя поэта. Не робей, не уставай. Пиши, твори!"

Вагиф не послушался...

*Сегодня я – эмигрант
В стране Разлуки...
И вот – опять Баку.
И небо теплое –
как воспоминанье.
Сверкает город рыбой чешуей
после дождя.
Море блаженное –
как лицо разрешившейся роженницы...*

*Скорее прочь
От этой вот юдоли,
И скройся там,
Чтоб душу уберечь,*

*Где ветер нежит
Золотое поле,
И птичий свист
Понятнее, чем речь...*

Расул не ошибся...

Умные люди думают, талантливые творят... А что делать всем остальным? Есть, толстеть, худеть, размножаться... Это все?

В общем, да. И желательно не мешать тем, кто творит и думает...

Есть у вас строки, после которых земля уходит из-под ног. “У порога распоротой ночи” – одна из них...

(Припоминая). Это точно – мое?

Точно. Ваше. Вагиф муаллим...

Джан!

Богатый, бедный... Успешный, лузер... Знаю олигархов с океаном печали в глазах...

Это тоже я говорил?

Нет... Знала всепланетарного любимца, брошенного умирать в ледяной квартире... “Призрачно все в этом мире бушующем”... Мы очень часто принимаем одно за другое...

У меня есть стихотворение – не знаю, как перевести... “Ölümə inan, ölümə bel bağla”¹... Дружи со смертью и тогда не так страшно жить. Если дружишь с ней, то – что у тебя в резерве? Выход! Из любой ситуации, даже самой крайней...

Если б человек знал, что ему предстоит вынести в жизни, наверняка многие б предпочли удавиться пуповиной загодя... Тема смерти у вас – едва ли не доминирующая. Даже будучи совсем молодым, вы... А вот этот резюмирующий, скажем так, взгляд на жизнь – он когда появился? Что-то ведь подтолкнуло...

Ну при чем тут... Писал бы в пять лет – писал бы о том же самом...

¹ Верь смерти, положишься на нее.

Расул Рза и Нигяр Рафибейли

"Очищение души через пик страдания"... Все так, но...

Это есть в Библии. Ода "К радости", опять же...

Но где же он – этот самый пик?

По религиям я могу сказать – где... А по тому Богу, о котором я говорю, по моему Богу, – я не знаю...

Путь человека – от колыбели до гибели...

Ощущение, что Вагиф начал прощаться с человечеством уже в день своего прихода... Говорит о смерти, как о чем-то почти будничном, и в то же время...

... С годами жизнь вокруг становится какой-то дразнящей. Цветок – ярче, снег искристее, утро пронзительнее, а запах земли после дождя – маняще забирающим. Это у простых смертных, каково же поэту наблюдать такое?! Пыточное существование с острым осознанием того, что это все останется, а тебя уже не...

Она всегда рядом, смерть... Уразумеваешь это рано или поздно. Для меня она с некоторых пор стала показателем, нет, барометром любви, термометром ее градуса!

Вагиф прав, несомненно... Смерть у него "оберегает" жизнь, "опекает" для себя. Более того, – "Кроме смерти нет у меня опоры"... "Во сне могилу я увидел, еще не вырытую"... "Похоже, смерть охотится за мной"... "Оказалось, жизнь – разлука между смертными и смертью"...

Еще никто из людей не остался на Земле навечно, все так...

Родившись, ты уже даешь фору смерти – она уже в дамках...

"Последний" день, "последний" вдох... Что это – предчувствия, которые не сбылись? Но ведь – как часто за "предчувствиями" ничего не следует... Промаях? Нет же, нет. Просто конец – он не обязательно физический. Сколько раз мы кончаемся за свою жизнь? Человек ведь не всегда "внезапно смертен", как выразился один из булгаковских героев. Собственно, жизнь и есть череда, точнее, цепь – концов и начал...

А может... Может, в основе и был – страх? Тот самый, вполне понятный.

"Ой, не хочу я ее – великой тишины"...

Вскрик?

Или вот:

*Самый сухомытный хлеб
Желаннее, чем смерть...*

"Господи, как было бы здорово попасть на Ноев ковчег, глядеть на бесконечные воды и с трудом верить в то, что под этой небо- зримой морской стихией когда-то была земля, на которой жили, охотились, унижали женщин, почитали Сталина и гнали, и гнали мысли о смерти прочь, прочь, прочь..."

Неизбежность ухода (а других уделов еще не было), что способна отравить каждый твой день... Наша жизнь, по сути, и есть пир на костях – тех, кто был здесь до нас. Как бы мы ни отмахивались от этого "неудобства"...

Смерть, уход, могила...

Читаешь все это у Вагифа и не меркнет белый свет, хотя должен бы... Нет повального горевания. Он всегда оставляет пространство для маневра. Не угнетая.

И река жизни продолжает журчать...

Разглаживая душу, настраивая ее на верный лад...

Невидимым камертоном...

"Детство невероятно часто вспоминаю, вне зависимости от себя" – пишите вы. А что именно вспоминается чаще всего? Обходите взглядом каждый уголок, закромок комнат, заходите в кабинет отца...

(С готовностью, будто ждал). Сейчас вот... Только не смейтесь...

Ну что вы!

Сейчас, в связи с этой болезнью, с этим состоянием моим – так ярко вспоминается детство! Те же звуки, те же запахи... Я никогда бы не подумал, что вспомню расцветку обоев в спальне родителей...

Какого цвета?

Розоватые, с оборкой такой... Помню, когда я лежал с мамой, эта оборка каким-то чудом приближалась ко мне вот на такое (показывает) расстояние – узорчатая полоса, очень широкая, сантиметров 30... Elə bil qabağa gəlirdi – oboi qalırdı yerində, o – gəlirdi!¹ А запах ковров... На первом этаже в старом универмаге был отдел большой – канцелярский магазин, игрушки... Я помню ароматы тех товаров советских... Как пахли эти тетради, эти блокноты! Что за бумага была – от нее несло чем-то невероятно незабываемым... Как фотоаппараты пахли... А игрушки, игрушки!

¹ Обои оставались на месте, а она – приближалась!

Вагиф с мамой

А как пахли библиотеки в детстве, помните? Книги старые – сладко так... Я нюхать туда ходила...

Я не посетитель библиотек, не знаю...

Неужели не записывали в детстве?

Записывали обычно в Кисловодске...

Сколько же вы там пребывали, что вас еще и в библиотеку успевали записать?

Все лето, почти три месяца. Ехали туда в конце мая, приезжали в начале августа – *üzüm vaxtı*,¹ на дачу...

Но, приехав в город, вы же ходили в...

Я же говорю, не ходил ни в какие библиотеки...

Постепенчато-последовательный ответ...

С ним такого не дождешься. Импульс, неизвестность...

Она же пауза. Безответная...

"Я не посетитель библиотек..." Это поэт говорит!

"Не люблю театр..." Это признание драматурга!

"Я опять не то говорю, знаю..." И это-то – Вагиф Самедоглу!

Есть, однако, темы, которым он подвержен. Я бы даже сказала – на которые обречен. Пожизненно.

Бог. Свобода. Смерть.

И, конечно, – Море...

А еще – дождь... Может, в нем причина его любви к Кисловодску...

"Воспоминания детства – теплый очаг в зиме жизни" – пишет он.

Детства – в умопомрачительных ароматах блюд бабушки Бикя, безбрежной заботе мамы Хавер ханум – это ж надо, добиться, чтоб сам Флиер прослушал ее сына, такого талантливого и ни на кого не похожего, а, прослушав, захотел взять в свой класс! Только материнская любовь способна на такие подвиги!

Уже не говоря о Самеде, который просто обладал даром быть отцом!

¹ Когда поспевал виноград.

“Порой меня охватывает непреодолимое желание вернуться в прошлое, где по весне цвели и одуряюще пахли акации, где мои родители были молоды и все тяготы жизни, горе, болезни и невзгоды еще не случились... Во времена, когда я переживал свою детскую любовь и сломя голову несся куда-то по своим мальчишеским делам, когда двор и друзья были главным делом моей жизни...”

“Прелесть воспоминаний в их недосыгаемости” – утверждает афоризм Вагифа.

Детство, которое уже никогда не...

Детство, с его незабываемым окружением, неповторимыми милыми чертами, бережно хранимыми в дальних обителях памяти...

“Родился в 39-м, в 37-м посадили”... Странная такая цифирь, я подумала – опечатка...

Это такая правда! Это точная математика! Это таблица умножения жизни. *(Долгая пауза)*. Вы что-то молчите...

Думаю.

О чем?

О том, что... Вагиф, Юсиф... Два сына у Самеда, и оба... Удачное, видать, сочетание генов. Редкое явление...

Вас опять тянет на обобщения...

А как же без них? По-вашему выходит, что мы должны исходить каждый от себя, перечеркнув опыт человечества? Тогда ведь и в медицине...

Какая еще медицина? Опровержения ее – на каждом шагу! “Медицина”... Если алкоголь убивает печень, то я должен был умереть в 35 лет – понимаете?

Понимаю. Вернее, нет. Невероятная она у вас, способность сметать парадигмы... А эти ваши попадания психологического свойства! Вот вы как-то сказали, что не уважаете людей, которые все высказывают в лицо. Прямота не есть доблесть, как это часто представляется?

Конечно, нет.

С вами мало кто согласится – любят наши побравировать этим вот...

Выдают хамство за мужество: “Kişi kimi üzünə dedim ki – əçlafsan!” Onun nəyi kişilikdi? Tərbiyəsizlikdir! Точно так же эмоциональность не есть душевность...

Да, я это поняла. Вагиф Самедоглу, не замеченный в сантиментах или там лирических рефлексиях, и вдруг – розовая оборка, Кисловодск...

Причем тут Кисловодск? О чем вы?

Эх, Вагиф муаллим, я о том, что... О том, что детей должно быть побольше – случилось горе с Юсифом, факел понесли вы... (Испуганно). Какой факел?

Духовности.

А-а-а-а...

Юсиф Самедоглу, Вагиф Самедоглу...

Это Назым Хикмет посоветовал...

Что посоветовал?

Мы же были Векиловы, вот он и...

Так вот откуда эта тенденция пошла... Не знала. Вагиф муаллим, оставлять сотни томов после себя вовсе не обязательно, ведь так? Сократ произнес одну фразу, его обессмертившую: “Я знаю то, что ничего не знаю”...

Он вообще не оставил ни строчки...

Бывало, правда, что промахивались – Бетховен, например... Опять Бетховен...

...считал самым сильным своим творением “Фиделио”, тогда как...

Я в жизни своей слушал две скучнейшие оперы – это “Фиделио” и “Хованщина” Мусоргского...

¹ “Я как мужчина в лицо ему сказал, что он – подлец!” Что в этом мужского? Невоспитанность это!

Вернемся к песне. Я знаю, что вас это не постигнет, ваше творчество, но – тексты для песен имеют свойство устаревать. Наш день она запечатлевает, в деталях. “İki qərik taranda”¹... Дети сегодня так и думают, что это бомж обрадованный поет, найдя двухкопеечную монетку... Да еще про какой-то “телефон-автомат”...

Это не мое – Анара...

...Не смогла объяснить, что песня про любовь. Такой же геморрой с – “переждать не сможешь ты трех человек у автомата”... Нынешние думают, что это про Калашникова, чуть ли не стенограмма расстрельной казни...

Прости, не могу это слушать – не мое... Вот прочтут и скажут, что притворяется каким-то Скрябиным. Скрябин видел цвета в музыке, а я – запахи слышу...

“Цвет ветра” – нашла у него.

И впрямь – видит...

А Шопен для него пахнет духами любимой учительницы музыки – той самой, первой, в которую он был влюблен...

Шопен...

Эти звуки, эти аккорды,

Подобно преданной женицине,

Всегда со мной.

Если будут звучать вдали,

Подобно преданной женицине,

Они всегда близки.

Если услышу тысячи раз

Эти звуки, эти аккорды,

Они всегда свежи,

Как преданная женицина.

Во все времена года согревают, как лето,

И со всех сторон света манят меня, как юг...

¹ Слова из популярной в 70-е годы песни.

“Величие народа определяется наличием женской свободы” – пишете вы. Выходит, что феминизм...

Феминизм? Это колоссальная война будет. Колоссальная! Неслыханно кровавая война! Феминизм должен победить. Дело в том, что феминизм это уже не моральное явление – он вышел из этого состояния, а чистая политика. Похлеще масонства. Сильно похлеще. Над этим работают. Есть такой курс – передать руководство мира женщинам.

Вы одобряете его – курс?

В этом что-то есть. Женщина больше защитница, чем мужчина. Мужчина защищает, утверждая свое “я” за счет ума, и только. А женщина – ума и сердца. Это уже материнский инстинкт. Любая женщина и к себе относится, как к своему дитя.

Не только женщина. Вот вы пишете: “Так хочется иногда себя, обиженного, взять на руки, успокоить, развеселить”... Ну что ж, вы, мужчины уже попробовали себя, пускай тепер женщины. А вообще-то... Хорошо еще ничего не закончилось в этом мире – ну это в границах моих наблюдений. А можно ли обойтись без философии? Жить, не задаваясь никакими...

Без философии можно обойтись в жизни. Без юмора нельзя. Без юмора живут только глупцы.

А если обстоятельства не благоволят тому? Хотя знаю, это не про вас. Вспомнила шутку вашу, одну из многих: “Я сейчас нахожусь в том возрасте, когда услышав ДА на свое признание в любви, очень радуюсь, услышав же – НЕТ, радуюсь вдвойне”.

Где это вы могли слышать?

Народ знает своих героев. Много чего “из вас” разошлось по крылатым фразам...

Вот уж не думал...

Утомила?

Да нет вроде...

Как вы думаете, почему у стареющих портится зрение? Я говорю о дальнозоркости.

Не знаю.

А я знаю. Сказать? Молодость глядит под ноги, в суетность, рассматривая то, что здесь и сейчас... Ну а с возрастом взор обращен вдаль, в небеса... Небо видят все старики. Не жалуются. А под ноги им не надо смотреть – там уже все увидели...

Я не думал об этом, золотко... Возможно... Поделюсь своим наблюдением – *ömür qısaldıqca, vaxt soxalır*.¹ Я хочу сказать, что болезнь – это когда жизнь уменьшается, а время прибавляется. Свободное время, имею в виду. Никогда еще оно так долго не тянулось...

"Ömür qısaldıqca, vaxt soxalır"...

Очередной парадокс от Вагифа Самедоглу.

И так – что ни шаг... Генерирует их, как дышит...

Сохранить аутентичность в условиях всеобщей интеграции, избежать волны глобализма, диктующей свои условия – как, каким образом? Сколько сегодня ломается копий на эту тему! И никто не говорит об аутентичности личности, ее способности, что ли, не "ксерироваться". Общество индивидуумов... Возможно ли такое? Оглядываюсь на мир. Людей нет, одни статусы. Биомеханические роботы вокруг. Пленка ну на всех. Почти. Знаешь, что скажут, еще не войдя, знаешь, что ответят, знаешь, как посмотрят...

А тут... Не стихи, а какое-то духовное сокрушение!

*... Пустой рукав пиджака инвалида
ночью полон...*

*... На сумрачной плоскости стены
угасло окно...*

*...Старуха доит молоко
из мрака вымени коровы...*

*... Молния сверкнула,
как резкий росчерк пера диктатора...*

...Звезды льются на землю из раны ночи...

*...воспоминания мечутся,
оседлав мое одиночество, как коня...*

¹ Жизнь укорачивается, а время прибавляется.

Отсутствие человека в человеке. Впрочем, еще Бодлер говорил о механизации жизни, обездушенности ее...

Нехватка эмпатии как примета дня. Яростная примета...

А тут...

*Когда я умру,
Ни памятника,
Ни надгробья
Не ставьте
На могилу мою.
Поставьте туда пару башмаков,
Пусть разутый обуется и уйдет...*

Вагиф Самедоглу это еще одно из обстоятельств, когда можно сокрушаться об утрате масштаба – и не только творческого...

Не читать вас невозможно. Даже не всегда понимая. А знаете, что меня там поразило больше всего? Унисон дня и ночи, когда – и там, и тут. Насими вспомнился невольно, уже упомянутый. А еще порадовалась за наше время – с него за подобное содрали кожу, а вас... Вы же были депутатом аж двух созывов? Был.

Вот оно: “Если вы не занимаетесь политикой, то это не значит, что политика не занимается вами”. Вагиф муаллим, депутатов либо назначают, либо выбирают – вас, конечно, выбрали...

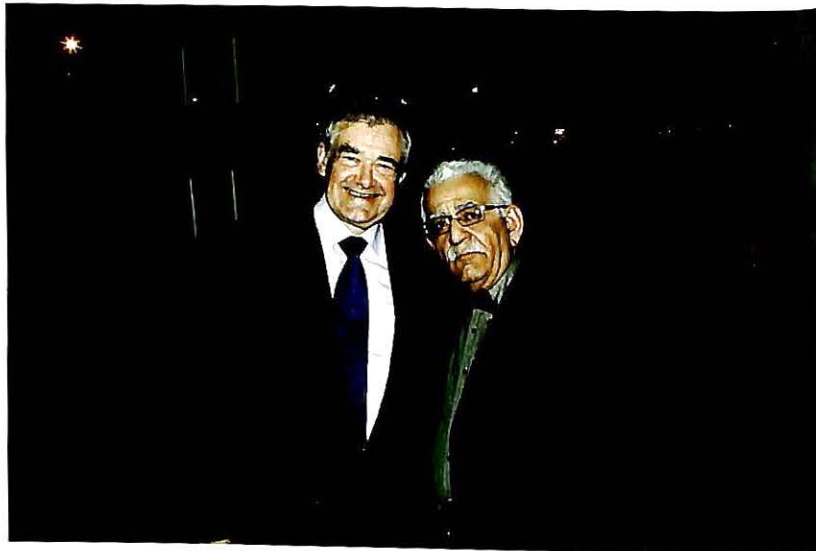
Как раз нет, никто меня не выбирал, – я назначенец. Жена была против, никак не хотела, все боялась, что отдалюсь от творчества...

А как вам сиделось там? Как это можно – наслаждаться сиюминутностью и одновременно думать о вечном? Я говорю о поэтическом освоении жизни в кресле чиновника. Не режет ли оно тебя?

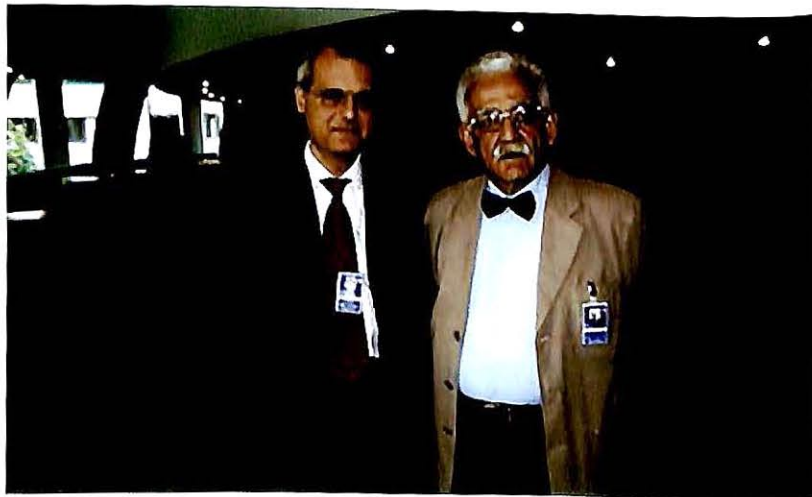
Как сиделось? Вот почти 200 стихотворений напечатала уже (показывает на Нушабу ханум). Будучи депутатом, я там сидел и писал...

Нушаба ханум: Меньше, Вагиф, меньше... Он не только стихи писал, он был очень активен в то время – четырежды ездил в Страсбург делегатом...

С Генеральным секретарем ПАСЕ Терри Девисом. 2003

Вагиф Самедоглу и Маркиз Мартинесс Кассан (Испания). Страсбург, 2002

То есть, можно сидеть в...

Конечно. Притворялся, что внимательно слушаю и – сочинял...

О любви, в парламенте... А творческую потенцию как там сохранить? Знаю случаи, когда “кресло” сжирало ее – многих в свое время так “потеряли”...

Какую еще “потенцию”? О чем вы? Я писал в парламенте стихи о любви. Они там принимали законы, а я в это время...

А как это удавалось?

(С усмешкой). Хм, слушайте, если это удавалось Иоганну Вольфгангу Гете, который, будучи министром в Государственном Совете Германии, написал “Фауста”, неужели азербайджанский депутат не может написать одно непонятное стихотворение?!

Таков он был, его ответ... И не было в аналогии той бравадного замаха, не скорбила она меня...

Он сложный, Вагиф, многофакторный, но и – простой, умеющий стать своим в доску в любой среде. Даже в чужой языковой.

Он умудрялся расположить к себе иностранцев, не владея английским – с десяток слов у него, не больше. Так вот десятка этого оказывалось достаточно, чтобы сходу сделать приверженцем своего мировидения любого напротив...

Импозантность, постижение тебя бездонным взглядом, с лукавинкой улыбка и вот уже – нежелание расставаться с ним.

Артистичный, сочный...

Да, еще рояль в качестве “тяжелой артиллерии”...

Виртуозом рождаются...

Такие люди формируют мировое общественное мнение о стране. Это не громкие слова – будучи членом азербайджанской делегации в ПАСЕ, Вагиф в Страсбурге играл американский джаз, вызвав откровенное удивление у коллег-чужестранцев, которые аплодировали ему стоя! Их понять легко – много ли мы знаем депутатов, способных на подобный “релакс”?

Он встал тогда и ушел – тот, кто сидел до него за роялем...

А депутаты из Англии стали пред ним на колени, услышав его инструментальный экспромт...

Писатели – экс-музыканты... Они реально многое умеют. Анар вон сработал адептом Шопена; после его Тахмины вся страна под-

села на посмертный ноктюрн гениального поляка, ноты, помню, у меня спрашивали... В том числе люди, заметно далекие от музыки. Консерватория много дает, бесспорно. В этом я убедилась, работая в газете, вела там культуру – кто только не нес мне свои “труды”. Графоманы никогда не переводились, оно понятно, тем не менее, музыкантские опусы (не обязательно о музыке) я отличала уже с первой строки! Там мышление яснее и при этом многоуровневее, что ли. Иным инструментарием жизнь берут. Они форму чувствуют лучше. И стиль у них филигранно выверенный. Уже не говорю об эмоциональном ряде, который, впрочем, в узде сбалансированности...

“Разумный инстинкт... Управляемый...”

Да и как оно может быть по-другому, когда человек прошел сквозь горнило судеб Гайдна с Вагнером и Шуманом и, конечно, Космоса по имени Бах...

... Кот мой на балконе мяучит, страдальчески так, будто сдерживается из последних сил... Несусь к нему, сердешному. Воробьи. Они чирикают круг него, взлетают-улетают, а он не может... Нельзя ему за ними – с седьмого-то этажа... Вот и орет с безнадехи...

“Управляемый инстинкт...”

Он у нас есть, оказывается.

Был...

Отрицаемое рано или поздно становится законом? Бывало такое в вашей жизни, что...

Я отрицал?

Да нет. Вообще. “Талант, рожденный Октябрем” – прочла как-то в старенькой газетке. Думала, про меня. Оказалось – про Караева...

Он родился в феврале, пятого...

Тоже пятого...

А кто еще?

Вы.

Ну да... И Хайям...

А еще Рафик Кулиев и я...

Вы о чем-то спросили...

...о том, что проходит какое-то время и все становится-таки на места...

Ну что становится?.. Мы опять начали крутиться... Ну что становится на свое место, когда ни у чего и ни у кого нет места!

Как – нет? Вагиф Мустафазаде стал родоначальником жанра, вы писали в стол, а сегодня я зачитываюсь...

Какая чушь – о Вагифе! “Родоначальник жанра”! Какого жанра?!

Мугам-джаз...

Нет такого для меня! Вранье это! Они думают, что Вагифу делают добро – обсирают человека... “Мугам-джаз”...

Есть такая формулировка...

Нет такого жанра – джаз это джаз, мугам это мугам! Рафик Бабаев раньше Вагифа играл мугамные *халы*,¹ мы все играли на капустниках, на школьных вечерах... “В лесу родилась елка” – в скольких вариациях мы играли...

А как бы он сам назвал то, что создал? Направление...

Да никак он не называл, какое там “направление”! Не думал он об этом. Никогда. Просто играл. Я ж общался с ним... У Рафика Бабаева были какие-то принципы... Рафик перестал играть в силу обстоятельств чистый джаз. Хотя он прекрасно играл американский джаз, прекрасно! А потом уже пошли песни... Не хочу слышать про начальников-родоначальников! Кто это навдумывал?!

Он резко категоричен в отношении всего, что касается боготворимого им джаза.

Вагиф, тот самый, в безответных вопрошаниях, непрестанных, словно перестает быть собой...

Так, когда его пригласили вести телепередачу “Клуб любителей джаза”, одним из условий, им выдвинутых, было: “нельзя говорить о джазе без упоминания Америки – иначе получится пустословие”...

Никаких засорений тут не может быть, такой вот он страж стержильности жанра.

Ну а почему джаз?

Да потому что – без клетки внутри.

Джаз как особое ощущение мира...

¹ Хал – жанрово специфические мелизмы.

Джаз и “джаза”¹. Или “иджаза”²...

“За этой музыкой стоит демократизм” – убежден Самедоглу.

Наверное, он прав. Джаз запрещали Сталин, Гитлер... Неспроста ведь именно джазмены, с их невольным вольным мышлением у нас становились диссидентами, там всегда мерещилась окольная конфронтация, даже если исполнитель о ней в явную и не помышлял. Недаром именно они были мишенью охоты совковой системы – иди знай, какой “экспромт” он там выкинет... Ну а песенно-квадратная форма, с ее припевом-куплетом, не располагает к вольному мыслию, как ни крути...

Джаз как детектор определения свободы в человеке: напрягает, значит, у тебя проблемы с “психотбором”...

... “В Баку уживалось четыре совершенно разных проявления городской жизни, и все запрещенные – мейхана, джаз, блатная музыка и романсы Вертинского...” – вспоминает Вагиф, будто оправдывая эти выверты в себе...

Вагиф, с его с перманентной внутренней импровизацией...

Нисколько не удивилась, узнав, что азербайджанский джаз родился в 1939 году – они ровесники с Самедоглу... А еще он родился в один день с Федерико Гарсиа Лоркой и Микаилом Мушвигом...

“Их расстреляли, обоих, – говорит Вагиф. – Мне повезло...”

Вы пользуетесь компьютером или “бумажным носителем”, так сказать? Залетевшую мысль на чем и чем запечатлеваете?

Карандаш, ластик... Писать ручкой мне тяжело, а с диктофоном я так и не сдружился...

Нехитрый гаджет. “Ластик”... Караев писал партитуру “Тропы”³ в 40-градусных Мардакянах, завернувшись в мокрую простыню, Пушкин со свечой... Бах в чулане... Выходит, для гения комфорт – не первостепенное?

...

Будь у них условия получше, они бы создали гораздо больше? Пушкин, макая гусиное перо в чернила... Правда, в этом были и свои плюсы – он уже видел материализацию своей мысли, мог “пощупать” ее. Мы же... Свет потух – и нет главы “Онегина”,

¹ Сəза – наказание, кара.

² İcazə – разрешение.

³ Речь идет о балете К.Караева “Тропюю грома”.

если, конечно, не запасся юпиэсом. А пока всем этим запасешься, расхочется писать “Онегина” – гонорара за него не хватит на покупку всех этих причиндалов...

(Будто очнувшись). Где – завернутый в простыню? Кто?

Кара Караев.

Ах, да, жарко было, устроил себе “кондиционер” такой... А оркестровал он ее в Киеве, “Тропу”... В 58-м году мы с ним возвращались оттуда в одном вагоне. Тогда я ему не очень понравился, но он был в восторге от Юсифа, от его начитанности... Мы беседовали до утра – две ночи спали в вагоне...

Так вот, отсутствие условий это большой минус для художника? Или это вопреки происходит?

Вряд ли художника нужно воспринимать как изолированный от общества класс. Мы об этом говорили – плохие условия могут создать гения и уголовника...

Что такое быт? По слухам, вы так и не освоили ее – житейскую методику выживания?

У меня никогда не было идеальных условий...

Нушаба ханум: Можно я вмешаюсь? Скажу и ухожу... Вот мы переехали сюда – inciməssən desəm,¹ Вагиф? Здесь у нас три комнаты, одна из них его кабинет. Наконец-то! У него всегда был уголок, а тут – расположился, как хотел... Вроде бы эта его мечта сбылась, но... Ничего он здесь не написал! Вот вам и ответ на ваш вопрос... Удивительно, да? Наоборот – чем хуже условия, тем...

...Два очень больших поэта все лучшее написали на кухне – Пастернак и Назым Хикмет... У меня все еще проще...

А говорят, “писатель должен уйти на погружение”, прервав “контакты с миром”...

Какое “погружение”... Блокнот, коленка, кресло... Черновики не бывает...

Как это? Там ведь и рифма, и...

Это врожденное. Векиловы всегда переписывались стихами...

¹ Не обидишься, если я скажу?

Рихтер С.Т.

Как-то оно соотносится в нем – мир вокруг и...

Или эссе – театральный опыт с рождением стиха...

По одному разряду.

Как вообще поэзия в нем затевается?

“Как я сочиняю стихи? Я слышу гул – гул того стихотворения, которое будет написано, этот гул – музыка стихотворения”...

Он писал это задолго до другого гула – помните его, относительно недавний, исподземный, услышанный в разных точках планеты. А ведь он тоже напоминал музыку – мне он слышался настраиваемым симфоническим оркестром, как бы нестройно разлаженным. И не только мне – сколько отзывов на эту тему, схожих, от людей из разных точек планеты...

“На этот гул настраиваюсь. Тихо-тихо, постепенно приходят слова... Я не хочу сравнивать, ни в коем случае, потому что это явление мировой культуры – музыка Моцарта. Моцарт в течение одной секунды мог услышать музыку всей своей последующей симфонии. Моцарт, я уверен, слышал всё. Потом я это заметил у гениального Святослава Рихтера, когда, например, объявляли: Соната 32 Людвига ван Бетховена. Он выходил на сцену, садился, смотрел на струны рояля и, наверное, минуту, две не начинал играть, было видно – он сыграл эту сонату, он сыграл!”...

Вагиф муаллим...

Джан!

А с кем, кроме музыкантов великих, вам посчастливилось общаться в то время, будучи стажером...

Боже, с кем только я там не общался, с умнейшими людьми! С Васей Беловым, Распутиным, Астафьевым... Сам себе завидую...

Уход Маркеса недавний...

У меня есть более любимый латиноамериканский писатель – тот же Борхес. Маркес для меня, при всей его талантливости, яркости, это все-таки повторение в какой-то степени Фолкнера. Но у Фолкнера все это более глубже, более точнее, менее фантастично...

С годами человек утрачивает отзвук на жизнь, его остроту. А как же тогда поэт...

Нельзя ему... Поэт может взрослеть, но не должен стареть...

А вы стихи пишете? Сейчас...

Нет. Моя душа сейчас как... Кладбище стихов во мне... Их не воскресить...

В каком из веков вам было бы комфортнее?

Ой, в средние века не хотел бы жить. Я бы с удовольствием пожил в годах 20-х – 30-х! Эти новшества – в искусстве, литературе...

Там тоже свои сложности были – годы-то непростые...

Зато какие! Представляете, как интересно было в эти годы в Германии, Англии, во Франции... Не то что жить – просто побывать! Я обожаю одежду, особенно мужскую, того времени...

А что в ней такого было особенного?

(Мечтательно). Оооооооооо, ну что вы?! Костюмы-тройки прекрасные вязаные, шерстяные галстуки...

Спустя несколько дней после нашей встречи Общественное телевидение транслировало запись его беседы двухлетней давности. И вновь удивление – гуру предстал перед нами явно намеренным фатом! Велюровый коричневый костюм, ярко красная бабочка с подтяжками, канареечного цвета сорочка... И зеленоватые, кажется, носки. Мда... Но! Как же все это ему шло! Мысленно передела в такое всех мне известных знакомых – не-а... Так-то вот. Я даже поняла Коко Шанель, с ее – "Мода это я".

Возможно, то была стилизация времени, откуда он "родом".

Вагиф не меняет позиций.

Зато – о чем он говорил! Точнее – не говорил...

Коммуникабельный, чего там. Чуть поодаль как бы – да, безусловно. Инстинктивное отвращение к физическому контакту с толпой – скорее всего. Присутствует некая "титутьность" (не путать со снобизмом). И при этом свой как мало кто.

Говорит о серьезнейших вещах запросто так, как о чем-то само собой разумеющемся. Вагиф, с его природной внутренней отстраненностью от результата...

Без ожидания на отклик...

Моя встреча с ним...

Представляла все примерно так и – совсем не так.

Я засиживалась у него, процесс обрастал реальной конкретикой...

Вагиф муаллим, поведение человека до и после смерти – это два разных поведения.

Не понял...

Ведь что еще интересно – то, что при жизни кажется недопустимым мужланством, после смерти квалифицируется однозначно как "кишилик". Тот же пример хрестоматийный с Бетховеном и Гете – не поздоровался он с ним тогда...

Бетховен... Что-то доминирует он сегодня...

...то есть, выпады за пределы допустимости...

Эшши, какой кишилик – хулиганство это, невоспитанность! Я ведь говорил уже об этом... Уверяю, если бы к вам в гости пришел тот же Сергей Есенин, через полчаса вы бы его выгнали из дома... Мог вдруг высморкаться о скатерть...

А вот Высоцкий...

С Высоцким я всего один раз виделся, они с Мариной Влади пришли после венчания из церкви. В гостинице "Россия" шел кинофестиваль, и мы оказались в одной компании, полусвадебной, где всем испортил настроение Никита Михалков – на минуту он не умолкал. Высоцкий вдруг крикнул на него: Никитушка, здесь кавказцы сидят – Рустам Ибрагимбеков и его друг, дай им тоже слово сказать, мы все знаем, что ты самый умный, самый талантливый, но здесь есть и другие люди... Там еще Марчелло Мastroяни был приглашен...

"Кавказцы"... Высоцкий совсем другое вкладывал значение в это слово, нежели... Я часто думаю о том, что "лица кавказской национальности" – это Магомаев, поющий "Бухенвальдский набат"! Вот оно – что должно было бы стать гимном сегодня! "Берегите мир!" – заклинает "лицо кавказской национальности", кстати, обожествляемое одной шестой суши как минимум... Где она в наши дни – эта звенящая нота, способная тектонически потрясти? Нет ее. Это – Гамзатов с "Журавлями", не было и нет выше образцов...

Тоже хулиган...

Кто?

Гамзатов. Несносным становился, когда выпивал...

Кара Караев

А что, на трезвую голову можно сочинять стихи?

А на какую же еще голову их сочинять?!

Без – влюбиться или напиться?

О чем вы! Выдумки все это, что без алкоголя или наркотиков нет творчества. Под влиянием стимуляторов было создано, быть может, пару процентов – за всю историю мировой культуры. Что-либо стоящее можно создать только на трезвую голову...

Что у нас с вами получается? Луначарский плохой, Бетховен не такой, Фрейд растакой... Как-то в вас это совмещается – любовь к человечеству с... Непостижимая дифференциация. И где оно – хваленое ваше космическое человеколюбие?

Не помню, чтоб давал таких кляत्व...

Если так дальше пойдет, то к концу нашей беседы получится, что... "На трезвую голову"... Но вы ведь сами говорили, что должны были умереть в 35, потому что...

Причем здесь творчество? В снах и стихах я всегда трезвый.

И вновь – мимо.

Ощущение банановой шкурки не покидало меня всю встречу.

Вопрос, содержащий преднамеренную наводку журналиста – курс на банальность своего рода. С ним этот номер не прошел. Как и твое "предвосхищение" его ответа, "подгонка" последнего под...

"Не люблю газетчиков, у которых уже есть свой ответ на собственный вопрос"...

Общение с такими людьми это как своеобразная инвентаризация внутри себя.

И – нет-нет, да и кольнет зависть: с Высоцким... после венчания с Мариной... с Вагифом Мустафазаде... пирожки... мороженое... Марчелло Мастроянни...

В доме у него бывали Расул Рза с Нигяр Рафибейли... Играли на рояле Узеир Гаджибеков, Фикрет Амиров, Сеид Рустамов...

С Караевым два дня в поезде... С тем самым, которого сегодня знают, как станцию метро. А еще знают Гоголя. Вернее, не знают. Так и говорят – "Quql küçəsi"¹ – та, что на пересечении Толстого и Низами. А гугл в свою очередь не знает Караева – переправляет на... "Карасев"...

¹ Улица Гугла.

"Становился несносным"...

А кто – сносный? Вместе с душевным надломом растет и изоляция. Разочарование. Это то, к чему, увы, приходишь...

*Падает на пол ключьями
Некогда прочная парча
Иллюзий...*

*Волочусь мечтаньями,
тащусь чаяньями,
тычусь в пространство
тросточкой Чаплина...*

А кто – не разочаровал?

(После долгой паузы). Если не хочешь потерять человека – не дружи с ним... Есть что-то в этой присказке. Исключений почти нет...

Да и как не разочароваться в нем – человеке? Гуманоид, прилетев, включил телевизор – хочет какое-то представление о собратях по Галактике заиметь. Что он увидит? Стрельбу, пот, прыщи, спазмы кишечника или их отсутствие... Это все? Картинка эта – и есть мы? Ну, целуемся иногда и убиваем – обязательно. Чем больше любим, тем больше убиваем... Да, еще – пятна выводим с ковров и всего, что под руку попадет... Со всего – кроме совести...

Неплохой "репортаж"...

Понравился? Могу продолжить. Вонь изо рта, грибки на ногах, памперсы-прокладки, яйца блох, угри... И вообще, что такое человек я поняла после появления этой самой рекламы. Компромат на человека. Хаос и террор, насилие и войны непрекращающиеся, я говорю не только о новостных сводках, но и...

Жалко гуманоида. Жалко. Сколько времени он должен потратить, чтобы понять, почему это происходит, отчего они так делают, какой в этом смысл...

Поговорим о насущном. Толерантность – где она кончается и начинается растворение нации? Как уловить эту грань...

Валлах, я не знаю, что такое толерантность. Как не знаю – что такое демократия...

Я родилась в одной стране, живу в другой – не выезжая из нее. Это я поняла, заглянув в метрики. Работала по распределению в Азконцерте, который сегодня... мечеть. И который был ею – до меня. Так и шарахаюсь – "от Ивана до Ирана"... и обратно. От елки – к шакербуре...

Ну это расположение у нас такое, специфика геополитики, которая диктует...

Раньше избивали за чадру, нынче же... Сегодня многие девочки терпят побои дома от родителей, которые слышать о ней не хотят – знаю таких. Каких-то 100 лет назад все происходило наоборот. Как вы объясняете это желание опять "уйти в тень"?

Это желание женщины, как ей хочется, пусть так и одевается. Хочет – пусть ходит в ней, не хочет... Но чадра чем опасна? Те, кто ходят в мини, они никому ничего не диктуют, а эти "чадристки" – диктуют! Дай им свободу, они будут заставлять, они будут "мини-юбочниц" избивать, дай только возможность... Вот этим опасна религия, все, что с ней связано. Все с ней связанное рано или поздно приводит к фундаментализму. И не только исламскому, но и христианскому.

Вагиф муаллим, а кто такой космополит?

Это ощущение. Не все возможно сформулировать...

Он не ответил на вопрос. Ушел в свои мысли, забыв обо мне... Я нашла ответ в его книгах.

Был бы 23-й год.

И был бы я в Чикаго.

Сидел бы в кафе,

Курил бы трубку.

И обязательно играли бы там свинг.

Играли бы

На коричневом ненастроенном рояле.

Играл бы я сам, конечно,

И к тому же был бы негром...

“Был бы негром”...

Впервые встречаюсь с такой мечтой.

Расплывчатое “гражданин мира” вырисовывалось в нечто почти понятное... В этом весь Вагиф; конкретное в нем расплывается, туманное – очерчивается...

“Был бы я в Чикаго”...

Вне пресловутой “гордости” – быть членом стаи того или иного рода-племени. Выше этого. И при этом – благодарность Всевышнему за то, что родился именно здесь, на этой благословенной земле!

Запись из дневника:

“Много стран на свете, всех не перечесть, Азербайджан – один. Ах, как это безбожно плохо. Было бы два Азербайджана, я бы эмигрировал во второй. А потом... обратно...”

Такое вот резюме “негра из Чикаго”. Резюме-признание. В любви. Он не голословен, Вагиф. Вожденное забугорье – это не его. Да и находясь вне родины, он не “покидает” ее:

“Плыл над Москвой тягучий азан снега”...

А недавно, будучи в Турции, случайно узнал о том, что ему нужна операция на сердце. Срочная. “Едем домой!” – заключил Вагиф, невзирая на уговоры вокруг отшунтироваться в Анкаре. “Только дома!” Его прооперировали в Баку – слава нашей кардиохирургии!

... Шопен вспомнился в этой связи. Не напрасно вспомнился – такая вот “сердечная” ассоциация... Сердце композитора, “певца фортепиано”, как известно, хранится на родине, в Варшаве, в костеле Святого Петра. Так он завещал...

Вагиф всю жизнь обожествлял Шопена, он был кумиром его юности...

Космополит...

*...Если бы родила меня мать
на Маркизских островах,
нарекла бы, наверное, меня –
Хемао...*

“Мечтаю о том, чтоб приснилось мне так называемое русское захолустье. Провинция чеховских рассказов, пьес с домами, обедами, дождем, с той тоской, которую сейчас я могу назвать уютной”...

Это тоже Вагиф. Дано, дано ему это проникновение в иные культурные пласты, спектр их...

Вчувствование – на органолептическом, что ли, уровне...

А интернационализм – он был? Невымысленный...

Был, конечно... Наверное, это и была та самая толерантность, о которой вы спросили. Просто люди не задумывались над этим...

Война и культура. Фильм “Мимино” вспоминается первым – помню, мы все ходили в кинотеатры, выстаивали очереди... И когда Мкртчян нахваливал “армянскую” долму – все ухахатывались и не думали ни про происхождение блюда, ни об его прихватизации. Вместе готовили, вместе ели. Не так ведь и давно вроде это было... Сегодня же соседи наши, этнично-неэтичные, с чужим дудуком...

Какая глупость... Трагедию двух народов низвели до уровня долмы и “Sarı gəlín”! Фактически перед глазами происходит трагедия армянского народа... Этот их национализм, который уже приводит к нарушениям психики... Страшно это... как любая необратимость...

Вагиф муаллим, жить – в полный голос или, сливаясь с эпохой, прилаживаться...

Ну не все гоняются за славой...

Нынче – все. Сколько сегодня их, таких “директоров свежего воздуха”...

Не всегда так было. Загляните в историю – бывало, что даже убегали от нее, славы, ее “почетных” доказательств...

Бывало. Брамс, помнится, отказался от премии, Чехов... А Перельман? “Я знаю, как управлять Вселенной. И скажите, зачем мне бежать за миллионом?!” Это ваша компания, безусловно...

Вы одобряете Перельмана?

Может, ему хорошо, в нищете...

Может, и хорошо, но... Посвятить всю жизнь решению одной задачи!

Вам, с вашей “непоследовательностью”, этого не понять...

Да ведь он фактически как математик больше ничего не сделал, Перельман! И его противопоставляют чуть ли не Ландау, чуть ли

¹ Азербайджанская народная песня.

не Нильсу Бору, настоящим ученым, которые столько для науки сделали! Тому же Сахарову... Не понимаю этого – как можно прожить ради одной задачи... “За премией не съездил”... Ему нравятся супы в пакетах...

А Фоменко, гениальный режиссер, который отказался от всех благ цивилизации, жил в лесу, не знал мобильного телефона. А еще Фишер, помните, шахматист, скажем так, “полу-дервиш”... Время от времени они своим эпатажем...

Александр Грич, писатель, который смастерил лук для охоты...

Грич? Да ладно...

Да нет, Грин, я оговорился. А с Гричом Сашей мы встретились недавно в Иерусалиме. Через сорок лет – представляете? Очень трогательно было... Он меня сначала не узнал... А Грин – да, избрал лук и стрелы, добывал пищу, чтобы не умереть с голоду – его же запрещали печатать по вашей как раз мотивировке: “Вы не сливаетесь с эпохой”... А властвовать не все любят, это правда...

Что такое гений? Кто такой, точнее. Это тот, кто, имея в наличии известные неудобства, располагает огромным числом преимуществ, главное из которых – вождеденное изгойство.

“Властвовать не все любят”...

Не все. Монтескье, к примеру, оставил пост президента парламента, он стал его тяготить...

Кстати, у него же есть удивительный – в точку! – афоризм: “Счастлив народ, история которого скучна”. И сказал он это так давно, когда войн-то было раз-два и обчелся... Уже не говоря про революции – цветные и разные...

“История... скучна”. В отношении Азербайджана это сильно мимо. Карабах как последнее тому подтверждение...

*“Zəngəzürdə düşən var?”*¹ – вздрогнула как-то в автобусе от объявления водителя... Оказывается, “Шадлыг эви” так называется.

Вспомнились слова Самедоглу, сказанные им в одном из интервью:

“Пройдет время, и дети сегодняшних беженцев не будут знать Карабаха, рваться туда. Ну кто сегодня вспоминает Зангезур?..”

¹ Есть сходящие в Зангезуре?

Было это лет 10 назад, быть может, и показалось мне тогда несколько преувеличенным...

Но прошло время и... А ведь правда – как можно печалиться о Шуше, которую никогда не видел?.. Не стоял в молочном тумане на вершине горы, вдыхая головокружительный в цветении аромат чабреца, усеявшего ее склон...

Не стоял – обнявшись с облаком...

Скорей бы взяли свои земли...

И Лачин не ассоциировался с плачем...

У нас есть Завтра? Мир, что трясется и стреляет...

Я не знаю, какое Завтра вы имеете в виду – политическое, геополитическое, или же Завтра в смысле времени. Последнее – не моя прерогатива, а того, кто создал Время. Или же – иллюзию времени...

Его величество Случай, как правило, непременно соседствует с успехом...

Нет таких правил...

Но в вашем случае рождение не где-нибудь, а в семье Самеда... И все же ваш отец и вы видели разный мир... Шаумян-шоумен, большевик-боевик, наркомат-наркоман, Арастун – “Аристон”... При всей схожести – разный...

Вы знаете, в связи с отцом у меня совершенно четкие представления, я бы даже сказал, – *сыновье-родительская* политика. Я сразу осознал и всегда говорил, что Самед Вургун не Вагиф Самедоглу, а Вагиф Самедоглу не Самед Вургун. Он прожил свою судьбу, я доживаю свою. Мы разные с ним. Разные люди. Да, генетически я что-то от него взял – быть может, по языку, может, по стихосложению что-то перешло ко мне, но мы – совершенно разные... Правда, я так же, как он, не запоминаю своих стихов – помню пять или шесть, не больше...

В продолжение генетической темы, а это правда, что родители всего лишь мешок для вынашивания ребенка – просто попал он туда именно в этот миг... Расхожая сегодня теория, в доводы которой приводят рождение трезвенника у алкоголика и едва ли не монаха у безбожника. Да и потом, на иных детях

гения природа не то чтобы отдохнула – она прямо-таки впала в летаргический сон...

Ой, как я боюсь однозначных оценок! Во всем!

Ну ведь вы пишете: "Я родил себя, как родила меня мать..."

Ну и что с того? Я могу назвать тысячи случаев, когда у алкоголиков рождались алкоголики, у безбожника – безбожники. Как боюсь этой однозначности! Как легко жить тем, кто точно знает...

Ну так ведь я пришла за однозначным ответом...

К кому?!

К вам! В своей "турбулентности" я ищу хоть какие-то оплоты, вы же утопили меня окончательно... А то, что вы с Самедом разные... Рамиз Ровшан как-то заметил: "Я не знаю второго такого сына, столь любящего своего отца, и при этом столь на него непохожего"...

Мне иногда кажется, что я и Рамиз Ровшан – один и тот же автор. То, что я не написал, написал он, и наоборот. Мы с ним – одна страница в азербайджанской литературе...

Продолжаете удивлять. Талантливые люди, как правило, не испытывают друг к другу особой приязни, и это мягко сказано. Уж так повелось. Сезанн не любил Ван Гога, Лист Рубинштейна, Шкловский Булгакова... А Есенин избил Пастернака... Или наоборот. Если ж перенестись в реалии наши... Я к тому что, врач может похвалить певца или художника, но чтоб поэт поэта...

Ой, Ната, я всю эту историю с интригами между нашими лучше, чем вы знаю, лучше чем все... Потому что я все это видел. Кроме того, что это заложено в природе художника – ревность, это еще поощрялось государством. Вызывали в ЦК Кара Караева, где ему говорили, что "музыка Фикрета Амирова дальше Баладжаров не поедет, а тебя вся Европа слушает". На следующий день вызывали Фикрета – "кто ее понимает, музыку Караева, а твою любит народ". А потом вызывали Ниязи: "да кто они такие – ты из них сделал композиторов!" То же самое Самеду Вургуну говорили: "Rəsul Rza nədir? Azərbaycan şeirini bilmir, dilini bilmir"... Rəsula deyirdilər ki, "Səməd Vurğun – çobandır... aşıqdır"¹... Это все поощ-

¹ "Кто такой Расул Рза? Не знает азербайджанской поэзии, языка"... Расулу говорили – "Самед Вургун – чобан... ашуг".

рялось... Господи боже мой, – каждый месяц это повторялось... Лишь бы посеять раздор... Травили друг на друга, о другом не думали, не думали о народе... Культивировалось это...

Ваша дружба с Анаром... Любовь коллег одной весовой категории друг к другу – чем вы это объясняете? Одинаковым стартом?

Один старт столь глубокие корни не пустит... Вековые корни...

Знаете, меня ведь он к вам послал – я б еще лет сто собиралась. А он вызвал меня – "Пойди к другу моему Вагифу, юбилей у него. Сделай книгу – у тебя получится, вот увидишь"...

Так вот оно что – *sənim ona qurban!*¹...

А потом был Съезд писателей, на котором его премировали, и на котором его не было... Пришел намного позднее – плохо себя чувствовал... Встреченный бурей аплодисментов, Вагиф...

"*Gör nə günə qaldım – Çingiz Abdullayev mənə kömək edir*"² – шуточно сетовал он, тяжело поднимаясь на трибуну с помощью всемирно известного мастера детектива Ч. Абдуллаева, вскочившего его поддержать. И добавил: "*fiziki cəhətdən*"³...

Это развеселило всех, а больше всех Чингиза.

А еще рассмешило – "*Bu andırı hara qoyum?*"⁴ Это он про трость свою, не знал, куда ее прислонить, пока будет говорить. Ту самую, видать, которой он...

...тычусь в пространство
тросточкой Чаплина...

"Те, кто призывает – *dağıdaq Soyuzu*⁵... – начал он, тяжело переводя дыхание. – Мне в Германии, во Франции, в Британии... лорды потомственные мне говорили, что вы счастливые, у вас есть Союз писателей, субсидируемый государством, есть свой дом. Зачем же его рушить?! А ведь как мы его отстаивали! С каким трудом – в начале 90-х...

¹ Идиома, выражающая искреннюю признательность.

² До чего же я дожил, Чингиз Абдуллаев мне оказывает помощь.

³ Физическую.

⁴ Куда бы деть эту штуковину?

⁵ Разогнать Союз.

Помню, позвонил Юсиф: “У тебя есть ружье? Бери его – и в Союз!”

Как выяснилось, накануне мэр привел сюда посла Великобритании, показать ему это здание, которое он был готов отдать под посольство. Причина? Здесь есть любимые англичанами каминьы...

“Возьми винтовку – отдают наше здание! Будем защищаться!” Шесть патронов взял...

“У меня есть пистолет, – буду отстреливаться, последнюю пулю – себе!”

Миф? “Все правда, я был при этом разговоре с Юсифом”, – подтвердил сказанное Чингиз Абдуллаев.

Анар позвонил Гейдару Алиеву, который, выслушав, в чем дело, рассмеялся: “Ты верни оружие – здание мы никому не дадим”...

И вопрос был тут же решен – его оставили за писателями. Более того, государство взяло их под свое крыло!

Я буду голосовать не только за Анара, отнюдь. Я отдам свой голос за это историческое здание... Отдаю голос своей молодости, своим воспоминаниям... За кабинет отца, в который я, будучи мальчишкой, приносил ему какие-то документы, бумажки... Он вечно что-то забывал дома... Звонил мне – и я бегом носил... Там прошло мое детство, в этом здании. Я буду голосовать за Союз! Заклинаю своим больным здоровьем, и, пользуясь некоторыми полномочиями... Поймите, кроме Анара никто не сможет сегодня его возглавлять! Верьте мне... То здание жаждут заполучить, купив за сотни тысяч долларов... Нет у меня документов, не могу представить, к сожалению, но я знаю, точно знаю – очень многие зарятся на него. Давайте же сэкономим этот дом, чтобы потом – *dizimizə vurmaıaq*!...

От Анара единственное жду: пусть он хранит мое детство, мои юношеские воспоминания. Больше мне от него ничего не надо...

Я возглавляю Союз старейшин Союза писателей. Здесь по 7-8 часов идут дискуссии на тему литературы, бытия... Я один там присутствую, потому что все остальные умерли...”

Только Вагиф может так оживить зал, рассказав о... грустном.

“Здоровье – вот главное благо жизни!

Çox əclaf şeydi xəstəlik. Ancaq bilin ki – Vaqif rakdan qorxan oğlanlardan deyil”²...

¹ Не бить себя по коленям.

² Подлая штука – болезнь. Но знайте – Вагиф не из тех парней, кто сдается раку.

С Анаром в Милли Меджлисе

Слева направо: Фикрет Годжа, Азер Мустафазаде, Анар, Вагиф Самедоглу, Расим Оджагов, Чингиз Абдуллаев

...А спустя несколько дней я прочла о том, что Анар де “заставил больного Самедоглу прийти и выступить в защиту себя”... На одном из сайтов прочла. Это-то Вагифа – заставить! И потом, надо было *видеть и слышать* его то выступление – он словно молился... чтобы понять...

Чтобы понять – насколько низок порой человек...

“Травили друг на друга...” “Лишь бы посеять раздор...”

“Мир, попавший в сеть человеческих интриг и не могуший вырваться из нее”...

Афоризм Вагифа, местно-уместный... Как всегда.

“Я ухожу, поэт, но ты живи...”

Память выдала однозначно считываемый сигнал! Это слова тяжело больного Узейбека Самеду Вургуну, в растерянности стоящему на коленях у его постели...

Из воспоминаний Айбениз ханум – сестры Вагифа...

Быстроменяющийся город. Баку сегодня великолепен! Обожаю показывать его друзьям-иностранцам – ухоженный, теплый вне сезона, чистый. Один француз недавно позавидовал – вот бы Париж так вычистили! Все так, но... Настоящее стирает-таки следы твоего... Неизбежно стирает...

У меня нет ностальгии по Баку. А архитектура... Крепостная стена – вот что потрясает! По-прежнему! Ничто не превзошло ее по сей день... А ностальгия по прошлому моему. По тому географическому ареалу, где прошли детство, отрочество, молодость... Причем тут Париж... У меня ностальгия – по морю...

Как? Вы ведь с ним не расстаетесь...

Моя любовь к морю – как возвращение на родину. С чужбины. Мы ведь все вышли из него, из моря. Всё живое... Радуюсь каждый раз, когда... Там слышишь – тишину... Тишину начала...

А отчего так шумно стало вокруг? Где они – тихие, вникающие... А книгоманы... Ощущение такое, будто умерли...

Давайте будем надеяться, что это не так.

Но ведь невежество, будучи явлением безрегиональным... Книжная апатия...

Я бы не сказал. Число книгоманов уменьшилось в Азербайджане, а в России, например, бум книжный сегодня – самый настоящий. В Европе достаточно много читают сейчас. Книга пока не умрет...

Вы упомянули Россию, не могу не спросить, в свете последних событий. Зачем люди воюют? Ситуация в Украине...

Что для меня Россия? Россия для меня – самая совестливая литература мира и самая бессовестная политика! Вот что такое Россия. Вот он – парадокс российский! Самую совестливую литературу создали русские и... Хорошо я сказал, а?

Это вы сейчас придумали?

Полвека назад.

Вагиф муаллим, что такое интеграция?

(Непонимающе). Куда?

И вновь обрыв.

Вагиф Самедоглу, с его множеством протестов внутри, и – способность жить в синхроне...

Ты всегда живешь в мире, который сам выстроил для себя, а не в том, что для тебя построили другие. Вот почему все мы живем в разном мире... Или – мирах...

Вагиф, уверяющий, что писатели не боятся одиночества, что оно “дается поэту, как самое большое полномочие”, что “это твоя рабочая комната, и что “в это одиночество сам Бог не должен вмешиваться”, и вдруг:

“Чувствую себя заброшенной дачей. Кончилось лето, уехали дачники, умолкли голоса. Остался гул моря, ветер остался... и я – заброшенный дачный дом со сломанной оконной рамой...”

И вновь – двойные стандарты...

“В течение дня бывают такие минуты, когда хочу поставить себе памятник. Но наступает момент, когда хочу разрушить этот памятник. Иногда хочется прожить 200 лет, а иногда думаю, почему не убил себя в 30 лет...”

Хочу уйти, но вновь спешу обратно,

Жизнь сузилась до комнаты теперь.

Куда бежать и где искать мне выход?

Захлопнулась меж мной и миром дверь.

Но свет дрожащей лампы этой старой

Теньями полнит тесное жилье.

И слово “жизнь” из строк моих изымет

Господь – и молвит строго: “Не твое”.

Меценатство, оно же спонсорство. Ну почти. Сеид Шушинский, целый год выплачивающий из своего кармана стипендии студентам консерватории... Да, зарабатывал на свадьбах, но – кто ж сегодня там не зарабатывает? Или другой пример – Саттар Бахлулзаде, содержащий детский дом в одном кубинском селе... Ходил в заношенном плаще и при этом... Куда подевались эти порывы? Их так мало сегодня...

Это ложь – насчет Саттара, никакого детского дома он не содержал. Что касается Сеида Шушинского, он сделал себе деньги не на свадьбах, а... Хорошее наследство получил от отца, вот и... А то, что он студентам помогал материально, это правда.

Ну мало ли кто получает наследство. И кто ж из них...

Очень добрым человеком был... Божьим...

Старость...

У Вагифа своя на нее точка зрения, скорее ироничная, нежели...

Очень близкая к той, что он озвучил в день своего 70-летия словами другого великого устада Шушинского – Хана.

“Однажды, когда я был очень молодым, встретил на улице легендарного, уже пожилого ханенде. А когда я подошел к нему, поздоровался и спросил: как дела, он дал неожиданный ответ: “Подлость лучше старости”...”

“Даже твоя собственная память становится против тебя”, – говорит Вагиф.

А на вопрос – “что наша жизнь?” отвечает:

“Путь – из тьмы во тьму. Из мрака материнского чрева во мрак Небытия... Посредине – дорожка. Идешь по ней, кто со стихами, кто с музыкой, кто с политикой... Я же – со стихами, музыкой и немножко политикой... Идешь, идешь, а по обе стороны пути – вопросы... По левую сторону, по правую”...

Свое, выстраданное объяснение – всему и всего на свете.

“Человек стареет от тяжести вопросов, на которые нет ответов” – считает Самедоглу.

Такой вот вклад в геронтологию.

“Изначально поэту жизнь дана, как бесконечная пустыня, мы – одинокие путники”.

И тут же выходит на неожиданную аналогию:

“Ты один и я один” – говорит он, сочувственно, обращаясь к Богу.

Или же:

“Порой повторяюсь. Повтор – это значит, что чувства вновь ожили. Значит, я не состарился. Значит, не изменился...”

“Повтор... чувства ожили... ты один и я один...”

После него ощущение, что до встречи ходил вверх ногами...

Мистика... Уж слишком явно она порой присутствует в нашей жизни, чтоб быть игнорируемой. Наблюдениями такого рода не поделитесь? Какие-то необъяснимости – когда вне твоего сознания...

Встречался с какими-то ее элементами... Может, мне казалось, что это мистично... Может, для кого-то это чистая вода, дистиллированная... Какие-то элементы – как краска...

А как вы относитесь к астрологии – этим предсказаниям фатально-натальным? Зодиак, звезды, цифры и прочий “стартовый капитал”...

Никак не отношусь. Я не поэт-лирик...

Что до нумерологии, которую он “не признает”...

“У меня есть нелюбимые и одна любимая цифра. Нелюбимые – 50 и 63. Столько лет прожили отец и старший брат. Любимая – 87. Мамы не стало в этом возрасте. Я тоже хочу столько лет просуществовать”...

Что до предсказаний...

“Куда попаду? Точно знаю куда. Ya cənnətin ən isti yerinə, ya da səhənnətin ən sərin¹... Все эс, не такой ведь я и плохой человек...”

Так Вагиф “осваивает” следующую уже, очередную жизнь (ну а в том, что он их прожил не одну, у меня не оставалось никаких сомнений – зараз столько не постигнешь). Ощущение, будто переезжает куда-то – со своим ценностным “чемоданом”...

“Управлять” разговором было нереально.

Он рвался то и дело, повиснув ключьями...

Неловкости не возникало.

Возникало желание – не уходить...

¹ Либо в самое теплое место рая, либо – в прохладу ада.

Давайте поговорим о женщинах, меня просто не поймут, если я не спрошу вас об этом. К слову, в этой части ваша репутация далеко не айс – говорят, студентки консерватории прям вешались на учителя музыки – понимаю, это не совсем комфортный вопрос для вас...

“Вешались” имеет два смысла...

На шею вешались. “О любви больше пишут поэты, которых женщины не очень-то жалуют” – пишете вы. Это на самом деле так или...

На самом.

А, ну теперь понятно, почему вы “не лирик”... Вагиф муаллим, мужчина бывает женат, а бывает – женоват...

...

А вообще женщина – кто она? Взбодринка или что-то большее? С вашей-то высоты...

Смотря какая...

Считается, что любовь это безотказный способ заставить человека отречься от своего “я”. Если же говорить о вас...

Любовь – это самое удобное поле для вранья. Себе, остальным... Идеальная площадка – выходи и ври сколько душе угодно... Но бывает, что...

Он не договорил, а просто взглянул на Нушабу ханум.
Я все поняла.

*Если б мог –
Осушил все моря
Вселенной,
чтоб не видеть,
как Каспий смыл твои следы...*

Я не стала углубляться в эту тему, выпытывая у него... Все и так было понятно. А может, испугалась очередного его просительного ответа? Что он мог мне сказать о...

Да и возможно ли это – объяснить, убедить?

Оказалось – возможно! Он ответил мне на мой тот незаданный вопрос. Неожиданно – под занавес своего юбилейного вечера, проходящего в Театре Аздрамы, спустя полмесяца. Причем ответил утвердительно – как никогда!

“...*Çox qəribədir, 75 yaşına çatasan, xərcəng tapasan və İsraildə aqrıkəsicilərin təsirindən oyanıb, gözləri sənə zillənən həyat yoldaşını görəndə “sevgilim” sözünün mənasını anlayasan*”...¹

Его слова утонули в грохоте овации аншлагового зала...

“...*Özün də utanma, sən Vaqif Səmədoğlunun həyat yoldaşısan... Nüşabə, sevgilim, bilirəm, mənim ölməyimi istəmirsən... heç mən də istəmirəm*...”²

“Это ж надо было – прожить целых 75 лет, чтоб понять...” – не раз скажет он про нее на том самом вечере, ему посвященном, на котором он больше отсутствовал, нежели... Просто выходил покурить – минут на 20 и больше...

Не столь важно было ему все это, по-видимому, хотя и трогательно от души благодарил за организацию...

... А спустя еще несколько дней его... короновали.

Да-да, одновременно с испанским королем – в тот же день...

“... Под руководством Общественного объединения “Евразийский институт международных исследований”, при поддержке Общественного объединения “Aşıq Şəmşir Mədəniyyət Ocağı”³ и Международного Евразийского пресс-фонда в рамках проекта “Azərbaycandan Türk Dünyasına könlü körpüsü”⁴ 20 известных поэтов, писателей и филологов из Азербайджана, Турции и Ирака побывали в квартире народного поэта Вагифа Самедоглу... Присутствующие вручили поэту почетную корону в знак уважения к личности поэта и к его творчеству...”

Так он стал королем, а она – королевой...

¹ Невероятно, но надо было дожить до 75 лет, заболеть онкологией, очнуться в израильской клинике после обезболивающего, увидеть устремленные на тебя глаза жены – и только тогда понять смысл слова “любимая”...

² И не надо стесняться, Нушаба, любимая. Ты – жена Вагифа Самедоглу. Знаю, не хочешь, чтобы я умер... да я ведь тоже – не хочу...

³ “Очаг культуры Ашуга Шамшира”.

⁴ “Мост души - от Азербайджана до Тюркского мира”.

У вас есть повторяющиеся сны?
(Затаенным шепотом). Есть!!!

Расскажите...
 Не смогу...

Вагиф муаллим, что останется в Вечности – от вас? Какая строчка...

“Я здесь, Господи...” Это сегодня я говорю, и могила моя это будет говорить... “Боже, я здесь...” “Мән burdayam, İlahi...”¹
 Вот эта строчка всегда останется со мной...

Я спросила его о внуках. Знала, что их у него четыре, и все с загадочными именами.

Библейское Марьям...

Лунное Айла...

Благоухающее Ясмин...

Похожее на розыгрыш... Элизабет Тейлор...

Да-да – один в один! Удивление там – куда ни ступи...

¹ Я здесь, Господи...

Он не ответил, просто посмотрел на вошедшую в комнату Айлу. Взглядом, в котором было всё! Ну как его опишешь – так смотрят на Восход...

Таким он получился – разговор “с рваными краями”.
 Без швов.
 Или не получился...

“Я устал”...

Последние его слова на моем диктофоне...

"Я – не тот человек, которого знают..."

...От "пробы пера" начинающего поэта до "последнего из могокан" проходит всего лишь жизнь. Крошечная такая...

Я не стала спрашивать его о ее смысле – какой смысл искать его в том, что не имеет смысла?

Мир, неразделенный на белое и черное... Вопрос не в ладу с ответом...

Есть у него афоризм о мечтаниях, в которых можешь пропасть, затерявшись...

Будто про меня... О моей ситуации в контексте написания этой книги. Да, я заблудилась – в нем, себе, своей и всехней жизнях...

Жизнях, с их бездумными радостями, безудержной безоглядкой, бессмысленным смыслом... Ну и под финиш смерть – с последующим предьявлением счета...

Единственное, что осталось во мне – острое желание докопаться до резона нашего существования:

ЗАЧЕМ!!!

...А вечер, с ним проведенный, не забудется никогда. Размеренная речь его, мэтра пера, и на ее фоне уютный хохоток Нушабы ханум...

"*Не уходи*", – просил он ее всякий раз, завидев, что она намерена отлучиться – чай заварить или ответить на телефонный звонок... Она реагировала на каждую его шутку *так*, будто ждала ее всю жизнь... Порой упреждая ее, знала, что Вагиф – это тот, кто смешит всех и всегда... И он не подводил!

Она искала – и находила! – поводы для этого, умело разряжая обстановку, делая ее утепленно домашней.

"...Пока есть одна женщина – есть любовь" ...

...А еще красавица Айла, внучка-обаяшка, с огромными бархатными глазами, в которых – недетское понимание момента, его остроты, и предельная ее к нему сопричастность...

Он, “Гагуш”, как она его нарекла, еще будучи крохой, прямо светился при каждом ее появлении. Айла – та самая, кто, по уверениям деда, “пишет постмодернистские стихи”...

К слову, внучки у него все одаренные получились, как на подбор. Ясмин, например, уже сочиняет маленькие рассказы...

“Держит дистанцию”...

Мне казалось, что меня тут ждали и давно знали – до того радушно...

“Вагиф муаллим...”, упирившееся в его славное, с хрипотцой “джан”... Именно так всякий раз выглядело мое к нему обращение. Чисто азербайджанская тепlinka в голосе... Сладко так прихлывает от нее, нет такой нигде в мире, сколько ни ищи... Будто летишь с немыслимой высоты, а он, улыбочивый, стоит внизу в ожидании, раскинув спасательный батут...

Он угощал меня сладостями со стола. “Нельзя мне...”

А он: “Ну и что? Мне тоже – нельзя. А я ем...”

“Джан”... – эта приветная волна в твой адрес... И мне наконец понравилось мое имя, через предложение... Впервые понравилось, в его сокращенной версии, до того проникновенно произносил.

А еще – “солнышко...”

Все это импонирующе составило Впечатление того дня.

С его интеллигентски бережным отношением другу к другу, немыслимостью утратить...

Пространством без разделения – на своих и чужих...

Дом его – место стыковки всех стихий. Место аккумуляции энергии – с четырех сторон! Такое случается у моря, даже если просто посидел на берегу. Я ощущала ее, как ощутила присутствие некоей мудрости, которая шепчет из всех углов – точнее, кричит – о многом. В том числе о том, что *они больше – не придут...*

Под конец, не выдержав, взяла его за руку. Поддержала, прислушалась. Хотелось проникнуться пульсацией – вургуновской...

Я постаралась максимально сохранить все сказанное им в тот вечер, даже то, что вроде и ни о чем. Сохранила, потому что у Самедоглу не бывает неважного – ну нет в нем ничего второстепенного. “Ничто не похоже на просто пустяк” – вспомнилось из старой песни... Да и вообще – он, “пустяк” вершит наши судьбы, вынося

вердикт... Не верите? Пойдите в гости к Самедоглу, послушайте доподлинную историю про то, как он родился, – не чихни врач в ту минуту, очень для Вагифа важную, и его бы – не было! Да-да, мама его, принявшая решение избавиться от принявшего решение прийти на свет второго сына, не дождавшись повторного, “счастливого” чиха врача, передумала, значит, и...

Оставив врача с носом, а нас – с великим поэтом...

Мы недооцениваем его, пустяк...

Сюжеты ухода из жизни всегда разные. Я знала об этом. Но оказалось, что и прихода – тоже...

...Прослушивая запись диктофонной ленты, уже дома, поняла, что временами “брала” интервью сама у себя. Ну неумолчно тарыхчу! Клянусь себя за нетерпение и бестактность. А что же еще оставалось, как было разговорить человека, который...

*Сидит рядом с тобой и смотрит туда, где тебе ничего не видно.
Взгляд из полутьмы храма...*

Иной раз его “ответы”, трехточковые, несли нежелательный “стоп-кадр” в беседе, которого я страшилась больше всего. Дыры, что образовались в процессе, нужно было чем-то заполнять...

Но, слава Богу, их было немного. Так или иначе, но мне порой приходилось “включаться” на полную мощь. Вот почему так много меня там...

Бывало, что задав вопрос и прождав с минуту ответа, начинала выдавать собственные варианты, боясь показаться не на уровне... А он лишь неспеша продумывал ответ, оттого и молчал! Вот уж чего точно себе не прошу...

Лента диктофона – как бесстрастный обвинитель. Ну как я могла! А он не перебивал, в силу деликатности своей врожденной...

Непростой она выдалась, встреча, после нее я пролежала двое суток ничком...

Оставалось лишь выпотрошить диктофон...

И, тем не менее, в нем осталось то, что не перенесешь – ни на какие “носители”...

В нем запечатлен тот день – с его Небом за окном и неповторимым Героем Дня...

А солнышко... Оно прорезывалось сквозь тучи. Лучиками, веселыми такими... Чуть реже обычного, быть может...

А попадания в ходе беседы случались. С Паганини, например. Не знала я, что у него с ним – любовь... Или с Диогеном...

У меня оставались вопросы, на которые он “ответил” позже – стихами. Из своих сборников.

Научите, как быть в плюсе? Предположим, человек прожил крайне неудачную жизнь по причине неверно предпринятых шагов. Дай ему шанс родиться вновь и делай он все наоборот – и будет ему счастье?

*Длинной дорогой
Или короткой идти –
Все равно – любую
Собьешься пути...*

Неужто вне боли стихи не рождаются?

*Поэту нужны страдания,
Как мельнице – ветер...*

Искренность, предельная искренность вообще и в интервью в частности – это, по-вашему, правильно?

*Я – не тот человек,
которого знают,
затерявшись в словах
ненаписанных
стихов...*

Да вот же они, ответы на твои вопросы!

Протяни руку к полке и...

“Ищите меня в моих стихах”...

В принципе, на интервью можно было бы и не ходить...

“Я по синему диплому...”

Странная беседа получилась, с музыкальным уклоном. Хотя и не ставила подобной цели.

Просто ассоциация с ним у меня почему-то... *оркестровая.*

Многопалитровая, всеобъемлюще зависающая над миром...

Я не стала спрашивать его о том, как сильно потеряли бы его стихи в ощущениях, не будь ее, Музыки, в его жизни. Все было

ясно и так. Музыкальный он весь, и творчество его пропитано музыкой, даже когда не о ней пишет.

*Бессонницы мучительный мугам
в сопровождении музыки...*

*Жизнь похожа на саксофон –
сама крива, а звук – прекрасен...*

*Жить в миноре,
умереть
в мажоре,
как
творение Баха...*

*Может, мне навзрыд расплакаться,
А тебе громко рассмеяться?
И тогда в лад зазвучит
Симфония жизни?*

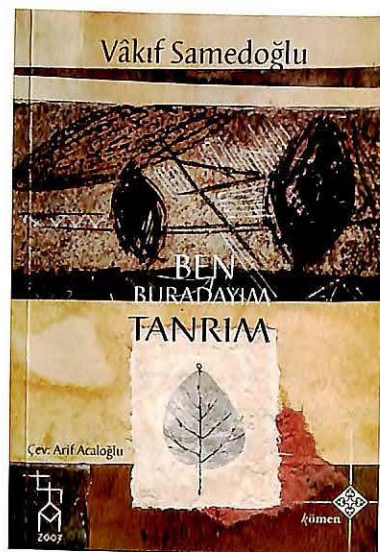
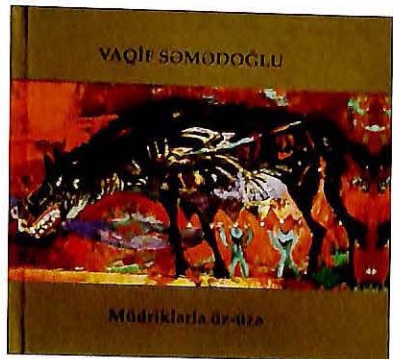
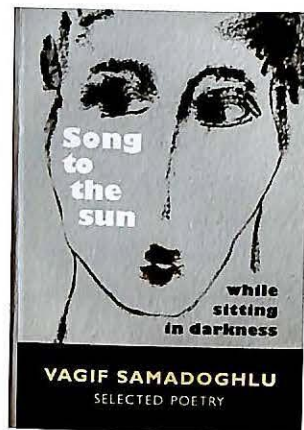
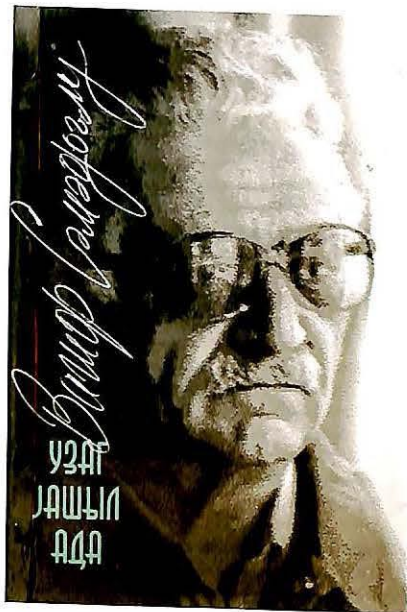
*На черном моем рояле
серая-серая пыль.
Вчера твое имя на ней написал,
с севера,
с юга
имя твое оглядел.
Имя твое
солнцем светило,
в тени укрывалось,
но было со мной...*

Так вот запросто повязать ленточкой – воедино – юг и север, пыль и вечность...

И любовь...

И все – в контексте рояля.

*Рояль – как фон жизни.
И смерти...*

“Я – не тот человек, которого знают...”

*А у порога распоротой ночи,
разжигенной тьмы
вздыбился Сфинксом – рояль...*

Он все сказал.
Перечитала и поняла – вроде как альтернативная автобиография.
Что ж тут удивляться, что с музыкальным креном он получился,
мой опус...

Словесная партитура Самедоглу.

...“Səsim gəlir?”¹ – спросит он чуть ослабевшим голосом,
обращаясь в зал театра, во время своего юбилейного чествования.
– “Hələ bir müddət gələcək...”²

*Не как поэт,
А как стихи, я умереть желаю,
Живу мечтой и чаем
быть до конца читаемым.
Хочу остаться в чьей-то памяти
Назубок знаемым.
Безумно обожаемым...
Не как поэт,
а как стихи –
Незабываемым...*

“Səsim gəlir?...”

Самый большой друг – книга. Правильно говорят.
В смысле верный друг – проложи закладку на какой-то странице,
вернись к ней через сколько-то лет, а она, страница, все ждет...

*Закладки в книжках Вагифа...
Их число растет с каждым днем...
И расти будет...*

¹ Меня слышно?

² Еще какое-то время будет слышно.

*Nə yaxşı oyaq idim
Sən yuxuta gələndə...*

*Когда хочу увидеть рай,
Закрываю глаза.
Когда хочу увидеть ад,
Открываю...*

*Света лунного
желтый канат
в воды моря упал.
Тот канат
на шею намотав,
я повесить хочу себя,
из-под ног оттолкнув прочь
шар земной...*

*... Нарушить молчание вечности
почти невозможно...*

*Burda artıq yer tuturam,
Eşiyə qoyun məni.
Ölsəm, dostlar, tabuta yox,
Beşiyə qoyun məni...*

*... годы одиночества
и темень каркающей
птицы...*

*Беременный мир
Всегда рождает
войны...*

*...на стенах моей жизни
сегодня вновь висит петля
вместо двери...*

*...Этот мир писать стихи
мне сегодня мешает...*

*...Знаю, что нет уж дорог,
Не исхоженных взором страдания...*

*Sən mənim
doğma anamsan, Azadlıq,
məni sənin
yad qarısında böyümüş balan...*

*Раскрой глаза – и оглядись,
как много дальше на земле!*

*...Упасть ничком на песчаный берег,
Не ведать совсем ничего о мире...*

*... Дорог не счесть,
коротких, дальних,
Какая разница тебе,
в какой дороге заплутать?..*

*Народов – тьма.
Наречий – тьма.
Какая разница тебе,
На языке каком молчать?..*

... Gəl. qızım, gəl
nağil danışım sənə.
Biri vardı,
biri yoxdu, qızım.
Bir nağil vardı,
Uşaqlar ondan xəbərsiz...

Слышишь!
Хотя как тебе услышать...
Разлукой
в два года
семь месяцев
заложены уши наши.

Да еще и дождь этот...

... bir gün pillələrlə
güclə enəcək aşağı bu şeirlər,
bir kəs qolundan tutmayacaq
bu şeirlərin...

Внизу,
в черноте земли
Легким остовом костяным
Белеет рука,
написавшая это письмо...

Yoxdur doğma aylar, illər,
Qürbət vaxtı içindəyəm...

Когда умру –
Не закрывайте балкона.
Мальчик ест апельсин,
Я это вижу с балкона.
Жнец срезает колосья,
Я это слышу с балкона.
Когда умру –
Не закрывайте балкона...

Əzab lazımdır mənə
Dəyirmanə külək kimi...

...только в бессонную ночь,
когда на небе беснуются молнии,
можно крепко-крепко обнять себя,
закрыв глаза...

Kimin var, Ulu Tanrı,
məndən savayı bu dünyada,
kimin var Səndən başqa
bu aləmdə mənim?

Ömrümün divarında
bu gün yenə
kəndir dayanıb
qarı yerinə...

...Одну дал мне жизнь, сотворив поэтом,
С болью и горечью нестерпимой...

İlahi,
Yatağın nə sağında
Nə solunda,
Nə bir gözəlin qolunda
Yatmaq istəmirəm.

İlahi,
Nə söyüd kölgəsində,
Nə dünyanın ən azad ölkəsində
Yatmaq istəmirəm.

İlahi,
Dar quyu dibində,
Qaranlıq nəm içində,
İşıqlı qəm içində,
Ağrısız
Bir az yatmaq istəyirəm...

...Господи, чьи облака проплыли?
Зачем пролетела та птица мимо?

...Я – твой сон,
Проснешься – я тотчас умру.

Я – дорога твоя,
Споткнешься – я тотчас умру.

В сон чужой
вкрадешься – я тотчас умру...

Nəhənq
dəmir darvaza tək
şəffaf balıq
dayanmışdı aramızda...

Bütün dinlər
Allahın deyil,
Allaha yalvaran
dilənçi dilidir...

Allah, nə var, nə yox?
Məndən nə xəbər var?..

Ни камня не поднял,
Ни коня не оседлал.
Ни одного стороннего,
Да и себя самого
Человеком, свободным не смог сделать...
Явился, чтобы посмотреть на мир...

Bu dünya,
bu Yer kürəsi
göylərə açılmış
bir dilənçi əlidir...

Когда ты умер, сколько было лет тебе?
Может, еще не родился?..

İnsanda inam yoxdur
çiçəkdə olduğu qədər,
vaxtında açılıb,
vaxtında solmaq,
inamla, Allahla dolmaq
və hər yerdə, hər zaman özü olmaq...

...Знаешь,
дороги, ведущие к надеждам,
уже перекрыты неуложенными заборами
недостроенных тюрем...

...Мамины ночи – с тревогами вьюжными,
Мамины дни – с руками опущенными...

...Блеснула молния,
прошел дождь.
Умылось, обновилось небо,
дышится свободно.

Но от этой молнии
где-то полыхнуло дерево, ветка,
а на ветке гнездышко сгорело,
оборвалась песня певчей птицы.

Еще один мир угас...
...Падаю с хребта
неоседланного мира...

...все скрипят-поскрипывают во мне
Протезы надежды...

...Allah,
Özüm gəlim,
Ya kimisə göndərəcəksən?..

...Ölüm gəlir,
Ömür, sonun mübarək!

...В ушах – вой ветра,
В глазах – пыль от песка.
Справа – ослепший колодец...

Bu dünya
görüş yerimizmiş
həyat dediyimizlə.

Bu dünya
Allahla ayrılıq nöqtəsi,
inamın yuxudan əvvəl
nağıla çevrilən gecəsiymiş.

Ayrılıqdan ayrılmayacağımız
yolayıcı imiş bu dünya.

Bu dünya
şeytanların həbsxanası,
mələklərin sürgün yeriyimiş...

“Я – не тот человек, которого знают...”

“... Не знаю, с чего начать...”

...А вы любите море?..

... Нет...”

Море... Вагиф... Чувствуешь себя потерянным рядом с ними...

... Мы встретились с ним – два бывших пианиста, не любящих (или не умеющих) преподавать...

Грустно и смешно...

По дороге домой я больше не искала их, “совпадений”, которые лишь отдаляли...

Меня одолевал сумбурный поток образов, их осколочная толчея, их непрерывность...

...Консерватория за спиной... родились 5 числа... хаос на столе...

Вооруженная сим нехилым “арсеналом”... Как же я просчиталась! И все мои “созвучности” – они как бы... смелись. Будто гигантским обдувом...

“Попугаев развожу”...

Уходила пристыженная, обжегшая, как плеть хлыста, мысль о том, что... Смешная самонадеянность, выискивание “доказательной базы”, жалкие потуги “соответствовать”...

Я уходила от него – к нему в

Бесконечность...

Время...

Пространство...

Вчера...

Сегодня и

Завтра...

В благотворность покаяния...

Честно выпотрошила диктофон – до словечка, до вздоха...

Там ничего не осталось... Кроме...

Неожиданно услышала тиканье часов, зафиксированных лентой. Будто включенный механизм... Странно, что там, с ним, я его не слышала...

Взглянула на часы, над письменным своим столом...

Нам ведь только кажется, что это **МЫ ИХ** заводим...

“Я – не тот человек, которого знают...”

“Я здесь, Господи...”

Показалось,

что он ответил

не мне...

Автопортрет.
1968

**Song
to
the
sun**

**while
sitting
in darkness**

VAGIF SAMADOGLU

SELECTED POETRY

*"Я внес вклад
в развитие
американской
литературы..."*

Я названивала ему, осведомляясь о нем у супруги, невыносимо хотелось продолжения...

"... А у Вагифа книжка вышла в Америке, на английском... Но он как-то без энтузиазма встретил ее издание. Я радуюсь больше, за двоих"...

...А потом состоялась презентация того самого сборника стихов.

Думаю, встреча та не забудется тем, кому довелось побывать на ней – презентация без вычура и эпатажа, громких заявлений и "геройств дня". Он, герой, сбивал подобные попытки, будто шелчком, не давая им приблизиться к себе, нетерпеливо отмахиваясь от этой горы патетического сора, которым, как правило, засыпают виновников такого рода торжества.

Я даже посочувствовала в какой-то момент Рафаэлю Гусейнову, виртуозно проведшему встречу. Надо отдать ему должное – непросто было это сделать со столь неординарным "корифеем", не каждый день достается такой юбиляр.

Не было у него *таких*. Да и вряд ли будут...

Самедоглу был верен себе...

А начал он не очень пафосно, как-то не совсем подходяще сообщив, в частности, о том, что...

"У меня бывает дискомфорт в желудке, и в это время я должен выкурить сигарету, за что извиняюсь, – я знаю, что в музее не курят".

Нестандартно так начал "выступление", неожиданно.

“Мне израильские врачи сказали – кури, когда дискомфорт, 75 лет тебе – когда умрешь, тогда умрешь... Dönpə-dönpə üzgü istəyirəm siqaret çəkdiyimə görə¹”...

Вот так вот, будто важнее этого ничего не было в тот вечер...

Перевод его стихов на английский, несомненно, большое событие в культурной жизни страны. Было много сказано о вкладе Самедоглу в азербайджанскую литературу, о его роли и значении в ней.

Вагиф же пребывал в своем амплуа – будто и не про него все это.

И вновь – находясь в изрядном запределе, и при этом как мало кто в материале! Последнее он подтверждал на протяжении всего вечера, отпуская свои реплики, всегда уместные и разом ставящие все на места.

С ним мир перестает быть заповедным. В чем я убедилась еще раз.

“И был бы я в Чикаго...”

У него это не расходится, в смысле слово с делом. Даже на повседневном, скажем так, уровне. Так Бетти Блэйер, главного редактора журнала Azerbaijan International, явившейся инициатором издания презентуемого сборника, он называет не иначе как... *эмигызы*,² чем ужасно веселит ее...

“Əmiqiziya minnətdaram”³...

Ну где она еще такое увидит или услышит!

...и в лесу человека убивают,

Боже!

Пред глазами

стольких деревьев!..

Строки эти Вагифа буквально сразили госпожу Блэйер, по ее признанию...

“Существует мнение, будто бы миру все дала Америка. Это не так. Я вырастил для Америки поэта. Бетти уверяет, что после меня начала писать стихи, – так я внес вклад в развитие американской литературы...”

Он говорил все это, взяв Бетти под руку, и я вдруг поняла, что это такое – Гражданин мира...

В иллюстрациях Самедоглу...

¹ Еще и еще раз простите, что курю.

² Əmiqizi – традиционное обращение, двоюродная сестра, кузина. Дословно – дочь дяди.

³ Я благодарен двоюродной сестре.

С Бетти Блэйер

Она и впрямь по-родственному прониклась к нему. Как-то притащила к ним домой мешок с лекарствами – “они натуральные, без химии”...

А он между тем продолжал “искажать” нашу жизнь. Выкорчевывая устаканившееся когда-то...

Рассказал, что видел Сталина, что очень удивился тому, что...

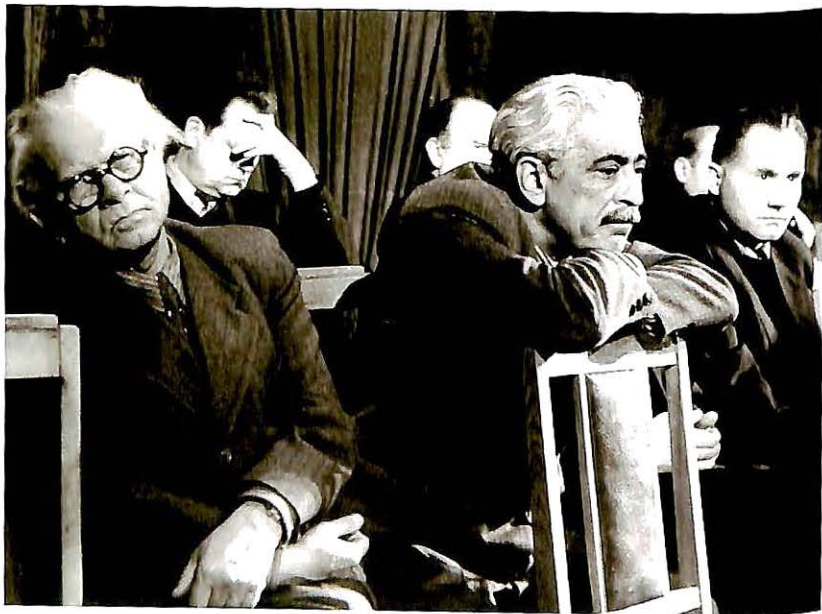
“Я думал, что Сталин огромный, что он в наши Qoşa qala qarisi¹ не пройдет, не стукнувшись головой, а он, оказывается, маленький был... В Кремлевском дворце его видел, в Георгиевском зале, на празднике елки, в январе... Борис Андреев, актер, был Дедом Морозом... Мне было 11 лет, я танцевал вальс с девочкой-чешкой, у нее галстук был синего цвета... В это время другая девочка, немка, закричала: “Сталин пришел!” Я обернулся, увидел его – маленький! Он был в белой военной форме...”

“Многих классиков я называл “дядя”... Фадеев, Илья Эренбург...”

А еще не удержался от...

“Ну кто может в Азербайджане похвастать, что пил с Пастернаком? Не понимаю, кому пришло в голову налить мне тогда, мальчишке, – наверно в то время уже у меня на лице было написано...”

¹ Главные (двойные) ворота, или центральные, их называют еще воротами шаха Аббаса. Во времена его правления они находились во внешней крепостной стене.

Мэтр сыпал шутками, припоминая смешные истории из своей жизни, поражая памятью на обилие мельчайших деталей и обнаруживая невероятную наблюдательность – ну ничто не прошло мимо!

“Самая яркая страница моей жизни – Московская консерватория... Представьте себе – идешь по коридорам и знаешь, что по ним ходили Чайковский, Рахманинов...”

Он рассказывал о жизни в ее порой ужасающих проявлениях, но при этом как-то уморительно забавно. Что уж говорить о случаях действительно курьезных, которых ему богато так перепало.

Кого-то он напоминал мне... Ну да, он похож на Ганди...

Не успела подумать, как услышала о том, что его часто принимали за главу какого-то из государств.

Например, за...

“Простите, вы Махмуд Аббас?” – спросила его, обознавшись, в Страсбурге журналистка ОРТ.

“Совсем наоборот”, – ответил он, показав на значок Кнессета, который ему незадолго до этого прикрепили на грудь израильские депутаты – он там у них едва ли не национальный герой...

Самолично убедилась: прознав о том, что готовлю книгу о нем, они мне на почту потоком присылали благодарные письма, полные клятв в любви – к нему... Они изберут его, Самедоглу, членом Израильского Союза писателей. Чуть позже...

Такой вот он феномен мультикультурализма...

... Вагиф вспоминал и вспоминал, давая урок отношения к жизни – как к несерьезу...

И вдруг:

“Для меня сейчас 75 лет – самый малый возраст... Хочу творить, работать... Хочу еще пожить, чтобы подольше слышать голос Нушабы ханум, видеть ее...”

А еще поведал о том, как...

“Самеду сообщили, что вышел Указ по Гобустану – о его ликвидации. Самед позвонил Мирзе Ибрагимову, который был Председателем Президиума Верховного Совета Азербайджана, чтобы поехать на его машине – государственная машина, ее не останавливали. Еще был представитель прокуратуры – мы сели в ЗИМ, большой такой, серый, и поехали в Гобустан. Увидев, как бульдозер кромсает скалы, стирая с лица земли уникальные древние изображения... Скалы им были нужны как материал для постройки дома военным... 50-60 скал искромсали – это было ужасно! Там еще был трактор-пила... Отец сказал прокурору: “Дай мне пистолет!” Вышли из машины. Отец уже целился в бульдозериста, когда, в последний момент, прокурор отвел его руку в небо! К счастью... Так спасали Гобустан...”

С братом Юсифом

Он продолжал делиться сокровенным, вспоминая давно минувшее, но оттого не утратившее боль. Торопился поделиться – во что бы то ни стало.

Юсиф, Вагиф... Разные они, дети Самеда... Но любители пострелять – все трое. И не только на охоте. Это у них, видать, наследственное... Родовая черта. Девятилетнему Вагифу подарил Самед ружье. Охотничье. Ружье и фотоаппарат. С тех пор он с ними не расставался...

Вагиф вспоминал... О том, например, как в этом вот музее проходило обсуждение портрета Низами – каким он был на самом деле? Зейнал Халил заметил тогда, что все представленные портреты изображали очень красивого мужчину, а он, может, обычным на внешность был? “Отец поддержал его тогда, сказав, – а что, если он был похож на самого Зейнала, оба ведь гянджисцы...”

Что до “ненависти” между людьми искусства, непременно “неизбежной”... Он опрокинул и эту “догму”, наглядно так. На этой самой презентации своей сходу опроверг доводы ведущего относительно его, Вагифа Самедоглу, первенства в сегодняшней песенной поэзии: “Вы как самый-самый из ныне здравствующих...”

“Нет, – протестующим жестом пресек он, – первым был Фикрет Годжа”.

Я даже не припомню такого вот коллегияльного, что ли, пietetства, сколько ни силюсь... Хотя нет... Анар рассказывал, как Расул отозвался о В. Самедоглу, совсем еще юном: “*Vaqif yaman bərk gəlir, gərək özümü yığışdıram*”¹...

“...Пойди к Вагифу, моему другу, напиши о нем, юбилей у него”...

Услышалось...

Самедоглу было у кого наследовать, что наследовать...

Слово один за другим брали его друзья – актеры Фуад Поладов и Фахраддин Манафов, поэты Фикрет Годжа и Рамиз Ровшан, режиссер Рамиз Гасаноглу, композитор Фаиг Суджадинов... Лучшие из лучших... И все они говорили о роли, которую сыграл в их жизни фактор Вагифа Самедоглу.

Он не площадный поэт. Поэт кельи. Беседа с высшими энергиями – вот его стихия, редко кто достигает такого уровня “диалога”...

И прав стократ Анар, утверждающий, что *“стихи Вагифа – посланные нам Богом молитвы”*...

Вагиф, стоящий за трибуной, в этом убеждал. Еле слышным шепотом он говорил так, что не слушать его было *нереально*.

¹ Вагиф очень мощно идет, надо бы подвинуться.

“...Я бывал во многих странах, в очень многих, но так и не встретил ни одного чуждого дерева... Ни одна река не шумела “по-другому”, ни одна “инородная” кошка не мяукнула так, чтобы я ее не узнал, ни одной птицы голос не показался мне незнакомым... Как и плач ребенка – все дети на Земле плачут одинаково... И лишь, когда они начинают говорить, выясняется, что цвет кожи у них разный, что кто-то из них христианин, а кто-то мусульманин, да и языки у всех разные... Вот когда начинаются “знаки различия”...”

Он сообщал простые вроде вещи, но...

Нет границ между странами, религиями, расами...

Граница одна – между жизнью и смертью.

И этот “критерий” остался во мне навсегда.

“...Величие смерти в том, чтоб прийти сюда с вопросами, противостоять им ответами, а затем вновь уйти – все с теми же вопросами... Уходишь, опустошенный, и какой-то... успокоенный. Обнадеженный тем, что ты не одинок был в своих поисках – никто так ничего и не нашел в этой жизни”...

Он говорил о страшном, после чего, однако, внезапно легчало. Непонятно так, хотя по логике должно бы напрягать. Без накачки негативом. Будто глубоко вздохнул, избавившись от тисков. Он словно адаптировал зал к неясному будущему, делая щадящим переход... неизбежно предстоящий... словно бежал чуть впереди всех и показывал – где ров, где гора, а где разломы с оползнем...

Что-то роднило его с проповедником...

И мне вдруг отворился смысл эпитафии “Все пройдет”...

“...Уходишь... успокоенный...”

С ним многое теряет свою незыблемость.

“Нельзя объять необъятное, постичь непостижимое...” – одно из них...

“...Я много чего могу сказать вам, но рак запер на замок меня изнутри... Не дает говорить, писать... Но он не может помешать мне думать и желать... Желать и желать всем вам...”

“...Я не знаю – смерть близко или далеко, не знаю, холодная она или... Я не боюсь смерти, верьте в мою искренность, – да и как я могу бояться того, чего не знаю? Если на меня кинется бешеная собака, я испугаюсь... Если на меня набросится голодный тигр, – ужаснусь, я знаю, что это опасно... А как я могу бояться смерти?.. И того мира не боюсь. Я не знаю, сколько там языков, один всего или, как здесь, – тысячи... Не знаю, расстояния в чем там измеряются, какова мера веса... Есть ли там любовь... Хотя было бы неплохо, чтоб все же была... Я ничего о нем не знаю, тамошнем мире”...

Все это он говорил стоя – не захотел сидя, хотя ему наперебой предлагали... Непременно стоя. Слишком значимым был для него этот его “мессаж”...

“...Но я бы хотел лет через 50 встретиться там с Нушабой, чтоб сказать ей, что я ее люблю... Я был неплохим мужем... Хорошо зарабатывал – мои песни звучали повсюду, я от них получал “зарплату министра”...

“... *Xatirələr elə bil qəddarlaşır...*¹ Ожесточаются с каждым днем. Не знаю, с возрастом это связано или болезнью... Все хочу вспомнить что-то светлое, как выползает совсем другое... Из-под земли будто, головой змеи... И вот эти ожесточающиеся воспоминания, прибывающие вопросы, умолкнувшие ответы... Мучают они меня, терзают...”

То был не то отчет, не то рапорт... Некое подведение итогов или исповедь...

Он был весь – в сказанном... Смотрел чисто так, промытым взглядом... Говорил будто всем нутром своим, до просматриваемого донышка...

Давно я не видела такой нефальши...

Исповедь-мозаика... Осколки заключений переполненного человека, желавшего одарить тех, кто...

Он сыпал ими, детски щедро, боясь чего-то утаить, не добавить...

А еще пригласил всех на... халву... Буднично так, как на давно разумеющееся. Вибрируя все в том же пульсе – межмирья...

“... Я не боюсь умирать, траурные церемонии нынче подешевели – халва, сахар, чай... Всех вас приглашаю, *göziim üstə yeriniz var*”;² – говорил он оторопевшим зрителям; подобного “*dəvətnamə*”;³ да еще сделанного в столь официальной обстановке, в их жизни точно не было! Пришли на обычную презентацию, а попали... Круто попали, не зная смеяться им или плакать. Так и сидели, не определившись с мимикой, а я поняла, что это такое – трагикофарс.

“Не боюсь...”

Чем эгоистичнее человек, тем более его страшит проблема личного небытия. И наоборот.

“Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность”.

Иммануил Кант знал что говорил, про кого говорил...

¹ Воспоминания - они становятся безжалостными.

² Идиома, выражающая высшую степень гостеприимства.

³ Приглашение на торжественное мероприятие.

Вновь найдя глазами жену, Вагиф обратился к ней:

“Nişabə, qara niyə geyinmişən?”¹

Присоветовал: “Mən öləndə geyərsən bunu”²...

А потом он выразил желание... поразмяться на рояле.

“Я не чувствую своих пальцев... попробую...”

Усевшись за инструмент:

“...Pedal hamı?”³ – донеслось со сцены...

Вопрос этот – ни о чем – и то, что он выдал минутой спустя, долго еще не сомкнутся в голове... Уверена, не только моей. Все так вот играючи у него – живет играючи и даже играет...

Уже первое прикосновение к клавишам сказало всё!

То было касание поэта, трепетно-острожное, народного поэта Азербайджана Вагифа Самедоглу, демонстрирующего редкостное природное туше, а заодно и эхо великолепной пианистической школы, которую он сберег, пронеся через всю жизнь! Трудно верилось в то, что человек много месяцев не подходил к инструменту по причине...

Вагиф играл, как в последний раз...

“Это был свинг”, – пояснил он для несведущих под гром аплодисментов.

И мне открылось сакраментальное – помирать, так с музыкой...

Черный рояль мой, черный рояль.

Грезы мои радужные и печаль...⁴

Жизнь как чересполосица клавиш...

Такой вот он – рояльный (не путать с лояльный).

Да и пришел в поэзию через музыку – европейскую классическую и американский джаз – случай, как мне думается, беспрецедентный, и не только у нас...

Рафаэль муаллим тем временем восхищенно свидетельствовал о том, как в парижском Hilton стоя аплодировали маэстро, очевидцем чего ему довелось стать! Не была там, не знаю, но видела и слышала, как он музицировал на презентации в Музее Низами...

¹ Почему ты в темном платье, Нушаба?

² Когда умру, наденешь его.

³ Где педаль?

⁴ Из поэмы В.Самедоглу “Рояль”.

Джасовый экспромт, выданный экспромтом...

Я очень пожалела, что не было там никого из наших местных звезд. Поозиралась, не заметила никого. Хотя, звезды “местными” не бывают. И инициатива Azerbaijan International в том еще раз убеждала...

Вагифу, судя по всему, и самому понравилось собственное выступление, что он и не думал скрывать.

“Var da, var,¹ – довольный, приговаривал он, проходя к своему месту. – İnsanın gərək qabında olsun²... И – задиристо: Хорошо сказал, а?”

Он все говорил и говорил, и не мог наобцаться с теми, кто пришел к нему на его праздник.

Делегируя при этом какой-то особенный покой, миротворческий...

Быть может, так уходили античные старцы...

А мы слушали его не без завидинки – сумеем ли вот так вот... когда-нибудь... Ведь уйдем, непременно уйдем. Можно не прийти, но не уйти – невозможно...

Никогда еще смерть не была так притягательна...

“Смертью как опытом поделиться невозможно” – уверял когда-то Оден.

Если б ему довелось присутствовать на американской презентации Самедоглу, он бы не был столь категоричен...

Умирать было почти упоительно...

“Говорят, у тех, кто тонет, вдруг в один миг проходит вся жизнь перед глазами... – неожиданно вспомнилось мне начало нашей с ним беседы. – Такого со мной не случилось, я не могу это подтвердить, но...”

¹ Есть да, есть...

² С этим надо прийти.

Отец...

Гобустан...

Низами...

Пастернак...

Московская

консерватория...

джаз...

любовь...

А еще Сталин, который “маленький был”...

Да вот же они, акценты Вагифа!

Такая себе “квинтэссенция” Самедоглу...

Точки отправные, важные стоянки судьбы...

Фрагменты жизненного орнамента, некие обломки...

Обломки, которые... выстроили! В единый монолит.

Монолит духовности.

Невыстроенность вечера внезапно обрела логическую стройность – как же отлажен он все-таки изнутри, как последователен в своих постижениях!

“Что бы ни случилось в жизни, в конце останется одна поэзия” – вспомнились слова Пабло Неруды.

Я бы добавила – и музыка...

Музыкант-поэт-драматург...

Этот его универализм меня переставал удивлять с каждой минутой нахождения в музее.

Разглядывая портреты, вывешенные вдоль стен зала, вдруг поняла, что он, Вагиф Самедоглу, в... русле традиции – как мало кто! И никакой он не “исключенец” – великие сыны Азербайджана, начиная со средних веков, всегда были универсалами. Насреддин Туси, Низами Гянджеви, Мухаммед Физули – да кого ни возьми, никто из них не замыкался в своей сфере, захватывая в орбиту своих интересов математику с космологией, этику с медициной и минералогией, да еще и логику с теорией музыки...

И я впервые задумалась о расхожем “поэт-мыслитель”.

Галактической его сути...

Да и вообще, как это возможно – поэт, который не мыслит...

Вот и Вагиф – нормальный гений, чего там...

Под занавес встречи, как водится, он раздавал автографы – надписывал свои книжки...

Его облепили со всех сторон, фотографировались, обращались с вопросами, благодарили...

Пробиться мне к нему так и не удалось...

Но я не огорчилась.

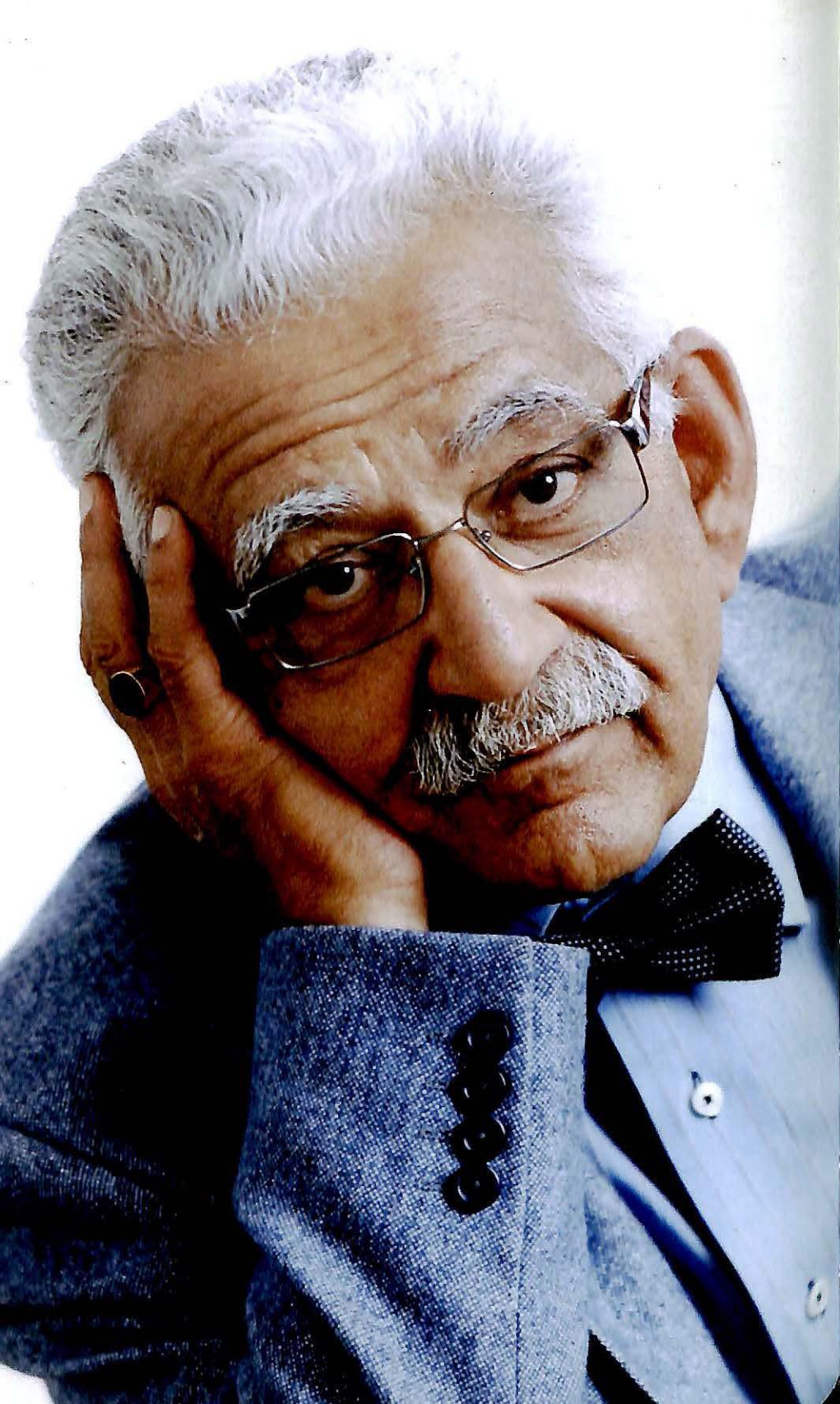
Стояла и смотрела издали...

“Боль временна, триумф вечен”...

Смотрела и –

видела...

"А скажите, уважаемый Лирик..." или В сетях Самедоглу

В названии этой главы нет переносного смысла. Речь идет о сетевом общении Вагифа.

"Есть художники, в творческий портрет которых входит не только список созданных ими произведений, но и что-то еще, чему и названия не подберешь. Некая надтворческая составляющая, некий шарм, который при упоминании имени становится доминирующим в возникновении образа..."

Этими словами начиналась моя книжка о Вагифе.

Ниже приведенная выборка – неоспоримое тому доказательство. Общение с теми, кто попал в сети Самедоглу, его искрометной мудрости. Так и пишут:

"Мое почтение Вашему творчеству... но честно Вам скажу, Ваше интервью меня затягивает еще больше"...

О чем только его не спрашивают! К нему тянутся за... Да за чем угодно тянутся. Дано ему – нормализовывать человека.

... "Уважаемый Vagif bəy"! (сказать "уважаемый" – это ничего не сказать, в это слово я вкладываю всю свою симпатию, любовь и глубокое уважение перед настоящим азербайджанским интеллигентом, корифеем, но не окаменевшим, а живым, веселым и очень молодым сердцем и душой). Читать Ваше интервью одно удовольствие... Чувство уюта и широкая улыбка "преследовали" меня"...

... "Мой славный, добрый и горячо любимый əzizim² Лирик!!! Такой вот Солнечный и светлый"...

¹ Вагиф бек.

² Дорогой.

...Поэт должен быть поэтом. Это в первую очередь. Но у каждого поэта и судьба, и его личные интересы складываются по-разному. Для меня нет единственно приемлемого понятия Поэт. Байрон поехал в Грецию воевать против турок, а Гете стал государственным министром. И тот, и другой настоящие поэты. Мицкевич дружил с Пушкиным. Один боролся против Российской Империи, а другой в некоторых стихах своих воспевал русский империализм. То же самое у нас. Был и бунтарь Насими, был и придворный поэт Низами. Шах - Хатаи, визирь - Вагиф. А Сабир прожил свою бунтарскую жизнь спокойно, и ни разу не был подвергнут репрессиям. Таких примеров - уйма, подтверждающих то, что понятие Поэт невозможно втиснуть в рамки даже самого красивого изречения, вроде “поэт в России больше чем поэт”. Другое дело, что народ, в том числе наш, желает видеть поэта либо на трибуне, либо на виселице. Не надо уж слишком преувеличивать значение поэта. Другое дело, это мое глубочайшее убеждение, настоящий поэт всегда должен находиться в Оппозиции. Но не к властям, это уже актуальность, а к Мирозданию и даже к Богу...

...Человек всю свою жизнь живет Сегодня. И вчера, и завтра я буду жить Сегодня. И буду им так же недоволен, как мучился им же Демокрит...

...Наверное, подробности о том, как я пишу, вы узнаете из воспоминаний моей жены. Но, заранее зная, что жена - азербайджанка, в отличие от француженки, будет приукрашивать все, что связано со мной, даже забудет, как я, в резиновых сапогах, пьяным с охоты домой являлся, кое-что скажу сам. Я, как и любой писатель, перед тем, как что-то написать, непременно должен создать соответствующую обстановку. И это зависит от того, что я собираюсь писать. Если стихи, то за письменный стол не сажусь, а устраиваюсь в удобное кресло, блокнот на колени, и карандашом - вперед, жалея себя, проклиная эпоху, в которой живу, мечтая героически погибнуть, а не умереть, скажем, от геморроя... Над пьесами работаю за письменным столом. Пишу чернильными авторучками, курю трубку. С трубкой во рту таким важным себя чувствуешь, что писать без иронии к своим персонажам уже не получается. Ирония здесь - необходима. Любовь к своим героям может появляться, но она губительна для драматурга, если перехлестывает через край. И обязательно, когда пишу, перед глазами должен стоять

мой эталонный читатель и такой же зритель. А не белая стена, как у Высоцкого, по которой ползают зеленые чертики. Удивительно писал мой отец. Он никогда не садился за письменный стол в домашнем одеянии. Шел перед этим в парикмахерскую, брился, надевал чистую рубашку, галстук, облачался в парадный костюм и писал до утра. Во время войны, помню как сейчас, папа писал в военной форме полковника-политрука советской армии... Иначе не мог...

... В творческой жизни лучше застой, чем перестройка...

...Фильмы по книгам нужны, ведь не многие читают. Уверен, “Войну и мир”, читали сотни тысяч людей, а фильмы по этому роману смотрели сотни миллионов. Мне тоже роднее книга, я могу с нею общаться, остановить ее во времени. А фильм ускользает, убегает... Это вроде как фото и видео. В кино и видео за нас уже кто-то подумал, что-то придумал, а с одной фотографией я могу разговаривать годами. Как и с книгой...

... С нашим языком на ТВ, за редкими исключениями, плохо. Я это называю геноцидом, без всяких преувеличений. Говорят быстро, без знаков препинания, отбросив в сторону музыку речи. В 80% современных песен изуродована ритмика языка, система ударений. Поэтому все эти песни - не азербайджанские! С этим явлением не бороться, а уже воевать пора. Это уже не проблема культуры, а вопрос национального выживания. Наш народ выжил, утвердился в истории благодаря своему родному языку. Будет язык - будем мы. Иначе, я не преувеличиваю, независимости страны - конец. Хаос в языке неминуемо приведет к хаосу в обществе...

...Милая, разве хорошая литература может быть чужой? Стихи Пушкина для Вас зарубежье? Ведь Чехов один из самых дорогих, родных людей. Маугли не наш? Вот, читая Туфарганлы, испытываю тот же душевный комфорт, что и с томиком Пастернака. Ей Богу, нет для меня зарубежной литературы...

... “Какой должна быть женщина, чтоб Вас покорила?”

Покоряет не женщина, а жизнь. Женщина в этом деле выполняет обязанности солдата природы. Это как болезни и природные катаклизмы. Меня женщины покорили и воздушным путем, и при контакте, возникали как землетрясение и сель, и т.д. А что я?

Болеет и бывал счастливым, от других явлений даже не пытался спастись. Ведь мужчине лучше болеть и умереть от женщины, чем жить здоровым, но без нее. Ну, разрушала женщина меня, как *zälzälä*,¹ бывало, так спасибо ей, тем более что в этом деле я совсем не сейсмостойкий. Даже сейчас, когда уже и так подлежу сносу...

...Все создано Богом, а не религиями...

...Господь посылает мне на просмотр сновидения разных жанров. Сценаристы и режиссеры моих снов отличаются друг от друга степенью дарований и мастерства. Конечно же, есть несколько ночных видений, которые я почти никому не пересказывал, боясь упреков в том, что я это придумал сам. Расскажу Вам один, который мне приснился зимой под Ригой, в Доме творчества писателей. Приснился мне подвал какого-то театра, весь наполненный старыми декорациями, разного рода реквизитом, муляжами предметов, всякого рода исторических костюмов, оружия, картин, скульптур из папье-маше и т.д. И все это нагромождение было с отчетливым запахом пыли. И вдруг со всех углов стали выходить оскалившиеся, рычащие небольшие собаки, стали идти на меня. Их было не меньше двадцати. Я в жутком страхе попятился, прислонился к стене. Мне некуда было деться. Все, подумал, конец. И вдруг собаки боязливо ощетинились и стали отходить назад. При этом они смотрели на дверь, в конце помещения. Я понял - мое спасение от этих тварей там, за этой дверью. Пошел туда, не отпуская мерзких собак с поля зрения. Короче, открыл дверь, и увидел невероятное! Там, на круглом столе, покрытом алой бархатной скатертью, спокойно лежала огромная, невероятно красивая ВОЛЧИЦА. Я встал рядом с нею и от радости заплакал. Проснулся с мокрым лицом. Кто эта волчица? Спасение. Почему волчица? На самом деле, почему? Не знаю, может быть, оттого что даже очень сильные духом мужчины в минуты опасности ищут защиту в женщине. Возможно, страх превращает нас в детей, и мы тянемся к материнскому началу. Не знаю точно, даже наяву, а то был сон, я не стал бы смотреть своему Спасению под хвост... Нет, волчица не спала, а презрительно смотрела на тех шавок...

...Я давно уже провел четкие границы между своими желаниями и возможностями. И не нарушаю их. Да, это поражение мое, но победил-то кто? Не стыдно проигрывать Богу...

¹ Землетрясение.

...Безумно люблю чистый лист бумаги. Она для меня осязаема, как женская кожа. Своей беспомощности перед нею никогда не чувствовал. Да, конечно, иногда не хватает слов выразить все, что накопилось в душе. Но тут на помощь приходит опыт. Свой и чужой...

...На русском стихи не пишу. У меня есть друзья, русские поэты, прозаики. Мой словарный запас на несколько порядков богаче их русского языка. Но я не смогу написать ни строчки, как они. Я не русский, и не из русской поэзии. В лучшем случае смогу написать бакинские, даже московские стихи, но не русские...

...Что происходит тут, в сети? Тут виртуально говорит человеческое одиночество, порою упиваясь такой возможностью. Здесь можно перед компом сидеть в трусах, но чувствовать себя в смокинге. В реале это будет плохая клоунада...

...Естественно, встречал разных людей. Знал мерзавца, который обожал квартеты Моцарта. Встречался с честнейшим человеком, понятия не имевшим, что такое акварельные краски. Что мне нравится в людях? То, что они есть и должны быть...

...Я, собственно, не помню себя без трубки. Курю их где-то с двадцати лет. Трубка для меня не только огромное удовольствие, но и необходимое творческое средство, как писателя. Она, родимая, не дает спешить, когда пишешь. Вы обратили внимание, с трубкой человек становится даже мудрее?

Я очень люблю трубки Peterson. В этом немалую роль сыграла моя любовь к Марку Твену, который курил трубки только этой фирмы. У меня даже есть трубка Peterson, на которой красуется имя этого великого американца. Горжусь этой старушкой, которой за сто лет, наверняка. Коллекцию не стал создавать, так как уже в ранней юности увидел коллекцию трубок, которая принадлежала одному из величайших интеллектуалов 20 столетия Илье Эренбургу, где почти каждая трубка имела свой некий паспорт... Чье творение, когда создана, и список тех людей, коим она принадлежала. Об этом он сам написал новеллу...

...У меня нет любимых авторов, пусть их жены любят. У меня есть любимые литературные произведения. Их сотни!

...Он и Она. Никакими теориями, философскими постулатами, интуитивными догадками этого не постичь. Это все равно, что вычислить цифрами существование Бога. У меня нет под рукой теоремы, по которой я мог бы подойти к этой задаче...

...Наука или шарлатанство? Я отлично помню, как на кострах сжигали людей, утверждавших, что земля круглая и вращается вокруг Солнца. Вчера - шарлатанство, сегодня - наука. Повторяю, нет пределов в умственной деятельности. Предел в этой области четко очерчен - Бог. Поверьте, никогда не будет создана формула Бога. Если она появится, значит, Бога не было...

...Считать себя Одиссеем в пределах форума, все равно что прослыть Шалапином в пределах общей бани...

...Уверяю вас, новыми в мире были только Ева и Адам, все другие – повтор, с изменениями. Как в музыке квинтовый круг. Да, стало другим и рыцарство, но оно существует...

...Пылкая любовь это быстро гаснущий огонь. Любовь должна тлеть, и ей, чтобы она не потухла и не задохнулась, нужен постоянный доступ кислорода. А со свежим воздухом нынче везде проблемы. В наше время загрязнена даже экология любви...

...Наше кино. К сожалению, не знаю ни одного ровного, во всех отношениях, азербайджанского фильма. Каждый раз поражаюсь, сидя перед экраном: вот этот эпизод прекрасно снят, а следующий из рук вон плохо. Режиссерская работа отличная, но его задумку испортил оператор. Господи, каким великолепным был актер в той сцене, а в этой сыграл, как плохой любитель. У нас целые плеяды замечательных актеров театра, которые прекрасно смотрятся со сцены. Те же актеры не выдерживают, терпят фиаско на экране, когда мы их видим крупным планом. Нет в нашем кино режиссерских имен, которые могли бы быть поставлены в один ряд с такими, как в музыке Кара Караев, в живописи Таир Салахов, в театре Адиль Искендеров и т.д. Хотя есть фильмы, которые я смотрю с интересом. Так что, не судите меня строго, выбрать трех режиссеров, трех актеров и лучшие три фильма я не могу. Но верю, наше кино обретет мировую славу...

...Высокая женщина... В 1969 году, в пресс-баре Московского Кинофестиваля, я в состоянии среднего опьянения подошел к столу, за которым ужинала Мисс Адриатики Неда Андрич, и пригласил ее на танец. Она приняла мое приглашение и... начала вставать со стула... Это заняло очень много времени. Мне долго пришлось ждать, постепенно поднимая голову. Когда процесс ее вставания завершился, я уже был в позе человека, смотрящего на затмение солнца. Танец был медленный, а позор мой долгий...

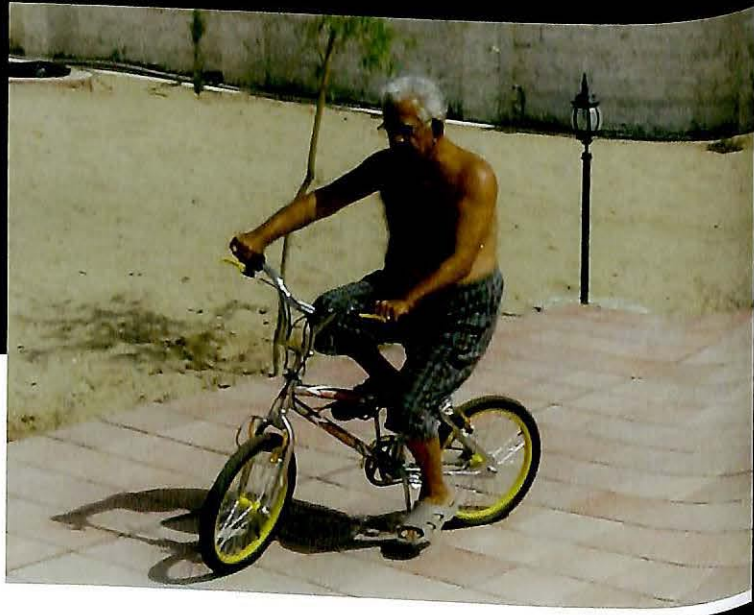
...Я знал и знаю непробиваемых, непотопляемых невежд, которые читали в несколько раз больше, чем я...

...Поверьте, мы, как правило, не знаем, что хотим от жизни, и чего ждем от нее. Даже наши молитвы, адресованные Богу, сформулированы нечетко, оттого и большинство из них остаются безответными. Ведь просят же люди у Бога машину, квартиру, даже конкретную сумму денег? Превратили Господа в районное отделение “собеса”. Умоляем Бога дать здоровья нам и нашим близким. И я слышу Его ответ: а как я буду людей забирать к себе, освобождать место для новых? Безусловно, надо ждать и надеяться. Если это помогает кому-то жить...

...Да, и на заказ появлялись великие произведения, в большом количестве и при великом качестве. Итальянская живопись эпохи Возрождения это прямой заказ Церкви, и слава ей за это! Фирдоуси, Низами иногда даже сюжеты получали от... вышестоящих органов...

...Валлах, я не самый плохой житель нашей планеты. Я чист перед законами любимой родины и свято чту Уголовный Кодекс, который нежно люблю...

...Всегда с опаской относился к людям, лишенным самоиронии, и не подпускающим к себе то, что мы называем сомнениями. Вот я, в силу сложившихся обстоятельств, владея гораздо большей информацией по тем или иным вопросам, вишу на крюке огромного вопросительного знака. Мне нечего сказать! У меня нет ответов! Знаю, что любой правильный ответ, подобно землетрясению, вызовет цунами новых вопросов!

...Ой, не хочу я ее – великой тишины. И если, не дай Бог, она наступит, то вряд ли зазвонит. Вакуум? Allah eləməsin,¹ человек может оглохнуть от шумов своего организма. Вы слышали, с каким рвением течет по нашим артериям кровь? Шум горной речки или же грохот большого селя это нежный шепот, по сравнению с ним. Надо научиться создавать собственную тишину, очистив душу от всех посторонних шумов. Я умею. Слушая и отдаваясь хорошей музыке. Вот это – ТИШИНА – ШУМОУБЕЖИЩЕ! Там я надежно прячусь от бомб политических баталий, от артиллерийских канонад бытовых проблем, от ножа в спину моего диабета...

...Бесполезно доказывать молодому человеку то, чего он не увидел сам. Всему можно научить юношу, кроме Опыта...

...Рафик Бабаев или Вагиф Мустафазаде? Иногда одна и та же музыка может пленить человека и, с не меньшим успехом, оставить равнодушным. Так же и исполнители, и музыкальные жанры. Да, Вагиф был, безусловно, Божьим помазанником, да, а Рафик сам был Ангелом! Скоро мне 70, и я знаю, мне уже не суждено встретиться с человеком, таким же интеллигентным, как Рафик Бабаев. Да и такого талантища, как Вагиф Мустафазаде, мне уже не видать. Конечно же, в джазе. Так давай же порадуемся, что у нас были и есть эти музыканты... чьи жизни завершились трагедией, hauf²...

...Хороший критик – тот, который находит в плохом прекрасное. А плохой критик – это, как правило, продолжение недостойного, невоспитанного человека. Каждый пишет в меру своего таланта и воспитанности...

...Чудеса в моей жизни случались, и не раз. Первое чудо я пережил в детстве, с первой прочитанной книгой. Это был роман “Робинзон Крузо”. Я проглотил первые главы этого чуда. Затем стал читать по пять, по четыре, по три, по две и, уже к концу, по одной странице. А когда прочитал последнюю и роман кончился, я разрыдался, меня долго не могли успокоить. И не могли понять, что же произошло? До сих пор вспоминаю, как чудо, Первый фортепианный концерт Рахманинова, который я сыграл с оркестром,

¹ Не дай Бог.

² Жаль.

под руководством Ниязи. До сих пор вспоминаю одну драку, когда на нас, четверых, напала банда из тридцати бандюг, с ножами. Трое моих друзей были ранены, а меня Бог миловал, несмотря на то, что я находился в центре драки. Уже потом на пиджаке и брюках я насчитал 18 прорезей! И ни одного попадания в тело. Ну как не назвать это чудом? Но самым главным чудом своей жизни до сих пор считаю свою учительницу музыки, Анну Яковлевну Копелевич. Красавицу-еврейку, чудного музыканта, которая десять лет не только учила меня играть на рояле, но составляла для меня планы: что читать, на какие концерты ходить, какие музеи посещать в Москве и т.д. Не могу ее забыть. Она давно уехала из Баку. Я бы смог навести о ней справки, узнать, где она. Но не сделал этого. Боялся услышать, узнать... А так – она чудо, которое всегда со мной...

...Если в семье пропала любовь, то, думаю, тут выход один – надо расходиться... Порой тяжело, мучительно больно принять это решение, хуже может быть только развод с Богом...

...Слона невозможно заставить летать. Можно научить. Здесь проблема в другом: в приземлении...

...Ничего ужасного в одиночестве нет. Самое страшное одиночество испытывают дети и некрасивые женщины. Поверь, это жуткое одиночество. И еще: настоящее одиночество это всегда другие. Когда человек один, то он с собой. Значит, не одинок. Писателю одиночество необходимо. Оно ареал его существования, время выхода из своего логова мыслей, ассоциаций, слов, звуков, образов и т.д. Происходит кошмар, когда одиночество настигает политических деятелей и бизнесменов. Поэтому самыми опасными людьми бывают политики и бизнесмены, оказавшиеся без дел. Ни у кого нет точного определения одиночества. Оно не обозначено цифрами. Нет формулы, значит, нет и решения...

...Солженицын был авторитетом, пока существовал Советский Союз. После распада советской империи он уже, собственно, мало чем отличался от Жириновского...

...Кто читает и как читает? Есть великие и плохие книги. Есть великие и плохие читатели. Лучшие читатели – дети. Они не читают, а картинки смотрят. Это – мудрость Бога...

...Нельзя по стихам делать какие-то выводы о человеческих качествах поэта. У меня в произведениях даже походка другая...

...Я не хотел бы быть лично знакомым со многими классиками прошлого...

... С людьми надо быть на ВЫ, даже с теми, с кем на “ты”. А громкий тон это уже тыканье. Считаю, что с обществом нельзя пить на брудершафт. С народом этого вообще не следует делать. Опасно...

...Никогда страны не объединялись на принципах расовых, религиозных и языковых. Не было этого в истории человечества. Христиане воевали с христианами, мусульмане с мусульманами, белые с белыми, черные с черными, желтые с желтыми. Разве не воевали друг с другом славяне? Россия, которая ныне, пока на словах, сражается с Украиной и Польшей, перестала быть славянской, как и две последние? Разве не тюрки бились друг с другом в Чалдыране? Не узбеки изгнали тюрок-мехетинцев? Примеров могу привести сотни и сотни. Во главу угла в этих вопросах всегда ставятся национальные интересы...

...Как писатель, знаю: человек может измениться за 17-18 лет, но другим он не в состоянии стать...

...Я человек скорее инертный, нежели деятельный. Хотя в экстремальных ситуациях... Оооо!

...У меня много родственников. Когда я стал депутатом, их число удвоилось...

... Вопрос об азербайджанском языке уже вышел за пределы лингвистики, культуры и литературы. Это уже политическая, национальная проблема. Азербайджан и азербайджанцы выжили благодаря этому языку. Только ему мы должны быть благодарны за то, что мы есть. Мы - это наш язык. Не ислам, не социализм, не монархия, не независимость. Азербайджан - дитя нашего тюркского языка. Без него нет страны, а значит и нас...

... А еще я боюсь потерять русский язык. Вы себе не представляете, какое культурное, информационное поражение

мы можем потерпеть, если лишимся такого оружия, как русский язык...

... Писать стихи на музыку? Всю жизнь занимался этим. Ведь я музыкант, пианист. И самый удобный поэт для композиторов. Со мною не нужна нудная работа над “болванками”, по которым другие поэты делают тексты для песен. Композиторы обычно давали мне ноты, и я уже сам, за роялем, писал стихи на готовую музыку...

... “İlham rəgisi”¹ меня давно не посещает. Держусь на опыте и профессиональных навыках...

... В споре рождается истина... У нас из спора рождается вражда. Поэтому уже очень давно ни с кем, кроме себя, не спорю. Есть у меня понимающие собеседники. Даже есть Друг, с которым могу часами разговаривать молча...

... Мама... Остроумная была. Как-то при входе в магазин женщина, выходящая оттуда, сделала ей замечание:

- Что вы переходите мне дорогу?

- Я тебе не черная кошка, а жена Самеда Вургун! - отрезала мама...

... У нас всегда, популяризируя одно, почему-то забывают другое. Неважно, в какой области. Создали музей ковра, а про miskərlik² забыли, наше гончарное искусство вообще ушло куда-то. И еще многое из культурного наследия. Необходим в этом деле комплексный подход...

“Говорят, у каждого явления природы своя мелодия. Узеирбек еще в детстве стоял под каким-то водопадом, чтобы слушать свою Увертюру к “Кероглу”, которую увековечил, будучи взрослым”...

... Простите, но я не позволяю себе верить в такого рода мифы. Я не знаю более полноводного водопада, чем гений самого Гаджибекова. Даже Ниагара послабее будет...

... Человек в отношении к Музыке должен поступать так же, как и с Любовью. Отдаться ей...

¹ Фея вдохновения.

² Медное ремесло, древнее искусство азербайджанских умельцев.

... С людьми, позволяющими себе фамильярность, не общаюсь. Могу подражаться, но иметь какие-то отношения - никогда. Только моя внучка имеет право делать со мной все, что ей заблагорассудится. Но она, ей Богу, ни разу еще не воспользовалась этим...

“Говорят, женщина должна быть такой, чтоб в ее присутствии хотелось быть джентльменом. Вы от природы такой imposant или таким Вас сделала женщина?”

... Милая моя, мужчина, который становится джентльменом в присутствии женщины, - притворщик. Настоящий джентльмен - тот, кто уверен, что его видят, даже если он один в пустыне. Для него весь мир это замочная скважина или видеокамера, откуда смотрят на него, снимают на пленку. И он не станет, простите, ковыряться в носу, ходить неопрятным, даже когда он в одиночестве. Наверное, настоящий джентльмен тот, кому кажется, что окружающие отчетливо слышат не только то, о чем он говорит, но и то, как думает. Себя импозантным и джентльменом не считаю. Не получилось у меня. Быт и обстоятельства оказались сильнее. Я - проиграл...

“Есть ли тема, на которую Вам ужасно хотелось бы поговорить, только вот собеседника нет?”

... Конечно, есть. Но на эту тему у меня собеседник всегда под рукой. Это - я. Все, что меня окружает - Мир, Бог, Родина, Люди в этой беседе не могут участвовать. Они - посторонние...

... Я больше люблю старые французские фотографии, чем кино. Особенно Картье-Брессона. Когда демонстрировались фильмы с участием Жерара Филиппа, я в кинотеатры ходил с девушками. Они восторженно глядели на него, а я на моих девушек. Так что он мне не мешал. А вот с Фанни Ардан все происходило совсем наоборот. Хорошая актриса. Но влюблен я был в жену режиссера Антониони, Моника Витти. Однозначной оценки старого французского кино у меня нет...

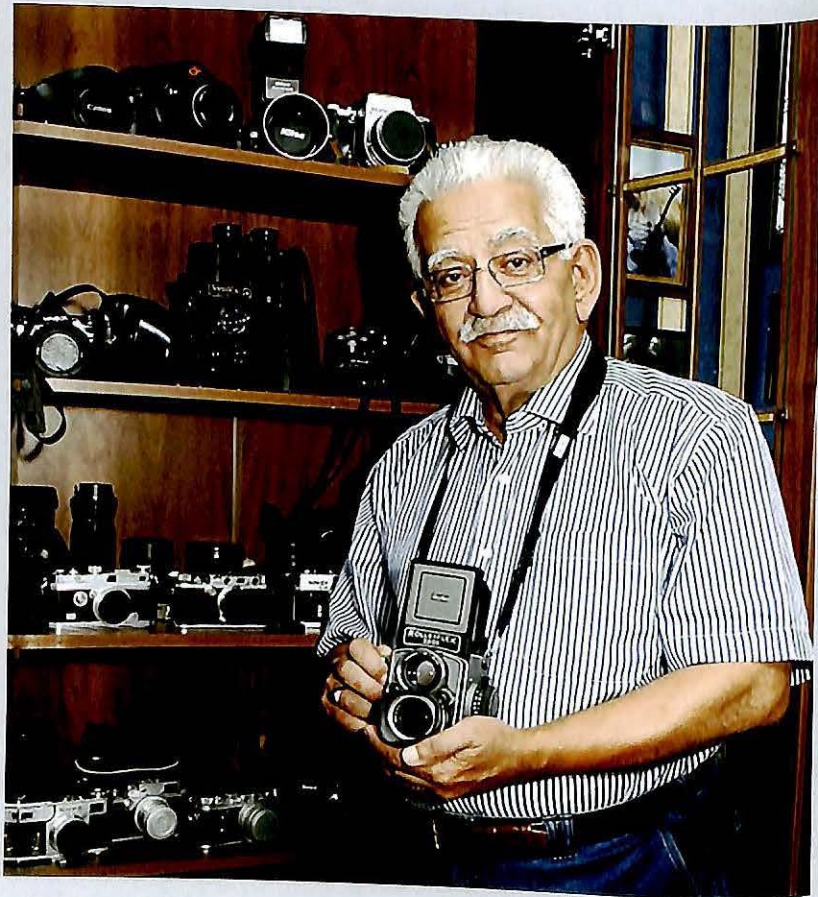
“Почему азербайджанская интеллигенция спокойно реагирует на тотальное воровство армянами богатого историко-культурного наследия Азербайджана?”

... Это когда наша интеллигенция спокойно реагировала на факты плагиаторства?.. Но я хотел бы по этому поводу выразить свое личное мнение. Узеир Гаджибеков когда-то сказал: “Я не знаю,

где кончается азербайджанская народная музыка, и начинается армянская”. А вот слова Арама Хачатуряна, в его интервью, которое было опубликовано в ноябрьской книжке журнала “Советская музыка” 1968 года. На вопрос о балете “Гаянэ” он ответил: “При написании балета я пользовался армянской народной музыкой и азербайджанской”. Вот такие дела. Я привел в пример слова не каких-то там журналистов-“патриотов”, а высочайших профессионалов. Речь идет о народной музыке. Ведь народы наши веками жили не рядом с друг другом, а внутри друг друга, как говорил Самед Вургун. И столетиями армянин пел нашу народную песню, наш армянскую, и пели каждый на своем языке, у себя дома, на своих свадьбах. Вот и появились общие песни, которые стали народными, как для армян, так и для азербайджанцев. В этом вопросе нельзя поддаваться совершенно ненужным эмоциям. То же самое происходило и с блюдами национальных кухонь. Господи, какие только глупости не говорят об этом с той и с этой стороны! Вы себе представляете резолюцию ООН, по которой армянам запрещается есть долму? Я - нет. То же самое и с музыкальными инструментами происходит. Кому принадлежит балабан (дудук) или тар? Как кому? Конечно же, камышу и тыкве. И тому, кто первым догадался сделать из них музыкальные инструменты. Так вот, когда появились эти звучащие плоды и растения, никаких наций не было и в помине. Но существует и чисто азербайджанский тар, который создал tarzən¹ Садыхджан. Он - наш. С народной музыкой ясно, по крайней мере, для меня. Но когда присваиваются композиторские сочинения... Тут уж извините, пардон. Я слышал десятки песен наших композиторов, выдаваемых за армянские. Начиная от Гаджибекова до нынешних молодых. Тут уже наружу выходит скрытая военная атрибутика. Обидеть, оскорбить, не дать спокойно дышать врагу, по всему периметру войны. Это уже психологические сети, на которые мы, к сожалению, ловимся. Напрасно. У нас против этого существует другое, очень сильное оружие. Это наши исполнители. Ни один, даже самый профессиональный армянский вокалист, обладающий прекрасным голосом, не споет нашу песню так, как это может сделать средненький азербайджанский певец. Все можно присвоить, кроме искренности...

“Вагиф муаллим, я долго не могла понять, как сын великого поэта мог выставить на посмешище поэта?”

¹ Исполнитель на таре.

... Разве не Мошу¹ выставил себя на посмешище? Вы что, милая, не смотрите наше ТВ, выступления некоторых литераторов? Да Мошу по сравнению с ними Жан-Поль Сартр...

...С чувствами и инстинктами надо сосуществовать, поддерживать с ними нормальные отношения. Ведь они не чужие, а самые-самые родные наши. Как же без них?

... К счастью, на даче не простудился. Было ветрено и пасмурно, но я умею придумывать штиль и солнце. Так что, пришлось прибегнуть к своим услугам и создать непростудную обстановку. Тем более, за такую работу я себе делаю большой endirim²...

“Говорят, что природа отдыхает на дачах гениев. Если в силу вашей скромности, Вас не устроит слово “гений” по отношению к собственной персоне, можете его заменить на “мастер своего дела”...

...Природа никогда не отдыхает, к нашему счастью. Так же, как и сердце человека. Остановится на отдых, и... все. Я оказался хитрее природы и в поэзии не стал повторять отца. Избрал свой путь. Да, и только благодаря этому, возможно, стал, по Вашему определению, мастером своего дела. В противном случае, ничего не добился бы в литературе. Наверное, в каком-нибудь ресторане играл бы джаз на фортепиано...

“Что бы Вы ни делали, что бы ни написали, те или иные люди всегда будут сравнивать Вас с отцом. Бывало ведь, что дети великих, пытаясь избежать этого, меняли фамилию и т.д. Вам по жизни это когда-нибудь мешало?”

...Нет, мне не бывает тяжело, когда мое творчество сравнивают с отцовским. Люди всегда сравнивают. Пошел разговор об Уинстоне Черчилле, моментально начинают сравнивать его с Шарль де Голлем. Ни разу не слышал рассуждений о Льве Толстом без упоминания Федора Достоевского... Почему простых людей так неистово интересует вопрос, есть ли жизнь на других планетах? Конечно же, чтобы сравнить с жизнью на нашей, и придти к заключению - там лучше...

...Я слышал, как кричит раненый заяц. Это - страшно...

¹ Незадачливый стихоплет, комический персонаж пьесы В.Самедоглу.

² Скидка.

...Любовь бывает одна. Иногда она разделяется на несколько частей. И это происходит сплошь и рядом. Бывает и другое. Воруют любовь, иногда разбивают на куски и уносят по частям. Кроме того, любовь тоже стареет, и она подвержена болезням, порою неизлечимым. Я хоронил несколько любовей. У меня в душе и памяти до сих пор стоят их могилы. Но ухоженные! Всегда покрытые свежими цветами...

... Каждый человек рождается с инстинктом самосохранения. Еще существует нечто такое, что я называю “скрытая паника толпы”. Это чувство не менее страшно, чем агрессия толпы. Даже в этом случае Паника ужаснее Агрессии. Так как Агрессия это быстро гаснущий огонь, а Паника - долго тающий лед. Вот основная масса наших людей не знают, кто они, и что происходит вокруг них. Признаться в личной трусости и гражданской пассивности мало кто способен. А думать, хотя бы задуматься... Тут уже срабатывает инстинкт самосохранения. Смотреть серьезный спектакль? Ни в коем случае - придется помыслить о чем то, с кем-то поделиться своими мыслями. Нет уж, лучше притвориться. Притвориться веселым, довольным, удовлетворенным тем, что есть вокруг. Думать - это уже Свобода. Нет уж, лучше концлагерь веселья, там три раза в день кормят....

...Периодически думая то о том, то о сем, мы вновь и вновь возвращаемся к Богу, Смерти и Свободе. Что такое Бог? Что такое Смерть? Что такое Свобода? Не знаю, не знаю, не знаю. Вот оттого-то пишу об этом. И страшно боюсь найти ответ...

...Иногда бывает даже интересно читать себя. Особенно, когда жена говорит: “Милый, оказывается, ты был умным в молодости”...

...Кто я по образованию? Ответить честно? У меня один отличный аттестат и два красных диплома. Я окончил школу, университет и аспирантуру Самообразования при самом Господе Боге. И сейчас продолжаю образование там же, но уже в Академии. Уверен, это лучшее учебное заведение, с самой прекрасно продуманной образовательной программой. Самые выдающиеся люди Земли прошли через эту школу. Себя, естественно, выдающимся не считаю. Но у меня имеется и мирская профессия. Я по синему диплому числюсь концертным исполнителем и

преподавателем фортепиано. И еще я член Союза Писателей Азербайджана...

...Иногда надо “повыпендриваться” перед молодыми. Это снижает сахар в крови...

...Когда преподавал в Консерватории, часто водил своих учеников в ресторан. Девушек с женихами, парней с невестами. Правда, после этих застолий одна студентка влюбилась в меня, а от двух учеников моих ушли их невестушки. Но такие, не очень-то педагогичные ужины, и мне, и им дали много позитивного...

...Лично для меня что плов, что цианистый калий - это одно и то же. Рис для меня, как диабетика, - классовый враг...

“Уважаемый Лирик, откуда, по-Вашему, идет это стремление во что бы то ни стало уличить людей талантливых и неординарных?”

Вы задали мне один из древнейших вопросов, что интересуют людей издавна. Думаю, что здесь немалую роль играет то, что называется комплексом пигмея. У африканского племени пигмеев существует обычай, который якобы возвеличивает их, делает сильнее и покрупнее. Это... укусить большое животное, например, слона, или же крупного человека, скажем, из племени масаи. Делают они это, а затем гордятся своим укусом всю жизнь. Прославиться на ком-то, сделать себя знаменитым. Иногда это дает иллюзорный, но все-таки результат. Вот, бросил человек свой ботинок в соседа по квартире, об этом не говорят, ну а если эта самая “туфля”, как говорил Вицин, полетела в президента США... и уже весь мир глаголит об этом. Ну, кто знал этого арабского журналиста... Одно дело убить бомжа, другое - отправить на тот свет Джона Леннона! То же самое происходит с историей. История уже была! Ее уже никому не по силам изменить! Настоящий историк никогда не высказывает своего отношения к тем или иным событиям, а констатирует факты и события. У нас же, в основном, - разборки, игры в популизм и, самое отвратительное - желание выглядеть “героем”. Вот, мол, я не побоялся назвать великую личность ничтожеством! Этим, как правило, занимаются или неудачники, или же враги. Выходила в Баку газетенка одна, где из номера в номер публиковались материалы, “доказывающие” творческую “беспомощность”

нашей литературы. Все на свалку! Физули садомазохист, Джавид графоман, Вургун доносчик, Гаджибеков враг восточной музыки и т.д. Пытались внушить читателю то, что наш народ ни на что не способен. Потом выяснилось, что эту газету спонсировала соседняя страна. К сожалению, такую писанину неудачников мы читаем и сегодня, даже на нашем форуме. Это проявление морально-нравственного токсикоза, когда несостоявшихся людей, простите, вырывает на стол, за которым они же сами сидят и питаются. Но что делать, это было, есть и будет. Кому-то для самовыражения нужны он сам и жизнь, а кому-то - другой и смерть. Об этой проблеме можно говорить долго и ни к чему не прийти...

...Как черное сделать белым? Очень просто, дорогая. Надо стать поэтом, а еще лучше политиком...

...У меня есть наброски одной книжки, но опубликована она будет лишь после моей смерти. Издать ее сейчас это все равно, что

явиться в милицию с повинной. Нет уж. До такой степени никогда не напиваюсь...

...Я люблю Бога не только как живописца. У него немало акварелей, графических работ, карикатур и т.д. Вот только беда, у него нет реставраторов-профессионалов. И эту пустую нишу заняли дьяволы и черти...

...Приблизиться к достижениям отца Юсифу и мне очень сильно помешал Самед Вургун. Своим талантом и бесподобным языком...

...Юсиф был талантливым, и, что не менее важно, умным, начитанным человеком. Он разделял писателей на тех, кто пришел в литературу из жизни, и вышедших из книг. Себя он причислял ко вторым. Ну и, конечно же, - интуиция, которая является одной из составляющих таланта и мастерства...

...Любая зависимость губительна для человека. Будь то зависимость от наркотиков или же от религии. Считаю, каждый, кто думает, что Бог все время с ним, проявляет безобразную нескромность и высокомерие. Убежден: руководит Бог общим Мирозданием, а не отдельно каждым живым...

...Судьба? Она одновременно и бомба, и бомбоубежище для слабых, ленивых, неповоротливых. Есть гениальная наша поговорка: “Allah deyir: sændən hərəkət, mändən bərəkət!”¹ Падает с неба булыжник, что, я не должен отойти в сторону, и уповать на судьбу? Мол, Allah bilən məsləhətdir?² Да нет же, бежать надо. Можно отрицать и судьбу, и Бога. Можно верить или не верить в Бога. Главное жить так, чтоб Бог в тебя поверил.

А пока, в этом смысле, Бог – атеист...

“Чем Вы недовольны на данный момент?”

...Сказать честно, чем недоволен? Совсем-совсем? Недоволен

¹ Аллах говорит: с тебя деяние, с меня благодать.

² На все воля Аллаха.

тем, что через полчаса не на свидание с девушкой побегу, а буду себе делать укол инсулина, и вновь, глядя в собственное пузо, вспоминать - в какое место я утром втыкал шприц? Очень недоволен Господом, что он не дал мне шанс погибнуть в молодости за Родину или из-за Женщины...

...Самое главное не ныть. Не физиологически, не психологически. Писатель кончается тогда, когда начинает писать, как старик...

...Дай Бог, чтоб время проявило великодушие ко мне. Еще очень хочу, чтоб болезни сами заболели, пока я буду писать...

...Есть музыканты в Азербайджане. И не только солидные, но и просто великолепные. В самых престижных концертных залах Европы и Америки исполняются сочинения наших композиторов. Нет таких значимых музыкальных течений, где бы наши не сказали своего веского слова...

...В жизни нашего народа не было двух наиважнейших событий, которые могли бы сформировать у нас Единый Национальный Характер. Это - Бесспорная Победа и Осознанное Поражение. Уповаю на будущее...

“Есть такая фраза - народ хороший, люди плохие”...

...Хотим, чтоб народ был хорошим, необходимо улучшить самих себя. А так неразбериха получается и поиск крылатых выражений...

...Друг мой! Все понять, все простить? А чем тогда будет заниматься Бог? Обидеться? Обида, уверен, должна быть регулируемой. Чтобы не перейти ту грань, за которой уже начинается вражда. Даже враждой нужно уметь управлять, иначе она будет править тобой...

...Не люблю разговоров о равноправии, демократии и т.д. В мире, где существуют красивые и уродливые женщины, разве можно всерьез говорить о равенстве людей?

“А скажите, уважаемый Лирик...” или В сетях Самедоглу

...Мы с покойным Юсифом боролись за Независимость, а не за Демократию. Вот по этой причине и выглядели, наверное, белыми воронами. Я вновь выйду на площадь, если только возникнет угроза нашей независимости. А за демократию пусть борются те, кто знает, что это такое. Я, не зная, что такое демократия, точно знаю, что ее нет нигде. Если она существует, то значит, нет Бога и мира, созданного Им. Мира, где не борются, а сосуществуют Добро и Зло, Волк и Заяц. Ужасно не хочу вновь услышать зов площади, выступать перед большим количеством людей. Я это уже видел. Толпа - это кладбище личностей...

...А что касается джаза, то моя музыка уже сыграна. Последние аккорды мой биг-бэнд сыграет в форме воспоминаний, которые очень трудно пишутся...

...Единственное абсолютное Счастье, которое я признаю, это умереть без страха и боли...

...С высоты своих прожитых лет - ничего не становится проще и понимаемо. Наоборот. Думая о своей жизни, годах и днях прожитых, задаюсь вопросом:

- Господи, что это было?

Счастья Вам...

*И подпись. Непременно эстетски элегантная. Вроде -
“Целую Ваши ручки...”*

“Простите меня за упаднический ответ...”

*“Слышите хруст старых костей? Да, это я, опускаюсь перед
Вами на колени. Спасибо. А сейчас, помогите, пожалуйста, мне
встать на ноги...”*

...Я человек достаточно умный, заметили? Не судите меня по тем глупостям, которые я иногда пишу в постах...

“Валлах,

я не самый

плохой

житель

нашей

планеты...”

... Дорогой мэтр!

...Салам, уста!

...Неисправимый романтик Лирик...

...Нет нужды говорить Вам, ЧТО Вы значите для нашего народа...

...Я благодарю Аллаха за то, что есть Вы!

...То, что Вы здесь, и Вас уважает молодежь, это означает что у нас не все потеряно...

...Вы можете взять за живое, шутя. Я очень рада и горжусь, что живу с Вами в одном городе, в одну эпоху...

...Вы великий сын великого поэта. Нет человека, который бы поспорил со мной...

...Allah Sizi biza çox götməsin,¹ пусть Вам никогда не будет плохо, никогда...

...Вас невозможно разлюбить, Вы как первая любовь, сколько бы лет ни прошло, сколько бы вод ни утекло, она всегда в самой потайной комнатке нашей души...

...Спасибо Вам

за то, что

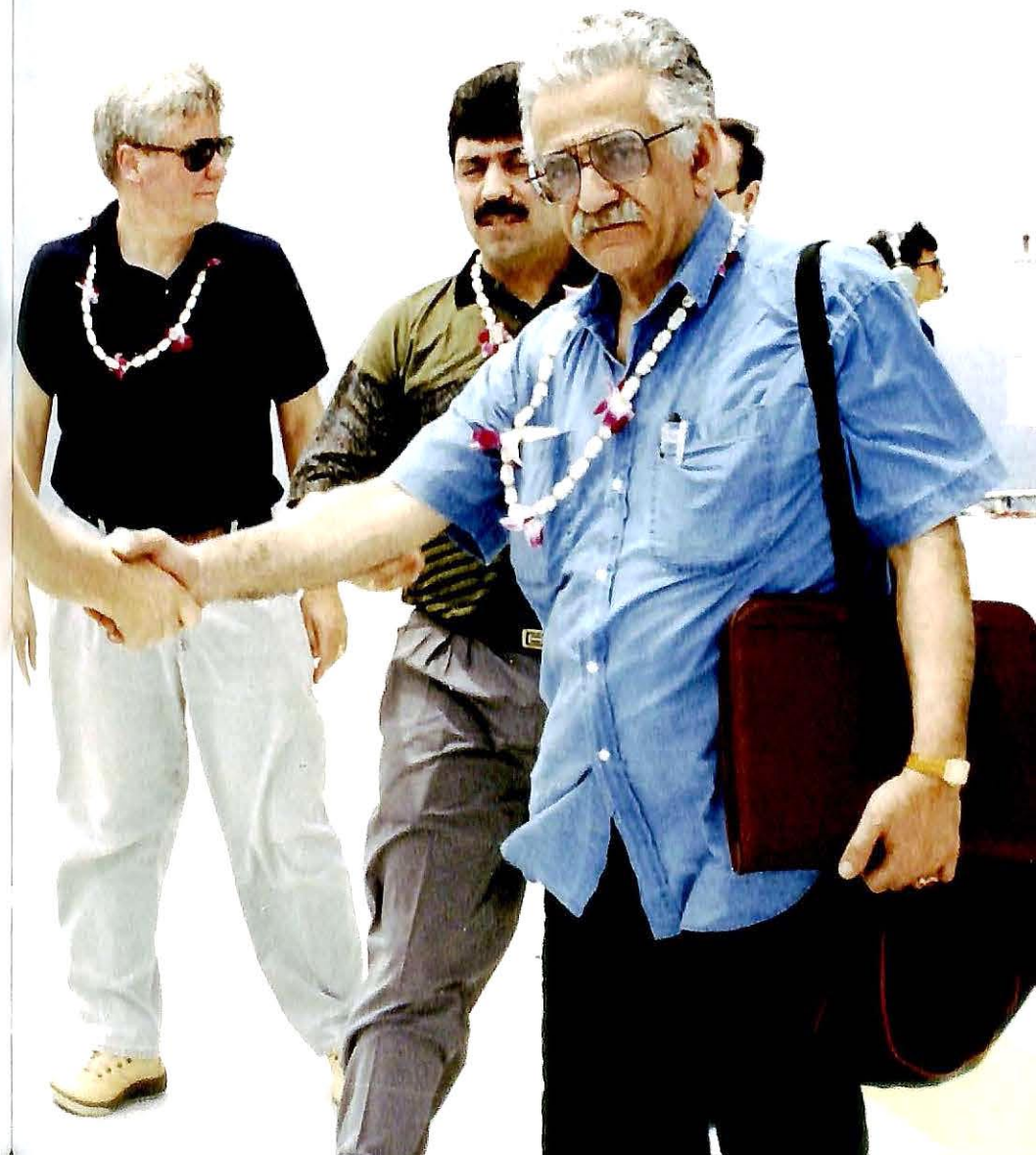
Вы есть,

и за то, что

Вы здесь...

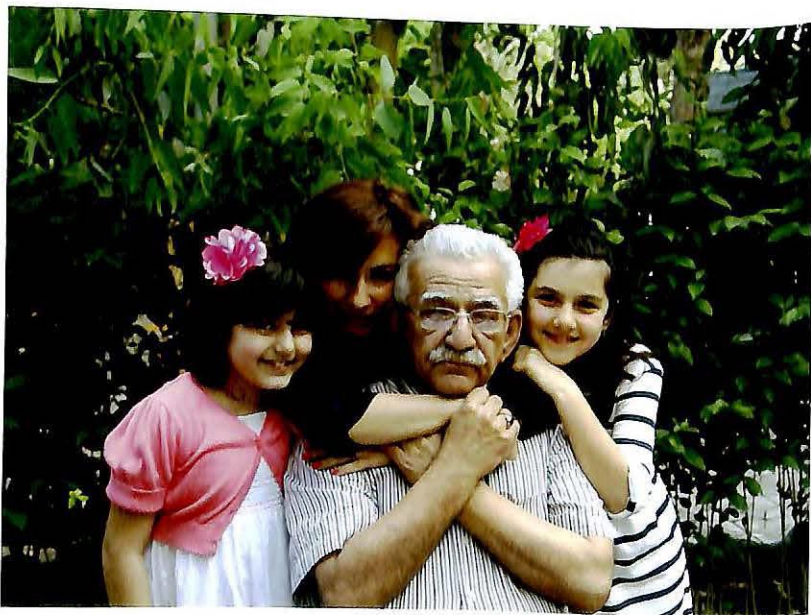
“Я здесь, Господи...”

¹ Да хранит Вас Аллах.

Дочь Махбуб с детьми Элизабет и Ясмин. 2011

С дочерью Нигяр и внучками Марьям и Айлой. 2011

С дочерьми Нигяр, Мирвари и внучками Айлой и Марьям в день празднования своего 75-летнего юбилея в Азербайджанском Драматическом театре

P.P.S.

*...воспоминания мечутся,
оседлав мое одиночество, как коня...*

“Чуть помедленнее!” – кричала внутри себя, поглядывая на часы, и моля стрелку секундомера о...

Боялась даже заходить на новостные сайты – чтобы не...

Книга писалась наперегонки со смертью, которая так и норовила обскатать...

Кляла себя – в который уж раз – за нерасторопность...

Жизнесмертельное ситуации в моей жизни –

не было...

...его не стало...

"...Bir axşam taksidən..."

Еду в такси – к нему, проститься...

- Куда?

- Аздрама.

- А где это?

- Театр... там сегодня... прощание... Вагиф Самедоглу...

- А кто это?

Боль. До озноба...

"Люди, которые читают книги, всегда будут управлять теми, кто смотрит телевизор".

Не знаю, кто автор, но – промах... А ведь чуть было не поверила...

Зря не поверила...

...Вернусь домой поздно... Буду бродить по городу – его, Вагифа, городу...

А вот и крепостная стена, его любимая...

Свернув за нее, окажусь в царстве воспоминаний – я родилась там, где он со своим "адашем", великим джазменом, соседом моим, когда-то...

Я спрашивала каменную кладку, окликала деревья – они не могли не помнить...

Да вот же они, бегут-торопятся, Вагифы, совсем юные, прямо из кинотеатра, домой, чтобы проиграть на рояле запомнившуюся оттуда мелодию – с джазовыми ритмами...

"Покажи аккорд мне, тезка!" – именно так он назовет свою статью, посвятив ее безвременному уходу друга...

“... Bir axşam taksidən...”

Но молчали стены... Стены дома деда моего, там сейчас итальянцы, посольство их, а они – не помнили... Не могли помнить. У пришлых памяти не бывает...

Крепостная стена...

Охраняющая твой мир от наружного... Неспроста ее любил. Мощнейшее биополе у нее! Доказано. Ни одна птица не опускается на зубья. Не выдерживает. Пролетают – да, но садиться... Энергетика межмирья...

В такси садилась нехотя...

...Он поехал совсем не туда. Извинился, сказал, что “день какой-то сегодня с утра – из-за Вагифа расстроился, Самедоглу... еще на сайте прочел о нем...”

Он говорил о моем некрологе, опубликованном. Не могла поверить своим ушам – надо ж, какой продвинутый попался!

Призналась, не выдержав, в том, что...

“Спасибо!” – с внимательным удивлением посмотрел на меня, выразив горячо соболезнование, как родственнице...

Он все говорил о нем и до того разволновался, что сбился с маршрута, забыв свернуть на перекрестке, пришлось ехать в обход...

Дорога не кончалась...

Денег он с меня не взял, сказав, что “смертельно обижу”. И добавил:

“Он же – наш гений!”

Гений, сбивший с пути...

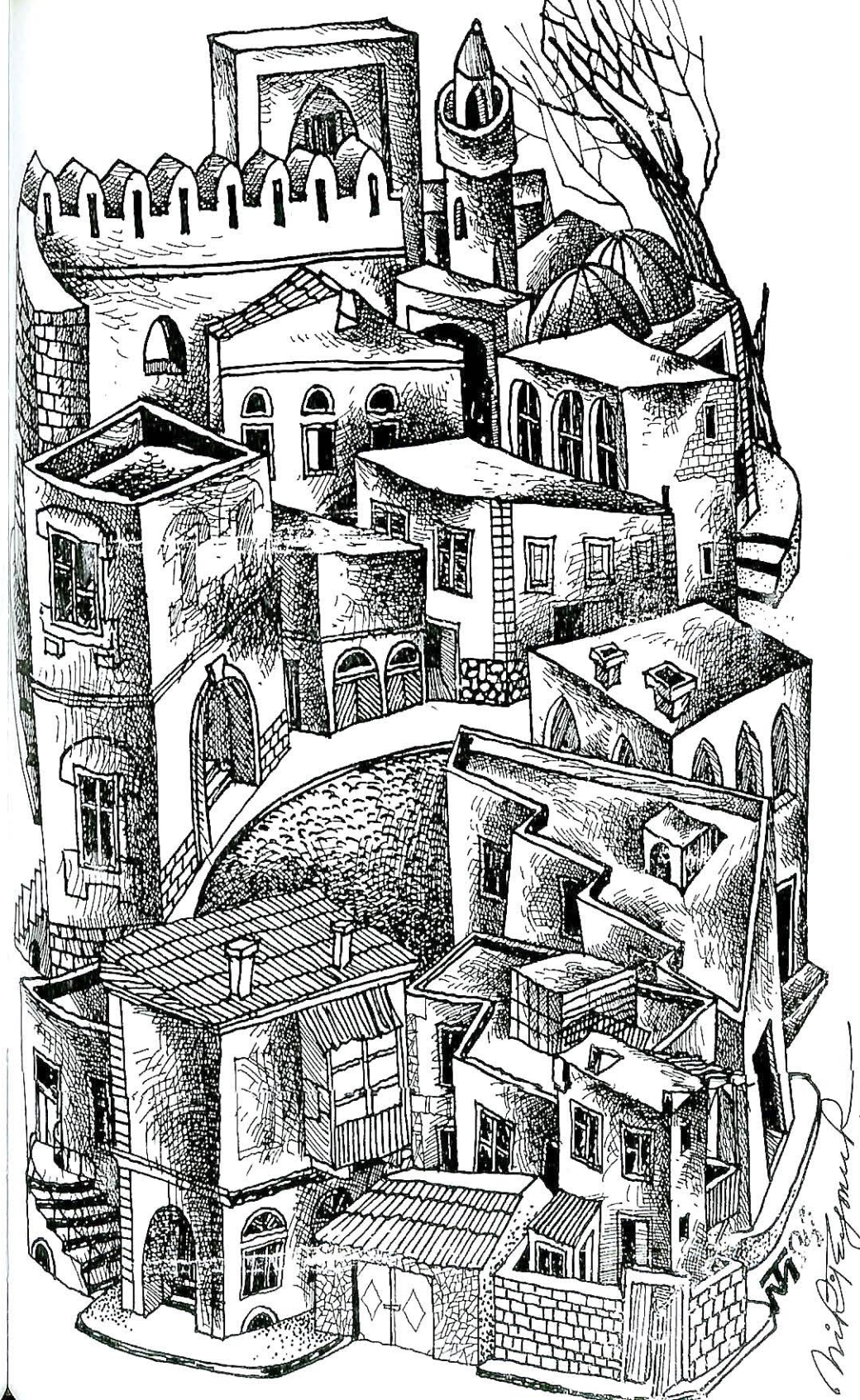
И вновь – вне однозначности. По Вагифу...

“...Bir axşam taksidən...”

Двойные его стандарты продолжали жить своей жизнью...

Это было вечером,

а днем...

"На сумрачной плоскости стены угасло окно..."

Не стало...

Вот ведь как бывает... Знала что болен, серьезно болен, знала, что, возможно, его скоро не... Знала.

И, тем не менее, весть эта всегда, как гром среди ясного неба! Да и где она – ясность-то? Нет ее.

Небо – оно всегда непредсказуемо...

Вагиф это знал... Оттого и боялся их, однозначных ответов...

Мир, неразломанный на белое и черное...

Неразорванный на Мрак и Тьму...

Ненавижу смерть по многим причинам.

Одна из них – необходимость писать некрологи.

Вынужденность из самых

страшных –

вопреки

отпору

внутри,

на грани

крика

и стона...

...Он был на сцене. На пьедестале – том самом...

Не знаю, как называется это жуткое приспособление... Черно-бордовое... Оно ждало, терпеливо так... Ждало своего часа... *Maḡā!*...

Я набрела на нее тогда, здесь же, в Аздраме... Во время Съезда писателей, в перерыве, случайно...

Она стояла на верхнем этаже...

“Его ждет!”

Проинтуичило. Насквозь!

Я убежала от своей догадки, боясь оглянуться...

Не стало...

Помню, как послала ему в Израиль одну из глав этой книги. Как боязливо караулила телефон, ожидая...

И вот он – ответный звонок Вагифа:

“Ну ты даешь! Очень понравилось! Правда, я там такой уууууумный получился... Прямо философ... Великолепная статья! Как приеду – увидимся!”

Скромность. Как она была свойственна ему...

Нету их, утишенных.

Смотрела на сцену и...

“...утишенных”...

Что-то свербило изнутри. Неясным укором. Не сразу поняла...

Были, были моменты, за которые мне сегодня стыдно...

Он звал меня к себе, пообщаться – находясь на процедурах, в Центральной Клинической... Не раз... Даже шофера посылал, хоть и работаю – в двух шагах... Не пошла. Не смогла...

Не шлось...

Очень трудно встречаться с веселыми еще недавно людьми, попавшими в безнадежную ситуацию... С человеком, которого выбирают тамадой последние 50 лет – ну всех застолий...

Не могла видеть глаза его, угасающего, – там, в близне неопределенности, завеси смутных полунадежд, развлекаая шутками, которых еще не изобрели...

А, впрочем... Что я оправдываюсь...

Просто – струсила... После медицинских стрессов, недавно испытанных, своих...

¹ Катафалк.

Не могла находиться среди этих шнуров реанимационных, попискиваний бездушных аппаратов и невозмутимых белых колпаков – слишком сильно было еще не отперезитое...

Каюсь...

...Фрагмент тот, ему высланный, вышел брошюрой, к его юбилею. Еле успела – за час отверстали! И вот здесь же, в этом зале, ее раздавали зрителям... Помню, как выхватывали из рук, тираж смехотворный был. Для него, Вагифа, смехотворный. Были и обидевшиеся на меня. Думаю, информацию о нем следует распечатывать для каждого жителя Земли. Пригодится, уверена. Потому что – про всех нас... Ответы на насущное. Пусть и – вопросами...

А он, юбиляр, сидел – воон в той ложе...

А рядом с ним его Нушаба...

Смотрю на нее теперь, в первом ряду, с платочком...

“*Bircə onu bilirəm ki, mən ölsəm, Nüşabə yazıq olacaq...*”¹

“В ложе...”

Вот и сейчас он – в ложе...

Значения менялись, не переименовываясь...

...уснул, проснув...

Слышу голос ее в трубке, взволнованный:

“Натаван, вы читали, что написали на сайте? “Заболевший раком Вагиф Самедоглу отправляется на лечение в...”

“Что мне делать, куда звонить им, а вдруг он прочтет?!”

Он одарил ее собой. Сказочно одарил.

Но и – нещадно опустошил...

Шутил со смертью – до последнего...

Хотя говорить, что она вовсе не расстраивала его, болезнь...

После прогулки вернулся домой удрученный.

“Меня никто не узнает – худой, без усов...”

Его паника была понятной. Человек, которому еще год назад никто проходу на улице не давал – ну все узнавали, каждый первый, а тут...

Он всю жизнь думал о смерти. Слишком рано с ней столкнулся. Мальчонкой был, когда погибла Лялечка, соседка, – в ашхабадское землетрясение, уехавшая на лето погостить...

¹ Одно знаю точно, после меня Нушаба будет несчастна.

“Описать словами то, что в этот момент произошло в моей душе, наверное, невозможно. Мне казалось, что все вокруг меня остановилось... Исчезли звуки, запахи, и даже краски слились в какой-то бешено вращающийся вихрь. Я стоял... и никак не мог понять этих безысходных слов... Ляли больше нет, и я ее никогда больше не увижу... Мне было восемь лет, и в мою жизнь впервые вошло это страшное слово – “никогда”...”

...Он был ребенком, когда сосед-пьяница выбросил из окна пятого этажа... свою дочурку – под ноги играющей ребятни...

“Моя мама тут же позвонила отцу, – пишет Вагиф. – Когда он пришел, то сразу же достал свой пистолет, подарок маршала Рокоссовского, и кинулся на лестницу. Но в этот момент наш сосед, дядя Сабзали, бросился к папе, обнял его ноги и начал неистово кричать: “*Biğaxtarım, biğaxtarım!*” Ты что, Самед! Из-за этого мерзавца хочешь погубить себя?” Прокурор республики Эфендиев, который тоже жил в нашем дворе, отнял у папы пистолет и сказал мне, чтобы я его куда-нибудь спрятал...”

“Это страшное слово – “никогда”...”

Кто знает, может, там они – корни его всепоглощающего интереса к Смерти, ставшей едва ли не главной героиней творчества...
Этой его смертельной эпопеи, длиною в жизнь...

*Yağış yerə yetə bilmir,
Ömür zalım bitə bilmir,
Ölüm, yaman yordum səni,
Qaç-a-qaça, addım-addım,
Ölüm, səni çox yaşadım...²*

“Умереть – значит перестать умирать”.

Не Самедоглу сказал, другой...

И вот она – тафə, мне знакомая, на сцене...

Не то что стояла наверху, никому не нужная...

Или то была бутафория... Да нет... Вот же она...

¹ Не пушу, не пушу!

² Не пролиться дождю до земли,
Не видать конца злодейке-жизни,
Смерть, я сильно утомил тебя,
Бывало, бегом, случалось, шагом,
Смерть, я исходил тебя...

(перев. Н.Ф.)

Но ведь он уже умирал – не раз... Когда “арестовали” тираж его первой книжки, когда изуродовали рукопись второй...

В зале ступить было некуда. Я смотрела на все прибывающих людей, с камерами-диктофонами... Где они были – с полтинник назад...

*...Весь мир другой,
Баку – другой...*

Maфə...

Оно стояло там... или лежало, черно-бордовое, устройство для будущих умерших. Переноска... Словосочетание-то какое – “будущих умерш...”

В его, Вагифа, ключе.

“Мне нужно пять лет, – сказал он врачу-кардиологу, узнав про больное сердце. – Мемуары хочу написать. Пять – достаточно...”

Не получилось пять. Меньше гораздо.

Но не только поэтому не написал.

“Воспоминания... они становятся безжалостными ...”

“...sən uzag yaşıl ada...”

“Ната, три года эта песня не шла в эфир, не пускали...”

*... я твое дитя,
выросшее
у чужих дверей...*

“Дописать великую книгу может помешать только смерть”.

Не помню, кто сказал. Не мой случай насчет “великую”, да и смерть его – она мне не “помешала”...

Непросто было – общаться с ним, на “пороге”...

С человеком, который не только все знает про тебя, но и просчитывает твою реакцию – на себя... В мою задачу входило не просто взять интервью с последующим включением его в книжку о нем, но и... развеять его. Хотя бы самую чуточку. Чтоб почувствовал, что все, как и прежде, и что выглядит он, как всегда, да и сам настрой – как в обычной беседе с людьми, полными жизненных сил и устремлений в будущее. Я все время боялась выдать свою тревогу, боялась, что он ощутит ее, прочтет в моих глазах... Старалась, как могла... Хоть и нелегко оно было...

“Тяжело больной поэт празднует свой день рождения”.

Помню, как передернуло, напоровшись на одном из сайтов...
Трудно мне пришлось, врагу не пожелаю...
Мажорить было глупо, минорить бестактно... Вагиф – он меж...
Аномальный он...

Или – атональный...

Что до места встречи... Выбор у меня был невелик, точнее, его не было – реанимация онкоотделения, куда я должна была приходиться с блокнотами-ручками...

Грызет это меня сейчас...

Как не пошла к Яшару Нури в свое время – тоже звал, туда же...

И так же потом лежал – все на этой же сцене...

Все та же Аздрама, все тот же катафалк...

Катафалк азербайджанской драмы...

“Монолог безымянного памятника” – так называется пьеса Вагифа Самедоглу с единственным действующим лицом.

Он предполагал предложить Яшару эту роль...

Так и не предложил.

Рукопись датирована 91-м годом...

Велик от Земли до Сатурна предел,

Невежество в нем я осилить хотел.

Я тайн разгадал в этом мире немало,

А смерти загадку, увы, – не сумел.

Ибн Сина, автор этих строк, явно погорячился насчет тайн, им “разгаданных”. Ну какую из болезней он разгадал?

А может, – в тяжести смысл...

В невмочности...

В стоне печальном, поте холодном, жаре огненном, потугах непосильных...

В безнадежности и неверии порой...

В отличие от Авиценны, Вагиф не разгадал ничего...

И не стеснялся признаваться в этом...

Я смотрела на него, многожды призывающего не бояться смерти, воспринимать ее как вечную, сакральную истину, не страшась физического исчезновения...

Узнав про диагноз, последний свой, Светлова вспомнил, поэта. Светло так вспомнил, не мрачно:

“Раньше я рак съедал с пивом, теперь он меня – без пива”...

Причин ухода из жизни немного, оказывается. Точнее, их ровно две. Либо ты умираешь от несчастного случая (насильственного или ненасильственного), либо, если повезет, естественной своей смертью. Она же рак – в большинстве случаев. Как по мне, уж лучше кирпич на голову...

“Очень недоволен Господом, что он не дал мне шанс погибнуть в молодости за Родину, или из-за Женщины...”

Жизнь как череда событий, которая не всегда приводит к счастью...

Он благодарный, Вагиф... В памяти остались слова его, сказанные под занавес юбилейного вечера, здесь же...

“Самед Вургун не смог прийти на свой юбилей, который проходил в театре оперы и балета в 1956 году. А я – пришел. В письме, адресованном пришедшим на юбилей, в самом конце его отец пожелал тогда всем самого дорогого из жизненных благ – здоровья. И я сегодня желаю того же – каждому из сидящих в этом зале...”

Чаще всего в жизни мы удивляемся двум вещам, если это слово вообще тут уместно. Это рождение и смерть. Об этом еще Пушкин говорил, ничто так не поражает наше воображение, как эти две новости. Известие о свадьбе столь не прошибает. Вот и получается, что удивляемся всю жизнь.

“Как, он умер?.. Что вы говорите, она родила?..”

Как – годовщина, неужели год как он ушел... О чем вы?..”

Невозможно привыкнуть к бегу времени, привыкнуть к обрыву константности – невозможно принять эту невозможность...

Смерть как опора – единственная, на которую можно прислониться в тяжкий час. Она не предаст...

“Ölümə inan, ölümə bel bağla” – уверял он, но не тут-то было...

Он ждал ее, как спасения, но она будто отошла в сторону... Та самая смерть, на которую он так рассчитывал...

“...Уходишь... успокоенный...”

Процесс затягивался. Панихида не начиналась. Я взглянула на часы. Свои, ручные. Они стояли... Услышали, что ли, мольбу?! Застыла стрелка...

И вновь – опоздание...

“Yaxşı deyiləm. Yaradıcılıqla bağlı planlarım vardı. İstədim ki, nəşə edəm, amma alınmadı. Bu vəziyyətdə əlim qələm tutmur. Baxaq da, bəlkə bu müalicədən sonra nəşə səhhətimdə irəliləyiş olarsa, yazmaq istədiyimi mütləq yazacam”¹...

Человек делает ошибки, как может, преодолевает препятствия, набирается опыта и – умирает. То есть, поняв худо-бедно что к чему, он не может воспользоваться всем этим ценным опытом, забрав его с собой. Выходит, в проблемах смысл, в трудностях, как и суть – в преодолении.

“Процесс – все, результат – ничто”?

Жизнь как бесплодный подвиг... К тому же:

“Сколько б ни писал, сколько б ни жил, жизнь твоя, как и творчество, всегда останутся половинчатыми”.

Сколько боли в этом выводе! А еще больше – неутолимой жажды бытия!

Сцена печали...

Смотрю на нее, в придушенном горем совсем не по-театральному зале...

А может, вновь не загорится

Теперь погасшее окно?

О, сколько в нем исчезло света:

Средь бела дня – совсем темно...

Голос в диктофоне...

Не слабый, нет, чуть дрогнувший...

С паузами – как предпочтением мне внутренней тишины.

Тиши в себе...

Друг,

когда я умру,

*включи-ка на память магнитофон,
возвращающий звуки.*

Еще раз послушай

отзвучавшую мою душу,

стуки сердца

после разлуки...

¹ Нехорошо мне. Были планы, связанные с творчеством. Хотел что-то сделать, не получилось. В этом состоянии рука не держит ручку. Посмотрим, может, если после этого лечения будут улучшения в здоровье, я непременно напишу то, что хотел.

Это отрывок из стихотворения, посвященного Анару...

...Анар был краток, как никогда:

“Səməd Vurğun ailəsi sonbeşiyini, Azərbaycan ədəbiyyatı böyük şairini, mən dostumu itirdim. Vəqif ölümə yazsa da, həyatı çox sevirdi. O, bizə kişi kimi yaşamağı, ölümü kişi kimi qarşılamayı öyrətdi”¹. Сдавленная слеза не давала говорить. “Mənim üçün dünən dünya boşaldı...”²

Помню, как вызвал меня...

“Что пишешь?”

О Расуле, говорю, огромный получается, не могу собрать...

“Знаешь что, Расул подождет, пойдя к другу моему Вагифу, юбилей у него. Сделай книгу – у тебя получится, вот увидишь”...

“Расул подождет”...

Странно, выходило, что у ушедшего из жизни есть время на ожидание, а у еще живого... Неожиданное “просветление” – и какую такую “логику” усмотрел в смерти Вагиф?! Хотя...

“Родился в 1939-м, в 1937-м посадили”...

...kişi kimi...

Люди бывают двух видов – хорошие и плохие. Есть, правда, еще одна категория – *киши*. Слабочисленная категория. От слабó. Поднятый тост за опального Бродского в тогдашнем Ленинграде... Для этого надо было быть Вагифом Самедоглу. Аналогия выскочила с Ростроповичем, укрывавшего Солженицына на своей даче. Просто о втором факте слышан весь мир, а вот о первом... Правда, второго выслали из страны за “святотатство”, а первый...

Может, тотем спас, тотем года его рождения, кот, он, говорят, не дает пропасть своим “подопечным”...

Хотя... Ростропович Мстислав тоже ведь – в год кота... Ну да, так ведь и он – не пропал, лично состоившись...

...Мысль разбредалась, путалась, не управлялась...

Не знала про историю с Бродским в момент встречи, жаль, распросила бы...

Как не знала о том, что он, Вагиф, рвался в митинг диссидентов на Красной площади – в знак протеста против “Пражской весны”! Еле оттащили...

¹ Семья Самеда Вургуня потеряла своего младшего сына, азербайджанская литература – великого поэта, а я – своего друга. Вагиф, хоть и писал о смерти, очень любил жизнь. Он научил нас жить как мужчина, и встречать смерть как мужчина.

² Для меня вчера мир опустел.

“...Больше всего на меня подействовало, что чешская молодежь, поднявшись на памятник Яна Гуса, закрыла ему глаза, чтоб он не видел... Несколько дней не мог прийти в себя. Думал: какой смысл после этого жить”... “Во всем мире пусть воздвигнут памятник Яну Гусу с закрытыми глазами...” – напишет Вагиф.

Он хотел проделать то же самое с памятниками азербайджанских поэтов и писателей – закрыть им глаза, когда спустя четверть века, “в осажденном Баку советские войска учинили кровавую бойню против мирного населения...”

“... Хотелось повторить... но, к сожалению, не получилось...”

О весне той, задушенной, он поведает Мухаммеду Физули, посвятив ему стихотворение – об этой своей боли:

*...Тебе и во сне не приснились бы
танки русского царя...*

*...Знаешь, времена переменились,
Меджнун насвистывает на углу...*

*... Узбеки презентуют халаты
на твоём юбилее...*

*... Знаешь, дороги, ведущие к надеждам,
уже перекрыты неуложенными заборами
недостроенных тюрем...*

*... Полночь, луна желтым-желта,
что я пристал к тебе?
Падаю с хребта
неоседланного мира...¹*

Как же многого я о нем не знала! О том, например, что он номинировался на Нобелевскую премию, в 96-м году. Из сотни мастеров слова по всему миру набирали, жестко отсеивали. Вагиф вошел в эту сотню. Потом в оставшуюся девятку. Немцы с упоением часами слушали его стихи на азербайджанском, а он все сочувственно удивлялся – что они там понимают? Много чего тогда из него перевели, он не догадался взять себе. В голову не пришло. Так что, неровен час, история с Боденштедтом будет иметь...

Все может быть, тем более – с Самедоглу.

Истории, говорят, свойственно повторяться...

¹ Дословный перевод.

Нами правит два бича – неразумение и недоразумение. Но, как ни странно, у неразумных недоразумений по жизни меньше... Не мной подмечено, гора наблюдений на этот счет: “Многие знания многие печали”, “Познание умножает скорбь”, “Горе от ума”...

Все было как-то тихо. Нешумно. Как он любил, Вагиф...

Vaqif... sonbeşik¹...

Дядя мой, родной, Вагиф, тоже был sonbeşik... И так же – два брата, одна сестра...

Юсиф ходил на скрипку, сестра Айбениз на фортепиано, а младшенького, значит, посоветовали на виолончель...

“Спасибо отцу, он избавил меня от этой тяжелой участи – таскаться с инструментом”...

¹ Вагиф... младший.

Впрочем, тяжело ему было и без виолончели, потому что он уставал от... красоты. Уставал от хорошей музыки симфонической, книг...

“Читая любимые произведения Чехова или что-то из Гегеля, Шопенгауэра, я обращал внимание, что безумно устаю. Знакомиться, узнавать талантливое, гениальное – это проделывание какой-то работы жуткой. Я занимался всю жизнь этим... Это непрекращающаяся работа мозга. Это большой груз – равносильен физическому”...

...От Канта до кантаты... От Шопена – до Шопенгауэра...
Равносильен. Не оспоришь...

Катафалк...

Не здесь – в филармонии, в ее траурном убранстве...

Я провозжала Кара Караева – до самого Почетного захоронения...

Дорога шла в гору...

Тяжеленный венок, непосильный для хрупкой третьекурсницы, в душный майский день... Сама выбрала – чтоб побольше... Я неслла его вдвоем с Шовкет ханум Алекперовой, которая поменялась с моим напарником-шведом с середины пути, завидев мои мучения... И все пыталась оттягивать его, венок, на себя, приподняв, чтоб мне полегче...

Дорога казалась бесконечной, а время – остановившимся...

Это было Шествие – то самое, караевское...

Вернее, “Странствие”¹.

В голос плачущая Шовкет ханум...

Ошеломляющая кантилена его “Альдонсы”², струящаяся над кладбищенским оцепенением...

Было это более 30 лет назад...

Сцены разные, драма одна.

Караев, которого он...

“Люблю его... Он не раз меня защищал – от нападков...”

... Гении часто уходят “вместе”. Давно наблюдаю...

Вот и Вагиф ушел с...

Образцова, Демис...

Музыкант он...

¹ Название пьесы из “Симфонических гравюр” К.Караева “Дон-Кихот”.

² Из того же произведения.

“Черный январь”...

Чуть позже уйдут писатели Яшар Кемаль, Валентин Распутин, Гюнтер Грасс...

И легендарный джазовый трубач Кларк Терри...

История человечества – это история годовщины... “Антология” их...

А еще “уйдут” политика Немцова....

“Судьба и характер – это разные названия одного и того же понятия”...

Художник – чиновник...

У Юсифа Самедоглу как-то спросили: почему не выдвигаете свою кандидатуру?

“Я бы выдвинул, а вдруг – выберут? И что тогда я буду делать?”

Брат его, Вагиф, тоже не знал ответа на этот вопрос.

Он даже себя не знал. Самохарактеристика – в охвате от неандертальца до... Гете...

Высокопоставленный чиновник... Мало кто не захлебнулся в такой ситуации от эйфории по имени “Кресло”. Но только не он.

Остаться собой – непосильная для многих ноша...

А народный поэт – это когда всенародный. И горюют без разбору о тебе – оппозиционеры, не оппозиционеры...

Он ведь был одним из тех, кто приблизил нашу независимость, одним из первых включился в народное движение. Кто не помнит его выступлений на многотысячных митингах, которых не ждали – жаждали! Именно тогда он впервые заговорил о национальном одиночестве, как ужасающей трагедии народа...

Именно тогда вырвется из груди его:

“Не отвечая на призывы, мир вращается, как глухой...”

Ему всегда доверяли. Искренности его, духу диссидентскому... Тому самому, которому он не изменял. Никогда. С юности.

“Вагиф уже тогда был свободнее всех нас...” – заметил как-то Анар.

И вот – плачут, взрослые мужики, украдкой...

И не только политики.

Фахраддин плачет, Манафов.

“*O tənim əsamdır*”¹ – говорил Вагиф про любимого актера, сопровождающего его на всех последних мероприятиях, помогая подниматься на сцену, спускаться с нее...

Мафə в театре.

Театре нашей жизни...

Она стояла на самом верху его, в каком-то одном из холлов, куда я забрела, заблудившись – в своих мыслях, обстоятельствах того вечера...

Приготовленная в ожидании...

Кто только не полежал в ней – вся история искусства Азербайджана, его лучшие представители...

Страшно это, видеть классиков... вот такими видеть...

Афрасияб Бадалбейли вспомнился, на первом этаже тогдашней больницы Лечкомиссии, в приемной, на носилках... Он еще дышал, я даже воды ему налила... Лет 15, наверное, мне было, бабушку свою пришла навещать... Он не выпил тогда... Не смог выпить... Бледный был и очень худой...

Автор первого азербайджанского балета...

Катафалк на сцене...

Он помнит всех – достойных и не очень...

Кому это еще предстоит...

Мы уйдем, а он останется.

Пойдет к себе туда, на четвертый, кажется, этаж и станет в ожидании...

Я понимала Вагифа все больше, понимала его упадничество, видела его резоны...

Все очень серьезно, господа...

С другой стороны...

“Если бы одни из нас умирали, а другие нет, умирать было бы крайне досадно” – резонно подметил Ж.Лабрюйер.

А коли так – оно почти весело...

Сцена предо мной...

Всматриваюсь в нее, и плывут наблюдения великих о...

¹ Он – моя опора.

“Смерть – единственная вещь, которая больше слова, ее обозначающего”...

“Мысль о смерти более жестока, чем сама смерть”...

“Я не боюсь умереть. Я просто не хочу при этом присутствовать”...

А это Бродский Иосиф, его любимый:

“Смерть это то, что бывает с другими”...

Жизнь как дорога, ведущая к... иллюзии...

Это я поняла. Как поняла и то, что не госпремиями знаменен и памятен человек, и не гострудами. Смерть выпячивает относительность мирского; в небытии все эти “героизмы” теряют свой когда-то сакраментально мистический, непререкаемо недостижимый смысл. День спустя картинка совсем другая. К чему она – эта “дополнительная” слава? Кому она нужна?

Да и – на что тебе пантеон, если ты в аду?

А еще можно умереть – не умерев... И такое видели...

О многом я не спросила Вагифа. Например, кем он был в прошлой жизни?

Он не мог этого не помнить...

“Все молитвы назад возвратились ко мне”...

Божий он. Обращения вверх – на протяжении всего нелегкого пути...

... На нелегком пути к вере мы часто совершаем ошибки, но – ошибки ли это?

Законы божьи редко совпадают с человеческими. Впервые задумалась об этом, увидев Муслима в... саване... Вот оно – *qismət oldu*¹... Рьяный праведник – это уж точно не про него, как мне представлялось. Казалось бы, ничто не предвещало “такого вот конца”. *Kəfən*...² Имя его, *Müslüm*, возможно, “сходатайствовало”, или... У Бога свои расклады... Душой чистым вышел – скорее всего... Каноны Неба и общества далеко не идентичны. И если человек намерен осуществить этот самый промысел Божий о себе, то дается ему Благо... Божий покров простерт над теми, кто...

Вот и Вагиф...

“*Dayandıq üzümüz dənizə sarı*”³...

¹ (здесь) Так Бог распорядился.

² Саван.

³ Мы стояли, глядя в сторону моря.

Строчка из знаменитой его песни. Неправильная строчка, у Вагифа было – “Qıblaya sarı”.¹ Не пропустили тогда, пришлось... Собственно, море – оно и было для него, как... Не сильно исказили, выходит... А так... Верный он... Песни перестал писать после ухода Эмина Сабитоглу... Пьесы – после Гусейнаги Атакишиева, режиссера и друга... Понятие греха – оно достаточно вольное...

*Раскрой глаза, пиши, излейся,
живи, возрадуйся и смейся,
налейся всклень, по самый край,
опустошайся, умирай...*

Мы приходим в этот мир со своим лимитом. Каждый со своим. Лимитом слов и скандалов, слез и обид, высказанного и невысказанного... Со своей порцией таланта и бездарности, злонамеренности и святого простодушия – и это-то уже пройдя опыт Моцарта и Сальери!

... Мы рождаемся с уже заданным лимитом – потерь и утрат... людей, вещей... разбитых тарелок и сердец... коллекцией диагнозов – правильных и неправильных... выпитой эссенции и раздавленных божьих коровок...

...с арсеналом добра и зла, включающем в себя – затоптать, вышвырнуть, не заметить – ну и т.д. Приходим, сотворив эту свою пресловутую “порцию”... И что интересно – уходим, все до единого – симпатичные и не очень, принципиальные и беспринципные, исходящие исключительно от себя и – *молящиеся за планету*...

Непременно уходим – люди и нелюди...

“Подлая штука – болезнь. Но знайте – Вагиф не из тех парней, кто сдается раку...”

“Я не верю в болезнь Вагифа Самедоглу, – убеждал всех на памятной той презентации Вагиф Алиханлы. – Не верю!”

Оптимизма его никто не разделял. Начиная от виновника торжества, и кончая им самим... Это читалось в воздухе...

...Что чувствует человек при виде безнадежно больного? Что все мы чувствуем, если совсем по-честному? Радость, как ни странно. Подспудную радость от собственного здоровья, дающего возможность творить...

Зло, например...

¹ “В сторону Киблы”. Кибла - ориентир, к которому обращают свое лицо мусульмане всего мира во время молитвы.

“...Знайте – Вагиф не из тех парней, кто...”

“Не стыдно проигрывать Богу”...

Книжка о нем... Он успел ее прочитать – в рукописи...

Тот, *предсмертный* ее вариант...

Я была у него – за несколько дней до...

Сам поход к нему требовал немалого мужества, объяснение которому – БОЛЬ...

Пошла. Хотелось обговорить какие-то вопросы по верстке, подаче этой книжки. Хотелось выслушать его соображения, придумала даже взять факсимиле...

Но, увидев представшую мне картину...

Он был очень плох...

Лежал, потемневший, в жарко натопленной комнатке, мерз, наверное, и смотрел телевизор – передачу ни о чем и почему-то с очень громким звуком... Может, пытался заглушить студеное безмолвие в себе, которое, нарастая...

“Я еще живой и буду жить... пока есть звуки...”

Увидев меня, улыбнулся, силился даже приподняться на локтях – не получилось. Протянул ко мне истощалые руки...

Я поцеловала его, размахивая принесенными листочками – “видите, все, как обещала...”

Он благодарил, удерживая мою руку в своих, и глядя на меня вдруг ставшим оживленным лицом...

Мучительно улыбнулся – остатком жизни в себе...

Извинился, что не сможет сегодня... Никак не сможет...

И – вновь – “простите меня, ради Бога ...”

Больно было видеть его, как больно видеть эту неузнаваемость физическую...

Я впервые ее ощутила – болезненность всего организма...

ВСЕГО!

Или – так хворает душа...

“...Простите...”

Перенести встречу на “другой раз” он мне не пообещал.

Я вышла из комнаты...

Прости...

Прощай...

Это синонимы, оказывается...

*Быть может,
это мое здоровье
кто-то недобрый
когда-нибудь сглазит...
И тело мое, как-то
вдруг занедужив,
в бессилии немочи –
миру предстанет...*

*Фиалка на полянке
и соловьиный шелк –
все в одночасье
станет мне обузой...
Моей рубашки
невесомый шелк
падет на плечи –
непомерным грузом...*

*В один из дней,
проснувшись поутру,
я гляну в зеркало,
усталый...
И, не узнав себя,
его рукой протру,
то Отражение –
чтоб прежним стало...*

Стихотворение это с пометкой – “Нушабе”... Отрывок из него. Написано оно в... 1995-м... Я и не поняла, как перевела его на русский – до того пробрало!

Стихотворение-провидение – за 20 лет до...

Сценарировал, что ли, жизнь свою...

“... А он пошел за клеткой для попугая новопривывшего, хочет научить его говорить”...

Наверное, была у него своя методика, ускоренная, знал ведь, что немного... недолго...

“... *Nüşabə yazıq olacaq...*”

Сижу в зале, смотрю на сцену...

В чем ценность жизни? Неужели в ее краткости? Или же как раз наоборот – скоротечность и обесценивает эту самую ее ценность?

Мне никто не отвечал...

Тихо было, до скрипа зубов... Тишина переполняла зал театра, расстирая стены... Казалось, вот-вот рухнет, не выдержав, крыша...

*... Когда падает крыша...
Сожженного нами крова...*

...Ему предложили биотерапию – так, кажется, она называется, в последнюю его поездку в Израиль... В вену какое-то вещество вводится, каждые три недели – на десять, сказали, процентов продлевает жизнь...

“Я вам не подопытный кролик!”

“В вашем случае терять нечего – вы должны согласиться...”

“Я уже высказал свое мнение – НЕТ! Домой!”

Он пел – здесь, в Баку, за день до...

“Мне хорошо, – объяснил удивленным родным, – очень хорошо. Вот и пою...”

*Аллах, как Ты?
Что слышно обо мне?
Ночам я сам веду счет, а утро...
Сколько их осталось мне?
Понравлюсь ли я тебе,
Каким найдешь меня,
Раба твоего?
Аллах, мне как –
Самому прийти
Или пришлешь кого?¹*

Уходил мужественно.

Почувствовав приближение неизбежного, попросил всех выйти из комнаты...

А до этого, проснувшись...

“Шпроты хочу – четыре штуки... и с лимоном”... Съел одну штучку...”

Нушаба ханум рассказывает мне, теребя пальцы.

“...Обтерла ему рот, он поцеловал мне руку... Галантным был всегда. Даже в самый свой... А потом ему стало плохо... Скорая сделала морфий. Он все понял. Ясно, четко представлял и видел, как уходит. Комментировал даже...”

“İçimde elə bil kran açılar... eşidirsən şırıltısını?”¹... У него набиралась жидкость, которую врачи не стали спускать, сказали, что он не выдержит, упадет давление и тогда...

И вдруг – “gedin hərrənin...”²

В комнате были самые близкие. – “Oturmaın burda...”³ Заставил всех выйти, прямо выгонял... Уверял, что ему хорошо.

“Смотри, я сейчас засну, смотри, уже засыпаю... видишь...” Все вышли.

Я не выдержала долго, приоткрыла дверь, зашла...

“Нуша, ölürəm⁴, – мигнул мне, улыбнулся.

– Səni gözləyəcəm...”⁵ Он на меня так посмотрел, сложил руки на груди... пытался сложить, не получилось...”

...Они упали в пол... вдоль кровати...

Утро – сизо-дремотное... скрывающее преступление ночи...

Утро-соучастник...

...Она рассказывает, как он...

...мечется по опустевшему дому, стенам...

...под звонки на ЕГО телефон...

¹ Внутри меня будто кран открыли. Слышишь, как шумит?

² Выйдите прогуляйтесь.

³ Не сидите здесь.

⁴ Умираю.

⁵ Буду ждать тебя.

Из последних стихотворений...

*Sevgilim, mən öləndə,
Bir küncdə xısın-xısın
Ağlayacaqsanmı sən?..*

*Sevgilim, mən öləndə,
Soraq sənə gələndə,
Düşmən gözü güləndə,
Ağla, olanım, ağla,
Ağla, qalanım, ağla,
Ağla, mən ölüm, ağla...*

Он оплакивал себя – ее слезами...

Ну как такое переведешь?

И не пытаюсь, памятуя...

“А все и не нужно переводить, неправильно это... Ужас! Убийство песни, чего там...”

Причитания...

голошение...

реквием...

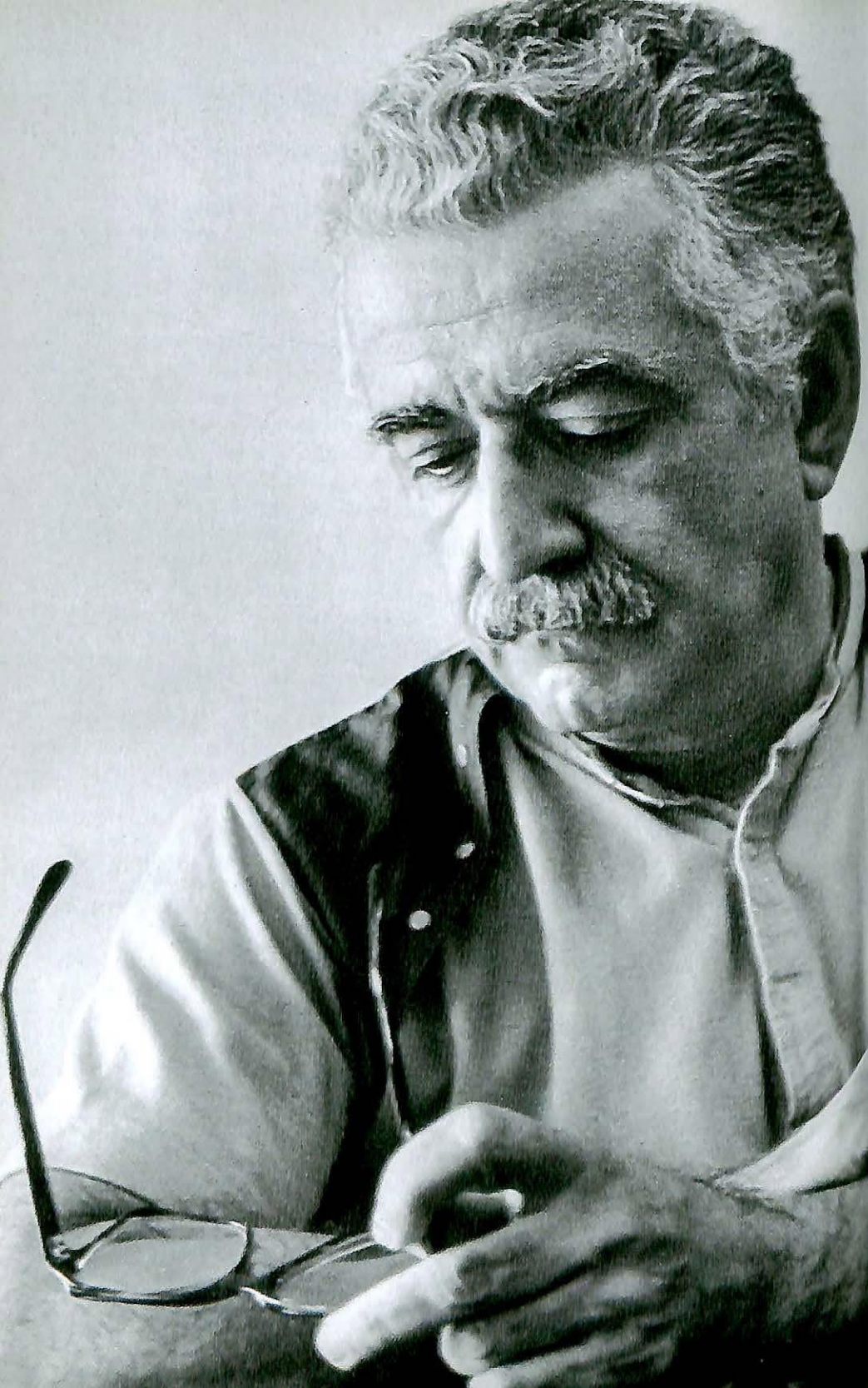
Плачь – единственная моя...

Плачь – все, что есть у меня...

Плачь... Умоляю тебя...

Его выносили – под плачущие аплодисменты...

Аплодисменты неодобрения.

"Хочу, чтоб Солнце хоронило..."

...Хоть раз в жизни любой из нас да проедется зайцем.
Даже самый честный...
Билет в один конец...
НепроПЛАЧенный...
Еду в автобусе провожать того, кто...
Да вот же он, воон, впереди... под ковром...
Впереди... Как всегда...

*...Ты мне вслед посмотри, как лечу я верхом –
Отвернись, коль меня повезут...*

...Агонии не было, галлюцинаций тоже, хотя...

"... *Pariltullı geyimdə uşaq keçdi*"¹...

Дважды произнес, с интервалом...
А память послушно выдала фрагмент – из беседы той, нашей:
"Мистика... Наблюдениями такого рода не поделитесь?
Какие-то необъяснимости – когда вне твоего сознания..."

"Встречался с какими-то ее элементами... Может, мне казалось, что это мистично... Какие-то элементы – как краска..."

"Pariltullı geyimdə..."
"Как краска..."

Не казалось...
Он предвидел свою агонию...

¹ Ребенок прошел, в блестящей одежде.

*Аллах,
Мне самому прийти
Или пришлешь кого?..*

Из последнего стихотворения. Совсем последнего..

*“...uşağ keçdi...”
“...или пришлешь кого?..”*

*И в небе журавлиный клин
Сулит не встречу – расставанье,
Неотоснившиеся сны
Подвержены истолкованью...*

Погода стояла...
Стояла. Майской декорацией в театральном спектакле.

*...Остатки летнего тепла
Судьба излишними сочла...*

Не сочла...

*“Я понял, что прожил эту жизнь без гонора”...
Осечка. Да вот же он. Вернее, она...*

*“Пепельница”... с дымящейся сигаретой у свежей могилы...
Ее соорудил какой-то парнишка. Нашел ракушку, выкурил сигарету и вложил в нее – пусть он там...*

*Сизый дымок взялся вязью ненаписанной вирши...
Такого “вечного огня” мне еще видеть не доводилось...*

Живописно так вился – в покойный, солнечный совсем не по-январски, день...

“Для Бога нет мертвых – все живые”, вспомнились слова проповедника.

*Dar məzarı istəmirəm,
İstəmirəm kafəni,
İstəyirəm yazda qar tək
Günəş basdırsın məni...*

*Я не хочу могилы тесной,
И савана не надо мне,
Хочу, чтоб Солнце хоронило –
Растаять снегом по весне...*

– стучало рифмой во мне...

“Игра в снежки летом” – так называлась одна из его книг.

Он “диктовал” свои условия, продолжая свою беспощадную режиссуру...

Пели соловьи...

Или это птички его, прилетели за ним, проводить – те самые поугайки... из дома...

*Я все смотрела на ту ракушку, с дымком...
“Кладбище стихов во мне... их не воскресить...”
Он ошибся.
Я продолжала листать их...*

*Дымок вился, рождая живую материю...
Из ракушки...*

Он жил в смертях, а умер – оживая...

Жемчужная раковина...

Жемчуг – он же перл!

Я не могла отыскать в сумке свой телефон, чтобы заснять...

Сумку не могла отыскать – оставила на чьем-то надгробьи...

Ракушка! Один из элементов защиты в космоэнергетике. Что-то вроде оберега... Захлопнувшаяся дверь – от нечистот...

Вряд ли парнишка тот знал об этом... Просто подобрал, что на глаза попало...

Драматургией правил не он, а совсем другой...

...тот, кто жаловался в последнее время на...

“Плохо сплю... непродолжительным сном...”

“Непродолжительным”...

“Покойник” – от “покой”...

Этимология работала бессбойно...

“Давайте жить так, чтобы даже гробовщик оплакивал нашу кончину!” – сформулировал когда-то Марк Твен.

А вот и он, гробовщик. Стоит, оперевшись, на черенок лопаты – той самой, которой он намеревался... Стоит, румян, свеж, с холемым животом... Он взирал по сторонам, с безразличным любопытством разглядывая пришедших. Всех, кроме одного... Стоит в ожидании старта... Равнодушный интерес – вот что читалось на его лице. Дело было привычное.

... Он почему-то не плакал.

Или, может, Вагиф прожил как-то “не так”... Не по Твену...

Не сразу пришла мысль сфотать его, хоть и “просился” на кадр. А когда пришла, было поздно, в упор смотрел. Может, учуял...

“Интеллектуальный труд равносильен физическому”, уверял Вагиф...

“Равносильен”... Усомнило... Изрядно...

Глядя на переупитанного, с лопатой, и белую полосочку в черной бреши... которую ему предстояло...

“У Вас какие-то ограничения в питании?”

“Нет. Никогда не придерживался. Тем более, сейчас... уже не имеет смысла...”

Невесомый... переполненный...

...полный... пустой...

Дуб тень отбрасывал на землю –

Я видел это наяву,

И до оскомины

Впитался цвет листка в траву...

“У всех цветов спектра тень одного цвета”...

Я видела это наяву...

“Исчезли звуки, запахи и даже краски слились в какой-то бешено вращающийся вихрь”...

Долго находиться в очках Самедоглу невозможно...

Он то попадал в свои “предписания”, то промахивался...

Но и промахиваясь – попадал...

Лопата, земля...

“Кладбище” – от слова “клад”...

Еще одно светлое открытие того черного дня...

Я впервые видела могильную яму. Сама не поняла, как оказалась у самого ее... И отчего-то – не содрогнулась. Смотрела в ее ждущие объятия и удивлялась... себе. Ничто не испугалось во мне. Семь лет как не стало моего брата, а я все еще не видела его могилы. Не могла и все тут...

А тут...

Стояла, смотрела и не... Заиндевели в коматозе, или, пребывая в двух состояниях... Это Вагиф сделал меня непроницаемой...

Как же многое он мне подарил! Даровал, можно сказать, это ощущение небоязни, этот эликсир органики Бытия...

Без пресловутых переходов в...

Бытия – без контрастов...

Без мостов и занавесей...

Вот оно – “Гении учат и после смерти”...

Нет!!! Уже самой своей смертью!

Вагифа провожали тихо. Без речей умогильных и клятв в вечной памяти...

Смысл клясться? Клясться в том, что яснее дня?

“Клянусь, что это верхушка кипариса, а не сосны или елки”...

Тихо было. Все молчали, плача.

Говорил он...

Или – земля...

“Голос земли”...

“Хочу, чтоб Солнце хоронило...”

“Səsim gəlir?”

“Hələ bir müddət gələcək...”

*... Поставьте туда
пару башмаков,
Пусть разутый
обуется и уйдет...*

Тишина стояла мертвая...

*... Море затихло,
Уснули волны...*

... вздрогнула у “порога”...
Того самого... “распоротой”...
увидев...
Да вот же она –
пара башмаков... черная...
та самая... у могилы...
вырытой...
пара башмаков...
все, как завещал...
не мираж вроде...
зря он не верил в мистику...
кто-то нырнул туда, разувшись,
для того чтобы...
не знала про такой ритуал...
впервые видела...
я обреталась в двух ипостасях,
точнее, одной...
полуживой...
размытый снимок получился...
с мобильного...
как его размытые истины...
рука дрожала...
сердце билось в плечах...

В пульсе межмирья...

“Хочу, чтоб Солнце хоронило...”

Он вверг меня туда, купировав выходы...

*...И чьи-то руки задрожали,
И поселился в ком-то страх...
Во тьме – сплошной скалы надгробье:
Победу торжествует прах...*

“Пусть разутый обуется...”

Я оглянулась – разутых не было...

И Билл Эванс не звучал, его любимый...
Как ему того хотелось...

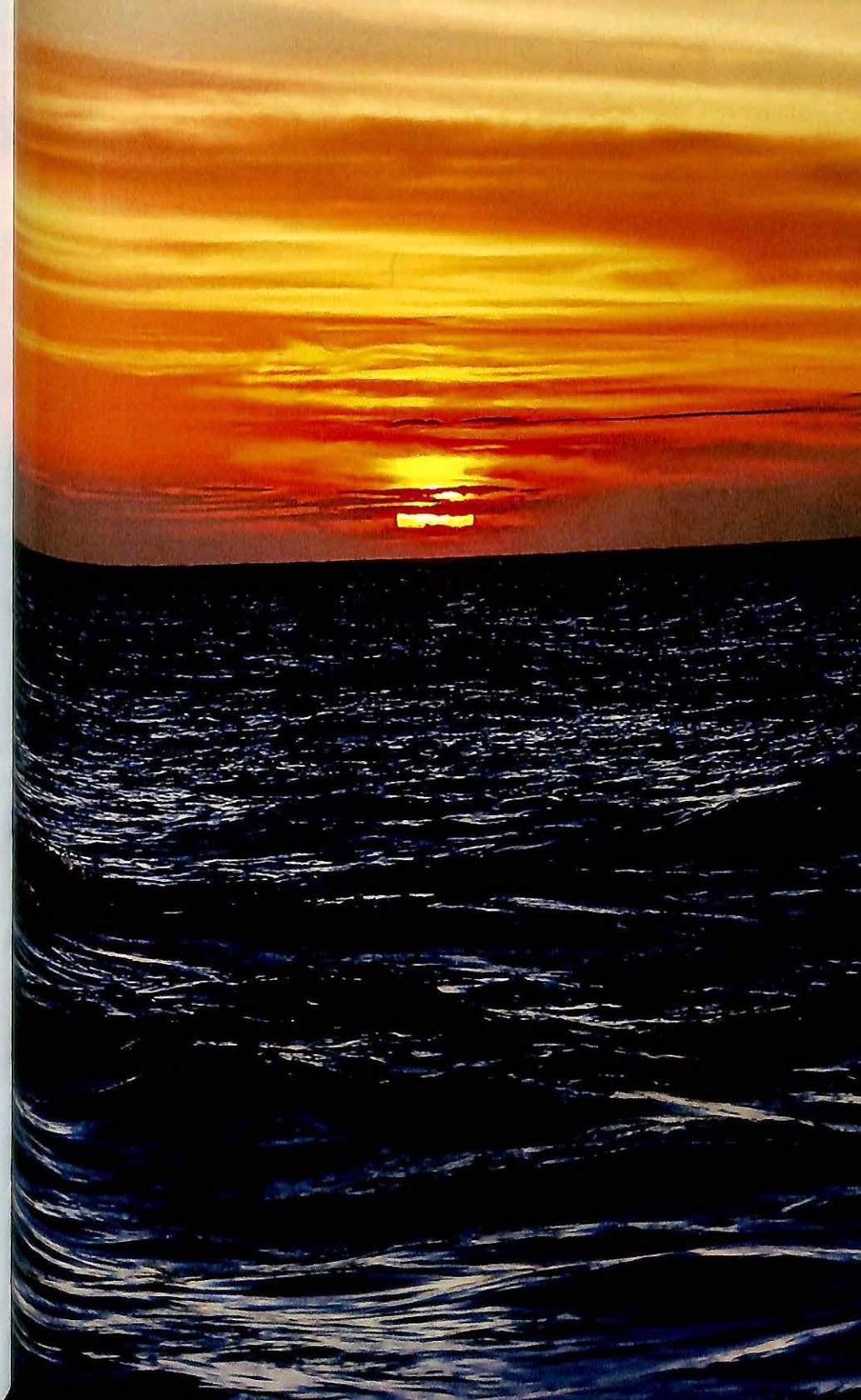
*... осиротелые листья
Стенают на весь белый свет...*

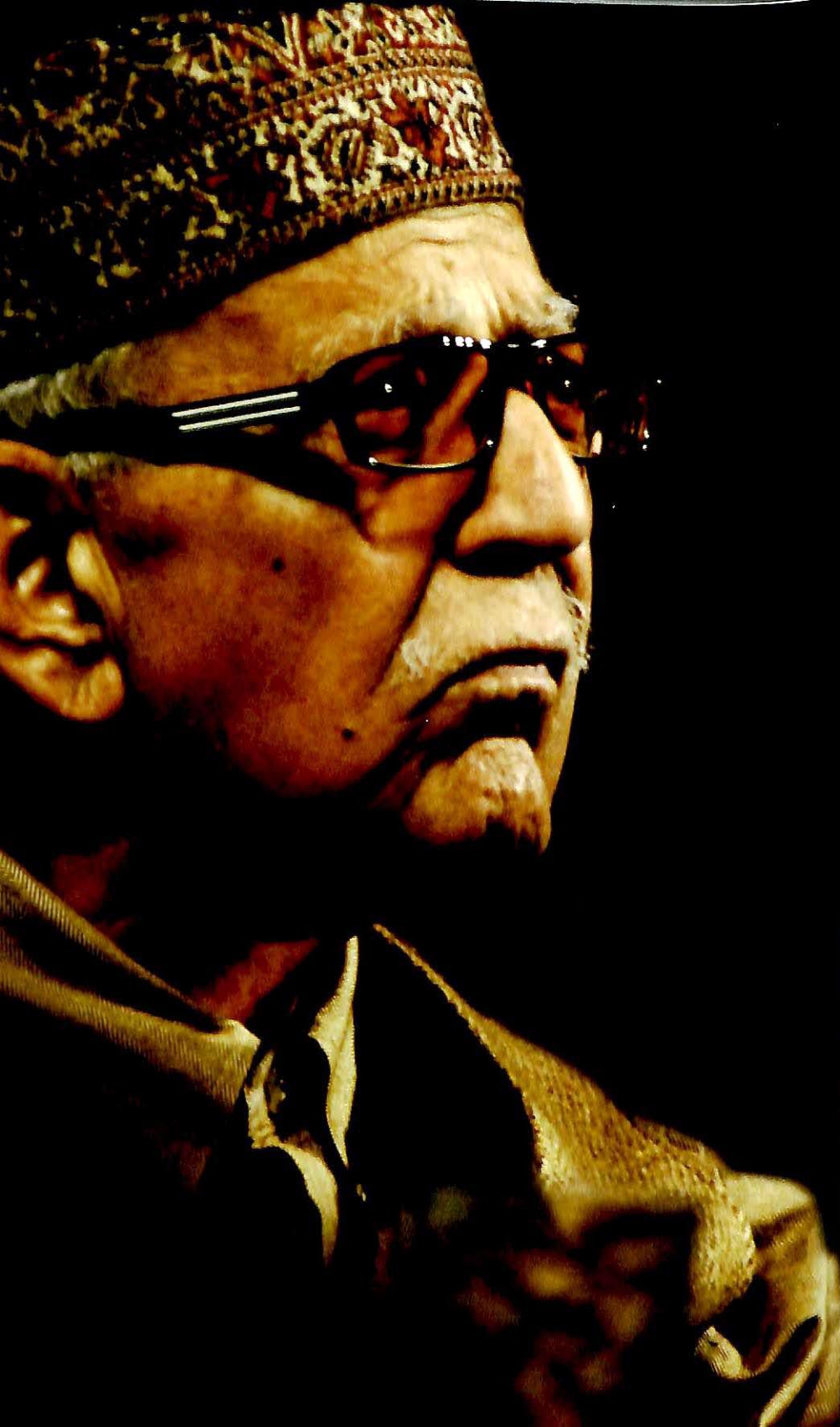
...Я пришла к нему, домой, его там не было...
Гостиная, та самая, где мы с ним “болтали” – я не узнавала ее.
Будто обузилась. И дверь входную не узнала, проскочила этаж –
туда, повыше...

Собственно, он ведь и был уже где-то там...
Как часто, не обдумывая, мы делаем куда как верные шаги...

...Межмирье...

*Может, это и есть
единственно верное
местонахождение
всего сущего,
его точный
адрес???*

"Qıbləyə sarı..."

*Всевышний,
Кто есть у тебя,
Кроме меня, на этом свете?
Кто у меня есть, кроме тебя,
Во Вселенной?
Ты один
и я – один,
Всевышний...¹*

Яс²... Тəзəрiр³...
Вошла и растерялась – в тот день здесь поминали троих Вагифов.
Три одинаковых имени высветились на табло у входа...

...Лишь Бог знает, когда это произойдет, и с кем...
Или вот так – сразу с тремя...
На каждый этаж мечети – по одному...

Его яс.
Все как положено, аромат риса, халвы, гул людской, зычный
глас моллы...
Все было как всегда и у всех.
По ихнему, но не – по нему.
Ничто не разверзлось...

¹ Перев. Н.Ф.

² Yas - поминки.

³ Мечеть, где проводятся поминальные церемонии.

Назойливый голос чтеца Корана едва доходит до слуха...

Коран... Что мы знаем из него?

Много чего. Например, ускорится течение времен, люди станут соперничать в строительстве высотных зданий, *arvad ilə kişi bir olacaq*¹...

Это все? Почти.

Он знал больше...

“Поэзия начинается с молитвы”...

Вот оно!

Недаром говорят: когда ты обращаешься к Богу – это молитва, когда он обращается к тебе – это вдохновение.

Оба варианта – о нем...

Верущий-неверущий... Три жены, как и полагается примерному мусульманину... Тут сошлось. Пил, правда, случилось...

Не буду изображать из себя слепо-глухо-немую – теснила она его порой, скучноватая добродетель... Спасаясь от ледящего холода моральных догм, он бросался в ...

Бросался. Бывало. Может, спасался от безропотности, ведущей к психологии поджатого хвоста... Как знать...

И при всем при том, он Божий...

Такая вот форма святости. Ее “окольный” кровоток...

К чему искать исход

жизни

и смерти?

Ведь живу,

как солнце и луна,

пронизанный с головы до ног

надеждой...

...Существует какая-то путаница в понятиях о нашей, земной справедливости и справедливости Высшей, Божественной. Человек всегда исходит из своих, сиюминутных интересов и выгод. В основе “недовольства” – куда смотрит Бог? – чаще всего чувство обделенности: почему тому-то дадено столько-то, а мне – всего-то навсего... При этом не даем себе труда задуматься, о том, что это только на поверхностный взгляд, и в конечном итоге непременно срабатывает компенсаторный механизм, ко-

¹ Женщины уравняются с мужчинами.

торый и регулирует, ставя все на весы. Неслучайно ведь слепой слышит острее, да и все остальное у него развито гораздо сильнее, нежели у других – обоняние, осязание, вкус, реакция и т.д. То же относится к распределению способностей или талантов – их обладатели, будучи щедро наделены-одарены, уступают в чисто житейской устроенности или везучести...

Божий он. Неспроста ведь ему посвятили книжку друзья: *“Vağifə Qurx dua”*¹. Уже после...

Многим ли довелось удостоиться подобного?

Не припомню таких. А все оттого что...

Можно внести вклад в сферу какую-то определенную, а можно...

Он внес вклад в... сердца...

“Братья – не те, кто от одной матери с отцом, а те, кто от одного Бога”.

Ни от одного моллы не доводилось слышать такого...

Религиозный ренессанс, который мы сегодня наблюдаем, о чем он говорит? О чем угодно, только не о богопослушании. И уж тем более не о нравственном прозрении – не по тому поводу колотятся. Бартер? Скорее всего, по типу – ты мне, я – тебе. Что-то вроде разменной монеты...

Прозревают единицы, и то из тех, кто зрячими пришли.

И вот за ними – правда.

“Ой, как я боюсь этих однозначных ответов, Ната...”

Не услышалось, нет – услышала.

“Но ведь, Вагиф муаллим, в Коране есть такая мысль: право всегда меньшинство, а не большинство. То есть, общепринятые стандарты большинства, если их соблюдать, это как выступать против собственной свободы”...

...

Он не ответил... Ушел в...

Ушел!

Самоотчуждение – мгновенное – от всего сущего...

Вино, музыка, фотография...

Ерзало во мне...

Не совсем “по религии”... Не коррелирует...

¹ “Сорок молитв Вагифу”.

Я то попадала, то промахивалась...

Bət – zil!...

Гибельная полярность их, за пределами которых нет НИЧЕГО...

Zil – bət...

Меня шарахало из глубин одного в выси другого...

*Dar quyu dibində,
Qaranlıq nəm içində,
İşıqlı qəm içində...²*

... в полый вакуум отсутствия...

*... Кто есть у тебя,
Кроме меня...*

“Исполни Божьи заповеди с любовью. Не одно и то же – исполнять их из любви к Богу, или же из страха перед Ним”.

Из Талмуда.

А законы Высшие – они едины для всего человечества. И если бы люди, независимо от их вероисповедания и места проживания, учитывали их, человечество – в целом – только выиграло бы, обретя, наконец, созвучие и покой. Мы же, в силу своей несмышленности, выстраивая рукотворно игрушечные законы...

Молла, что несет в массы “десницу Божью”...

Занудно так. Он не будил мысль.

И не усыплял...

...Или – “цеховик”, так называемый, отщепенец, хранивший дома – о ужас! – доллары. Их расстреливали по советским законам, по всей их не всегда внятной строгости, выпроводив того, “врага народа” в... рай. Чего ради он воровал, идя на смертельный риск? Ради семьи? Детей и внуков? Да Бог такое только приветствует... Семья, дети – они и есть родина. Выходит, шехид он. Едва ли не...

Есть, есть тут искажение...

¹ Крайние регистры – нижний и верхний.

² На дне узкого колодца,

Во тьме сырости его

И печали света... (перев. Н.Ф.)

Молла продолжал “просветлять”...

Давно избитые аксиомы о том, что...

Вагиф легко отивырывал их...

...избавляя от заблуждений...

... Или же – что мы чаще всего разумеем под справедливостью? Некую уравниловку, с которой и начинается неразбериха. Но ведь мир сотворен Богом в определенной иерархии, и она везде, куда бы мы ни посмотрели. Пусть и безжалостная порой...

...Почему мой сосед-изверг, на котором клейма ставить негде, процветает, а я, такой расхороший, прозябаю... И вновь рикошет. Ошибаемся, думая, что Бог будет администрировать что-то... Это проблема не Бога, а общества, которое терпит того злодея. Сама позиция пере-кладывания ответственности ущербна, в ней человеку отводится роль комментатора, не желающего ничего делать для изменения жизни...

...Ясы сегодня... Усилия моллы, призванные посредством монотонных песнопений содействовать едва ли не медитации, сводимые на нет беспечными переключками мобильных... Ну и ананас – как символ финансовой незыблемости “йердя галанов”¹...

В тот день такого не было, нет, не буду грешить перед истинной, и все же...

Не то оно было, не то...

Неправильно, хоть и “по-людски”...

... Бог – он вне времени, и то благо, которое Он дарует, – оно абсолютное.

Мучителям всегда легче живется, они легче воплощают в жизнь свои помыслы, зачастую коварные, нежели те, кто терпит от них издевательства, живут с Богом и по совести. И в этом один из принципов Божьих. Вот он: те, кто привязан к *этому* миру, я дам им то, что им нужно в этом мире. Те же, кто думает о *том* свете, я одарю их дарами теми, лишив даров здешних.

Я пыталась разобраться в известном мне наборе догм в контексте Вагифа.

Так кто же он – избранник или изгой?

Ответ так и не отыскался...

¹ Yerdaqalan – (здесь) ныне здравствующие.

*Этот мир –
место нашей Встречи,
что зовется*

Жизнью...

*Этот мир –
точка расставания*

с Аллахом...

*Сказка, приснившаяся
Вере в ночь до погружения
в сон...*

*Этот мир...
Та сказочная*

Ночь...

Переводить невозможно...

Читать – невозможно...

Не читать – еще невозможней...

...Вакханалии, что творятся на наших ясах, эти плакальщики-садисты... “Слезовыжималки”, издевающиеся над теми, кто пришел, превращая их в мазохистов поневоле...

“У смерти клиентура не вымирает” – кто-то из классиков еще заметил. Все так...

Но ведь...

Трудно, невыносимо человеку примириться с роком...

Молла голосит о нем, чья смерть была будничностью...

“Sazım orda qaldı...”¹

Коран – источник сокровенной информации в эзотерической, сложно зашифрованной форме. Нужда в его мудрости остра, знаю по себе. Моллу же вижу от смерти до смерти. И ассоциируется он лишь с печалью утраты. Неужели нельзя сделать эти встречи по более радостным поводам...

Вагиф это умел как мало кто. Что до радости – не встречала никого, более веселого в своей жизни. Черт возьми... Умел он – и дерзать, и чудить...

И страдать...

Пессимист, оптимист...

“Я пессимист-прагматик, – пишет он в своем дневнике. – Шопенгауэр философ, ему нужна победа как средство для познания мира. Я же поэт, которому необходимо поражение как стимул для творчества”.

Такова его концепция поражения.

*...Ты один
и я – один...*

“С самим собой человек должен, обязан иметь прямой, непосредственный контакт. Идеология одиночества должна противостоять всем прочим идейным влияниям. Хотя человек не может жить необитаемым островом...”

¹ Саз мой остался там.

“Пессимист-прагматик”...

“Поражение как стимул”...

“Идеология одиночества”...

...Или – исповедь, на которой человек сознается в своих проступках... Институт исповеди, активизирующий самокритичность, – этот истаявавший рудимент нашего организма! Вагиф Самедоглу идеально бы подошел в ректоры этого самого института. Института адекватности. Или соразмерности – “являюсь-кажусь”.

Ну а то, что ответов не знал...

Слабость это иль величие?

Не знаю.

Знаю лишь, что мы неправильно его “использовали”.

Или он – не нашел себя?

Он, ушедший – в чудесном противоречии с самим собой...

Испепеляющем противоречии...

Собственно, о чем я? Как это – не нашел?

Kalam – это и есть Слово.

Оно же – Писание...

Эффективность его “проповедей” несомненна!

Когда-то для этого, наверное, и придумали телевизор. Для ума. Скорее всего.

Но там вещают – совсем другие...

Те, что с тысячевольтовым включением в процесс...

Не в моде он нынче – вдумчивый стиль жизни...

Как “моллалыг” превращается в проповедь, главную составляющую миссионерской деятельности? А никак. Молла-эми сегодня мало чем напоминает тех, подлинно предназначенных, он то и дело... отвлекается. Легко отвлекается от коллизий Небесной канцелярии – на тот же сотовый; отрываясь от Корана, ничтоже сумняшеся опускается на Землю, оперативно откликаясь на “вызовы дня”... Житейские и разные...

А может, и не отрывался он от нее, Земли?

Не каждый богослов достоин быть вместилищем высших учений...

Что до мученичества...

Забвение, в условиях творческой несвободы...

...а он бы приходил, вне скорбных четвергов, просто-напросто помогал и уходил... Со своим личным драматизмом и умением заронить в подсознание нужную мысль. Мысль без шпаргалок.

Полезнейшая терапия, профилактика души. “Молле” этому не нужно было бы разить и пугать, гневно перекрикивать “отвлечшихся”, взывая их к порядку и напоминая об уважении к усопшему, как это часто бывает на такого рода “мероприятиях”. Уважении не только к ушедшему, но и пока еще здравствующему...

Ему бы – внимали...

Без песнопений.

Умел он это – еще с юности самой, когда пел в церковном хоре. Вернее, не пел...

Было это лет эдак за сорок до Мистера Бима с “Аллилуйей”...

“Однажды я шел мимо синагоги, и вдруг вижу, как оттуда выбегает мой друг, Генка Занис (его отец был бухгалтером в Союзе писателей). Он нервно меня окрикнул: “Вагуля! Иди сюда”. И схватив меня в охапку, затащил в синагогу. Оказалось, что у них для какой-то молитвы не хватало двенадцатого человека. Генка, надев мне на голову кипу, сказал: “Ничего не говори, только качайся”. И я, чтобы выручить друга, добросовестно прокачался всю службу...”

Заунывность моллы заполняла помещение, так и не взяв в полон...

Встреч было две...

...привет...

...пока...

Он подарил их, вывернув меня наизнанку...

...или – указав на нее...

...На это в принципе мало кто способен – отодвинуться, дать возможность другому что-то домыслить. И при этом – обратиться в свою веру раз и навсегда!

Одной лишь строккой...

Одной лишь встречей...

...Такие “правоучения” способны простираться необозримо далеко...

Что до “облико морале”...

*Вот бы дерзкий хазри
приподнял
хоть на миг
край девичьих одежд –
чтоб хоть мельком взглянуть:
мир все так же хорош?..*

Или – ушедшее в широкие массы:

“Лучше быть живым бабником, чем мертвым Героем Советского Союза”.

Бабник-небабник...
Плодятся совсем не те...
Будь моя воля, я бы ввела закон, обязывающий гениев...
Принуждающий их к...
Да-да, во имя спасения генофонда, улучшения его духовного качества – богоугоднее “акции” не знаю! Такое вот грехопадение во имя возвышенности.

Ват – zil...

Собственно, о чем я? Они так и поступали, гении, на протяжении всей истории человечества – любого бери! Неординарный не может быть выборочно неординарен – “местами и временами”...

Ну а коль по-другому не бывает и не было, значит, это норма, положенная Богом гению, его льготная прихоть. Что-то вроде “гонорара” за причиненные мытарства...

“Творили беззаконие”, спасая...
А дети их, с судьбой, по-разному сложившейся...
Как у всех других детей на свете.
Дети их – они были и есть. И слава за это Богу!
Измена жене не есть измена Родине...

Такие вот “проступки” – по-божески...

...Люди, как правило, мудреют на кладбище, сбившиеся и потерявшие себя, становятся милосердно прощающими...

Но уже на выходе из него в нас словно бес вселяется – мстим, ненавидим, завидуем, настигаем...

*... Этот мир –
точка расставания
с Аллахом...*

Он не выходил из этой мудрости. А может, именно в этом причина его привязанности к...

“Кладбищенским поэтом” называл его Анар...

...в боязни утратить эту самую корневую мудрость, оторваться от нее...

Смерть как барометр Истины...
... чувял то, что другим просто непредставимо.

“По достижении 40-летия при встрече со знакомым нужно говорить не здравствуй, а – прощай”...

Как многого я у него не спросила...

Мы говорили – *не о том*...

Ну а то, что вольным был...

Так ведь и это – от Веры. Настоящей, всепоглощающей, ненарушимой. Только страх перед Богом, глубокое почитание его и способно дать – Бесстрашие. Подобных поручительств твоей безопасности не даст больше никто!

Он мог бы стать редактором грандиозного издания, объединившего под единым переплетом все Священные Писания. Такой вот шлагбаум росту фанатических настроений, агрессивно прогрессирующих, что рано или поздно приводят к сектантству, не могут не приводить. Да и не только к нему...

Один бы издал, без всяких редколлегий...
Эдакую Книгу Книг, с “надмирным”, как было ему дано – “От редактора”...

Толерантнее акции себе не представляю... Кому как не Вагифу, с его врожденной “международностью”, было это сделать...

Смерть стирала и будет стирать с лица земли “живучую плесень”, называемую человечеством. Скорее всего, будет... безо всяких замечет...

“Все изнашивается, даже горе”.
Не один Флобер пронаблюдал...

*Будто перед алтарем...
"Поэзия начинается с молитвы"*

"Qiblayə sarı..."

Если же исходить из Священных книг, то надобно избавляться от груза прошлого – это проповедует любая религия. Живи сегодняшним днем и будет тебе счастье...

*А как же в таком случае быть с памятью?
Той, что не всегда марасмирует...*

Дух, что как птица в клетке...

Клетка – она же наше тело.

Птица не может выпорхнуть из этой клетки, пока не откроется ее дверца. Почему не может? Да потому что тот, кто смастерил эту клетку, предусмотрел повадки птицы.

Точно так же Бог, создавая человека, сотворил его таким образом, чтобы дух его на протяжении определенного времени, именуемого жизненным отрезком, не мог вылететь из клетки-тела, заперев ее на замок – временно.

И Бог – единственный, кто в силах отпереть эту самую "клетку" – никто, кроме него, не знает, сколько кому отпущено... Только по его указанию...

"Не люблю газетчиков, у которых уже есть свой ответ на собственный вопрос"...

"Всех вас приглашаю на халву..."

Все было как у всех...

В канонах стадной философии, с ее нафталиновыми умозаключениями как возможностью выглядеть умней...

...Категоричность запугиваний в виде нарисованных картин ада с его хрестоматийной атрибутикой – раскаленной сковородой или там углями, в отличие, значит, от фурий-гурий...

Слышать все это было невмоготу – после его, Вагифа, "лекций" на схожую тему, где ничто не сходилось с...

Лекций, где нет места водоразделу или градации.

"Чушь какая..." – синхронизовало во мне.

Еще средневековые проповедники утверждали, что в Бога надо верить, а не доказывать его существование доводами разума.

Из его дневника:

“Сильная тоска по чистоте рождается во мне. Чересчур брезгливый стал, придирчивый. Интересно, к чему бы это? Наверное, начну писать стихи. Видимо, перед их рождением внутри должно быть стерильно. Да и все вокруг хочется видеть безупречно чистым”.

Ну а мученичество...

Оно у него какое-то “запланированное”, что ли, канонизированное: *“Человек должен пройти через свою вину. Обязательно должен”.* Невиданное чувство долга, когда должен всегда и всем.

Человек должен пройти...

Поэту необходимо поражение...

Одиночество должно противостоять...

Я далека от мысли ангелоизировать кого бы то ни было, тем более... Видела его, пила с ним чай, и крылья за спиной уж точно заметила.

“Тягчайший из грехов – считать себя безгрешным” – цитировала память.

Но...

Но!

– А если б вам дали возможность обратиться к людям планеты – что бы вы им сказали?

– **Я не настолько самонадеян, чтоб пойти на такое...**

Не шел...

Сомневающийся, компромиссный... Не было в его “наставлениях” привычной назидательной нотки – нет, он тоже внедрил свои “постулаты”, но лишь с тем, чтоб каждый из присутствовавших на планете мог примерить их на себя. Но не более того. Я не столь наивна, чтобы предположить мысль о всерастворении в них всех и каждого, ведущих бездумно животную жизнь. Отнюдь. Я – лишь о примере. Не понравилось, стеснило иль сдавило – разоблачайся. Видать, в лекалах дело. Не всем они впору.

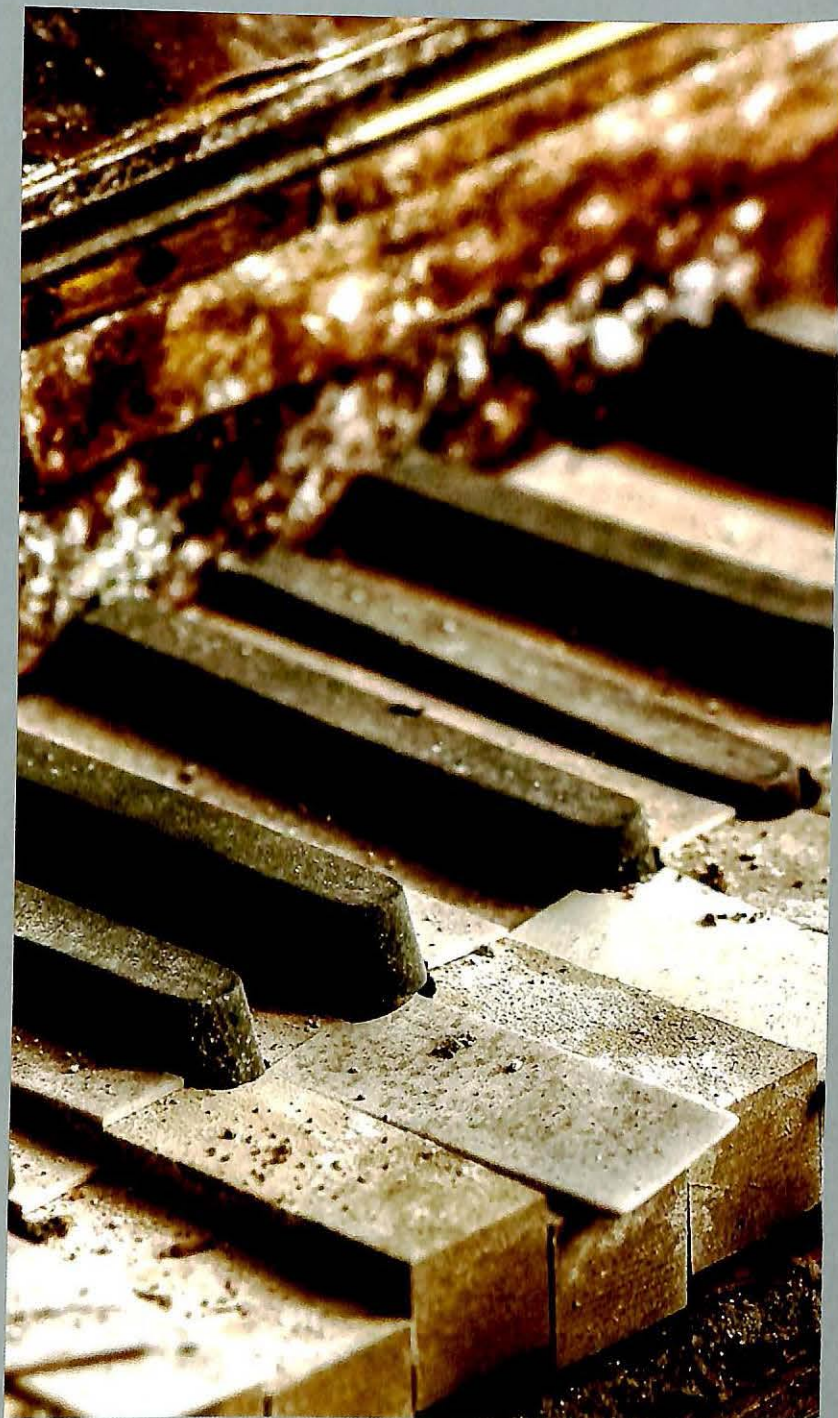
“Разоблачайся”... И тут – двусмысленность...

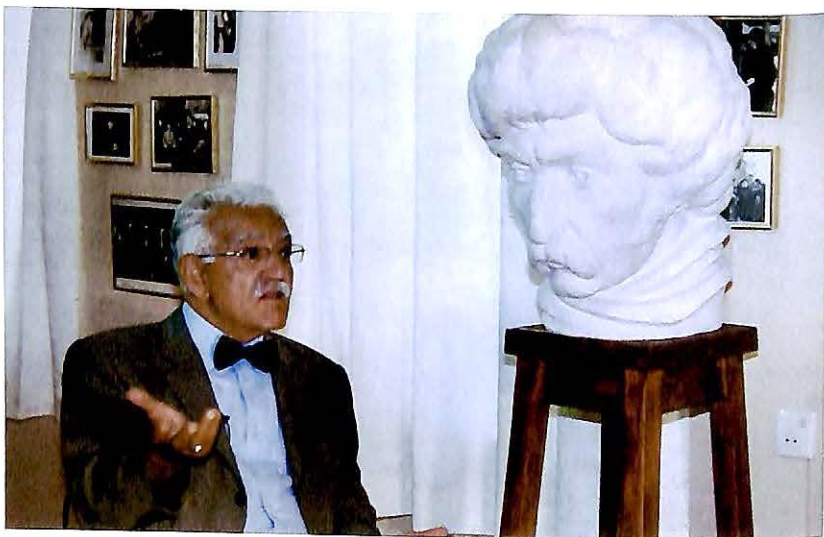
Такие вот реалии. Или паренталии...

Собственно, о чем я?

Не знаю, о чем.

В окно мечети заглядывало дряблое февральское небо...

*В Доме-музее Вагифа Мустафазаде.
"Разговор" с тезкой*

Дух, что как птица в клетке...

С Улдисом Берзинием, переводчим Коран на латышский

*"Брат мне снится, рано ушедший..."
На могиле Юсифа*

ЭПИЛОГ

"До последней ТОНИКИ..."

"Ay Allah, birçə arzum var: öləndən sonra tək olanda kiminsə yadına düşüm, ağlamasa da, gözləri dolsun..."¹

Стою в его комнате, где мы с ним простились...
Небольшая, конусной формы. Это и был кабинет,
я разглядела его только сейчас...

Святая святых...

Пустая кровать по центру зияла белой бездной...
Торжествующим акцентом...

А интерьер – его как такового и нет...

Вот она, коллекция трубок, которой он так
гордился, длинная вереница их, как у любимого им
Твена...

Бабочки вспомнились отчего-то, концертные
бабочки Горовица – более 700 их у него было...

Фотоаппараты, их солидное множество,
заполнившее шкаф снизу доверху...

Оружие на стене разнокалиберное, фотографии
детишек, памятные сувениры от друзей и почитателей
со всего мира... Арахчын... один, второй... Узористая
стопка их... А еще рояльчик, на спинет похожий...
Напротив письменного стола – того самого, за
который он так и не сел...

И – запах... Вернее, дух – интеллигента-аскета...

*"Вот прочтут и скажут, что притворяется
каким-то Скрябиным. Скрябин видел цвета в музыке,
а я – запахи слышу..."*

Не притворялся он...

¹ Ай Аллах, лишь об одном мечтаю: когда меня не станет, пусть кто-то помянет, и если не заплакнет, так хоть слезу обронит.

Он ушел в год Лошади... Той самой, которая, говорят...

Впервые об этом услышала от Мирджавада, основателя абстракционизма и экспрессионизма в азербайджанской живописи, подарившего отцу моему свою картину. Помню, с каким трудом он приволок ее к нам, как самолично вешал на стену, выбирая гвоздь покрепче... Так вот на холсте том и была изображена – *та самая* лошадка. Уводящая в сизую неясность, к ее бирюзово арочным дверям... В неведомое иномирье...

...А лошадь, оказывается, у многих народов трактуется как зловещее воплощение ночного мрака, нечистой силы и самой Смерти.

Или – как транспортное животное, с путешествием на “тот свет”. Читаю об этом: “В кельтской мифологии лошадь ассоциируется с потусторонним миром на морских островах и выступает в качестве проводника душ”...

*Лошадь...
Вагиф так любил их...*

*“...на морских островах”...
“далекий зеленый...”*

“Скончался великий азербайджанский поэт Вагиф Самедеглу”...

Стоит умереть, как ты – великий. Не раньше.
До этого был – “тяжело больной”...
Смерть как заговор. Узаконенный заговор.
Легитимированный в ставшем притчей во языцех:

“Только смерть превращает жизнь человека в судьбу”.

Ай да Мальро!
Открытие человека после смерти. Печальная примета всех времен.
Посмертное переосмысление. Перетестирование.
Не его – нас.

Я больше не торопилась с книгой. У покойных терпение бесконечно...

*Звонки к Нушабе...
На фоне тишины...
Молчат попугайки...
Будто забыли все, чему он их обучал...*

*“...Он всегда мне дарил цветы в этот день,
14 февраля. Всегда. Сегодня впервые это сделала я.
Отнесла ему их, на могилу...”*

*... Не щебечут, не чирикают, не свистят...
Иль впрямь – улетели?
Да нет же...*

*“Бывают птицы, которые не выпархивают из
клетки даже с открытой дверцей...”*

Фотографии имеют свойство ураганно молодеть...
А еще их вдруг становится мало. После того как...
Даже если их было – горы... Ничтожно мало. Ну а
детских и юношеских – тех и вовсе раз-два и обчелся.
Это особенно обидно сегодня, когда мы фиксируем
“на пленку” каждый свой шаг, снимаясь чуть ли не со
случайными прохожими, а тогда...

Какой архив мог бы быть у него! Какие кадры – с
тем же Нейгаузом, например! Архив, которого почти
нет.

И это еще – у Вагифа-фотографа!
Время было другое, не персонифицированное...

Три дочери... четыре внучки...
Семь красавиц...
Сороковины его пришлись на 8 марта – он всегда
любил женщин...
В последний отъезд на лечение запасся биноклем...

*... чтоб хоть мельком взглянуть:
мир все так же хорош?..*

Сидел там, на балконе, в клинике, и смотрел на
туристок...

*“...в этом деле я совсем не сейсмостойкий. Даже
сейчас, когда уже и так подлежу сносу...”*

Она рассказывает мне про него, про его...

Невероятная женщина! Спокойно так говорит о его первой любви, последующих увлечениях, нацельно обращая мое внимание на... Рассказывает не по-женски как-то, а как об очень важном в своей жизни. И все это со смешком грусти. Не монолог ревнивой жены и не рассказ матери о проказнике-сыне. Я так и не разобралась с этой новой для меня “позицией”. И никаких закосов под “музу”, вполне себе правомерных, – он говорил об этом всем и каждому, до последнего говорил...

Неожиданно. Ничего подобного не видела и не слышала...

Мне нужно было найти одного нашего общего знакомого. Звоню к Нушабе ханум. Она листает телефонную книжку Вагифа, и вдруг я слышу не то плач, не то...

Запись, у него обнаруженная – ну уморительная. Она читает мне ее сквозь слезы, еле разбирая кудрявый почерк, а я падаю со стула от...

“Abırlı kəfənlik tapa bilmədim. Nə Bakıda, nə də Telavivdə. Gərək Yudaşkina müraciat edim, Səlim də tikər...”¹

Запись сделана за год до...

Он разряжает ее утрату, на каждом шагу...

Импровизация продолжается...

...под соло трубы – из коллекционной фонотеки Вагифа. Не может она без этой музыки. Не может без...

Музыка, фото...

Начинаю понимать, почему не приветствуются в Священной книге (пусть не в сегодняшней их интерпретации)... Только сейчас дошло...

Или – дошла?

Эти поводы-напоминания... Радостно-горькие...

Тянет на них, мучительно тянет...

Тирания души...

Я бы и видеозапись запретила, будь моя воля.

По той же причине...

¹ Так и не смог найти приличную материю для савана. Ни в Баку, ни в Тель-Авиве. Придется обратиться к Юдашкину, а Салим сошьет.

“Моей усталости нигде присесть...”

Удивительная она, Нушаба. Я понимала Вагифа все больше. Это ведь она его растопила. До нее он, по отзывам, был замкнут и суров. С ней он распахнулся.

Это легко проследить по его записям дневниковым. Вот одна из них, сделанная в марте 1986-го:

“Моей усталости нигде присесть.

Все диваны с креслами, все лежанки на Земле – это сюрреалистические картины Сальвадора Дали. Единственно реальное в этом мире – моя усталость...”

Сколько ж тепла разлито в женщине, чтоб и “за себя, и за того парня”...

Великая сила – любовь!

ВАГИФ СӘМӘДОҒЛУ

УЗАГ ЈАШЫП АДА

*Nuşa, özümü özümə
qaytarđın sən, mənə mən
xəbərdin. Bu kətə-b-sən sən.
Səni sənə bəgizləyizəm,
sevgilim, mənə bəgizim!*

Vaq. Səmədoğlu
Бақы. Көңчлік. 1999.

7. IV. 1999

Баки

А до их встречи... Одиноко ему было и постыло.
“Вагуш, не пиши печальных стихов» – умоляла его мама, Хавер ханум. – Я верю, и твои стихи увидят свет, и книги твои будут выходить, и личная жизнь наладится...”

“Полиция или милиция никогда не сможет вторгнуться и разогнать колонны демонстрантов Одиночества. Я – здесь, я – баррикада из обломков рухнувших надежд...”

Дошло до того, что сжег все написанное! Стихи, прозу – все созданное в 70-х... Раскаивался? Скорее всего. Вот его запись об этом:

“Много, очень много способов уничтожения в мире. К сожалению, произнося прекрасную фразу “Рукописи не горят”, Булгаков был неправ. Горят они. Многие уже превратились в золу, пепел...”

Нушаба...

Подолгу мне с ней тяжело – она разговаривает его интонацией, до того схожая вибрация, до мурашек...

Слушаю свинг... Никогда не была подкована в этом направлении джаза. Да и в джазе как таковом. Полезла в вики, читаю:

“В переводе с английского “swing” означает “качание”... Во-первых, это выразительное средство в джазе. Характерный тип пульсации, основанной на

постоянных отклонениях ритма от опорных долей. Благодаря этому создается впечатление большой внутренней энергии, находящейся в состоянии неустойчивого равновесия”...

Вижу его, играющего там, в музее...

“...впечатление большой внутренней энергии...”

“...в состоянии неустойчивого равновесия...”

“...опорных” ... Трость!

“...характерный тип пульсации...”

В пульсе... межмирья...

“Qıl körpüsü”¹ – нашла у него, вернее, споткнулась...

То же межмирье, как я понимаю...

Единственное почти название, изобретенное мной, и то оказалось – по его “шпаргалке”...

Названия глав... Не могла их придумать, сколько ни ломала голову. Вагиф, с его избыточностью, не умещался ни в одно из них. Решение нашлось в его же книжках. Строки, выхваченные с разных страниц...

А тут выходило, что он и опус мой “озаглавил”...

... написав слова – к моей партитуре...

Он умел это...

...Джаз это, оказывается, – “протест”. Одно из значений. Тоже – не знала...

“...настоящий поэт всегда должен находиться в Опозиции... к Мирозданию...”

Наброски, наброски...

Только что народившейся мысли, вынашиваемого озарения, будущих сюжетов...

Груды блокнотов...

Навал...

Она перебирает их, растерянная...

Сколько жизней нужно иметь в запасе на постижение всего этого!

Открываю наугад:

¹ В исламской эсхатологии мост, расположенный над огненной преисподней.

“Ömrü boyu görəsən Rixter neçə royalda və neçə saat çalıb? Qərībā statistika olardı çox, məlum olsaydı...”¹

И тут же:

“Bir Şüştər açıldı qurbəttə, səhər kimi...”²

Без видимой глазу связи...

Карандашные записи, местами стертые резинкой...
Обо всем и про всё. Точнее, – всё про...

И даже про замаранную грифелем...

“Резинку лучше всего очищает спирт. В конце концов она у меня станет алкоголичкой”...

“Невероятно чистоплотным был... Перед тем как сесть за фортепиано, обязательно спиртом протирал клавиши. Как к святыне относился... Как-то, было, я закончила играть, встаю...

“Покажи мне свои руки, кремом не смазывала?”

Меня это задело: “Вообще больше не подойду к инструменту!”

“Нет-нет, иди, играй... ну пожалуйста... Ты же знаешь, не люблю я, чтоб клавиши жирные...”

– И вы не обижались?

(Недоумевая). “О чем вы? Эти его глаза...”

Ну разве можно было на них обижаться?!”

¹ Интересно, на скольких роялях сыграл Рихтер за свою жизнь, и сколько всего часов провел за инструментом? Удивительная статистика бы открылась, будь оно известно.

² Шуштер расцвел утром на чужбине. (Шуштер – один из азербайджанских мугамных ладов).

...А почерк его, всегда такой ей понятный, стал неразборчивым после химии. Рука не повиновалась ручке, с трудом записывал...

“... Дал бы Господь Бог еще три-четыре месяца, я бы написал кое-что...”

Господь дал, сколько просил. И даже чуть больше. Он не написал...

“...əlim qələm tutmur...”

“Карандаш, ластик...”

Собственно, это и есть наша жизнь. Попытки или тщания, с нулевым часто исходом... Стереть, затереть...

Труд несизифовым не бывает...

“...Просто мне удастся что-то рисовать, царапать на скалах. А так...”

Лорка... хлорка...

А скалы ведь тоже сносятся... Кромсаются... Стираются с лица земли, если не находятся те, кто – спасет, рискуя жизнью, оставит наследием, вооружив покровительствующей духовностью...

“...А так...”

Дорога, ведущая к...

Фото, диета, фитнес, мемуары, флешка...

Жалкие попытки застрять в этом мире, зацепиться за него, продлиться в нем... А ведь, как подумаешь, что лет через 30 никого из твоих знакомых здесь не будет... Как не будет и тебя... Надолго тут никто не задерживается. Даже памятники.

Да и потом...

Говорят, великие люди создают для себя лишь пьедестал, статуями занимается будущее. Все так, но статуи эти далеко не всегда показатель истинного масштаба личности. Киров – вон какая громадина парила над городом всю мою сознательную жизнь, отовсюду было видать, с любой точки. В отличие, скажем, от памятника Моцарту, пусть и талантливо сваянному...

Вагиф это знал. И потому все “продумал”, до мелочей... В смысле – “продизайнировал”.

Из дневникового листочка:
*“Dahi” adam heykəltəraşa:
Mən ölənnən sonra heykəlimi oturan yerdə
qayırırsan. Məndə bel ağrısı var, ayağıstə çox dayana
bilmərəm”¹*

Такое вот смешное “завещание”.
Вопрос этот он практически решил...
А памятники, бывает, что возвращаются...
*И не дай Бог, чтоб понадобилось, взобравшись,
им завязывать глаза...*

...Пишу и вижу глаза читателей. Всегда вижу.
Знакомых своих, большей частью, которые прочтут и
непрерывно позвонят, выскажутся. Их все меньше с
каждым разом – кому сейчас до кого...

Странно, но в случае с Вагифом “аудитория”
сузилась до одного...

Меня преследовало ощущение *присутствия*.
Писала – его глазами...
Он удивлял...

...ее до последнего. Купил себе пиджак –
красивый такой, небесно-голубой. Совсем недавно
это было, осенью еще...

*“Вот... не знаю, может, напрасно...
понравился”...*

Говорил, глядя ей в глаза за правдой, будто
соотносил свое положение нынешнее с поступком...
или проступком...

Счастливей ее в ту минуту человека не было!
А может, и впрямь... вспять... опять!..
Вот он висит, тот пиджак. Цвета неба...
С биркой...

“Может, напрасно...”

*... ağlamaq istəsən,
de, göndərim gözlərimi ...*

*...всплакнуть захочешь –
ты скажешь, пришлю свои глаза...*

¹ “Гений” скульптору: после моей смерти поставишь мне сидячий
памятник. У меня боли в пояснице, долго на ногах не простою.

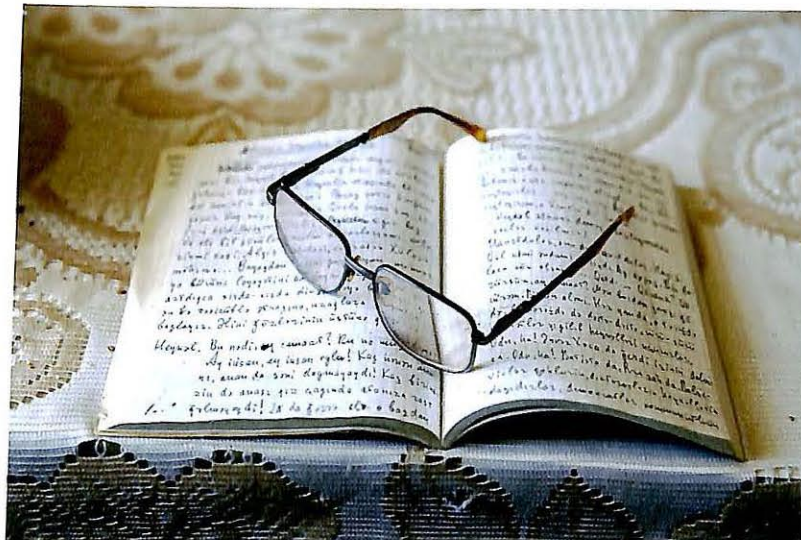
*Голос его в диктофоне... Совсем другими ушами
прослушиваю...*

Книжки, им надписанные... Эти авторские
заверки, часто отписно формальные. Я вообще
заметила, чем талантливее автор, тем они
неприхотливее – витиеватой стилистикой занимаются
графоманы-рифмоплеты. Но и эти бесхитростные
посвящения со временем прочитываются иначе...

*Где он сейчас – на небе или в море...
Он так любил их...
Особенно море...*

Да что я гадаю – он же точно указал:

*Мой адрес:
Бесконечность.
Время,
Пространство,
Вчера,
Сегодня
И завтра.
Видимое,
Невидимое,
Слышимое,
Неслышимое.
Галактика.
Солнечная система,
Земной шар.
Земля.
Немного Европы,
Немного Азии,
Большая страна,
Родная страна,
Азербайджан.
Баку.
Тихая улица.
Дом 4, квартира 37.
Комната.
Треугольный стол.
Бумага и ручка.
Стихи...*

“Səsim gəlir?... ”

Он зря беспокоился...

“Sən uzag yaşıl ada” ...

Любимая песня моего отца... моего сына...

“Продажа островов, недорого” ...

Нашла среди прочего в интернет-барахолке.
Перечла дважды. Его, Вагифа, острова, там не
было.

Того самого, вдали зеленеющего... тридевятой
несбыточностью...

Острова разлуки...

И я почти полюбила море – то самое, которое...
Почти полюбила...

“Hansı şeirin əlindən sağ çıxma bilməyəcəm?..”

... доносилось из иной реальности...

... “Из рук какого стиха мне уже не вырваться
живым... какой из них станет последним...”

... резонировало на всех языках мира...

... в грохоте волн небушающего моря,

... в оглушающем шорохе крыл...

Беспредел Вагифа Самедоглу продолжался...

*Сбой в повествовании – временной, глагольный...
Зигзагом идет...*

Тем, что правит миром...

Его Величество Зигзаг...

Или – Лабиринт...

*Смешалось все во мне; было сейчас или –
стало завтра...*

Память в нас живет не хронологично...

*Мысль ускользала, запрятываясь то и дело,
оставляя память в дураках...*

Разножанровый стор...

Некролог-не некролог... Мерсийе,¹ скорее...

От слова “мерси”.

Некролог-благодарение...

Он продолжал “смыкать” народы...

... а я не могла найти точку на клавиатуре...

Записи мои, сделанные во время его юбилейного вечера, презентации, во время просмотра его спектакля в темноте зала, начерканные абзац на абзац...

Или – в черном одиночестве ночи, не включая света, в страхе расплескать мысль... Неразборчивые, местами сокращенные на первой же букве... Заметки на салфетках – с поминального стола, смятая кипа их...

Не думала это публиковать. Они не вошли в текст, заметки эти, не могли войти – ну как такое дашь прочесть тому, кто...

Сейчас это уже не имело значения...

“Сносящий голову...”

Плющ, выросший за дверью дома моего...

Ажурно так обвил стену...

Мама посадила его в лифтной комнате, вместе с другими цветами-растениями. Чудный садик получился! Цвел зимой и летом ей в утешенье...

¹ Мәрсийә – ритуальное оплакивание.

Но, услышав нехорошее про плющ, что он, мол, отбирает жизнь... По телевизору услышала, так и сказали – “плющ-убийца”...

Восприняв буквально, отвела на свой счет и...

Срезала его. Куст выюна.

Весь!

Я старалась понять ее, терявшую...

Голая стена кричала при входе...

Дала ей почитать книжку афоризмов Вагифа, где среди прочего...

“Сносящий голову палачу – тоже палач”...

Добро, зло...

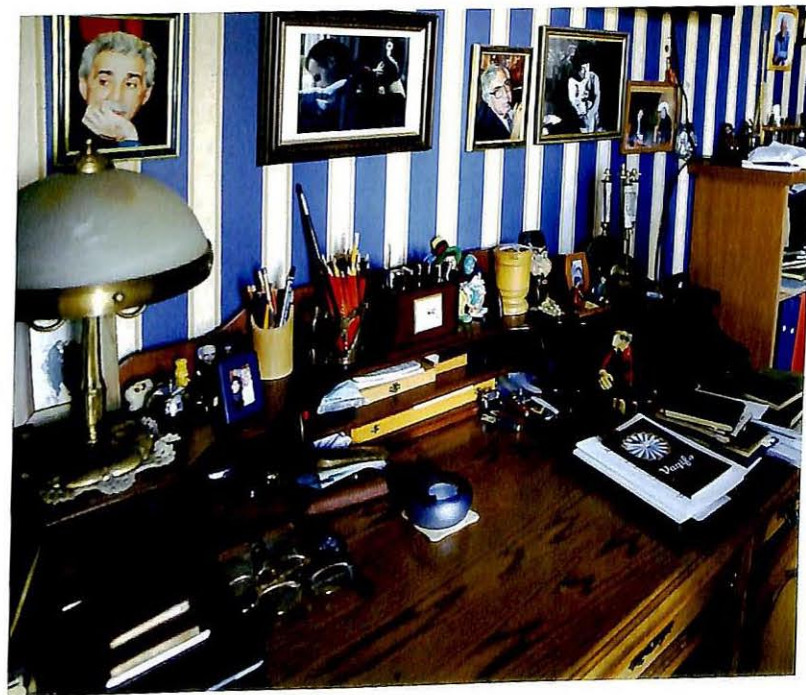
В его, Вагифа, пропорциях...

Он оказался прав. Во всем.

Я больше не спорила с ним – в себе.

“...Помните, у индусов – белое это черное, черное – белое...”

“Помню...”

“Я вышел из моря...”

*Хазар ушел. Иссохшая скала,
Как прошлый век поникла, спину горбя.
А долго ли без моря прожила,
Кто может знать? Кто знает возраст скорби?..*

*Хазар ушел. Иссохшая скала –
Последний след мелеющего моря.
Не буря ль нам на память отдала
Волну, окаменевшую от горя?..*

*Роняет годы-камешки скала,
Она все меньше, год от года.
Она однажды станет так мала –
Швырнут, и птиц прогонят с огорода...*

“...швырнут и...”

Брызги, брызги... Как если плоским гольшом
запустить в море. Камешком – от той скалы. Изо всей
силы...

Память как фиксация быстро сменяющихся
впечатлений.

Сюжеты, сюжетики...

В каждом из них – Вагиф.

Он порушил мне книгу... Композицию,
структуру...

Я-то знала, что после P.S. книжка кончается.
Должна кончаться.

До него – знала...

Он продолжал нарушать...

А я не смела ее нарушить – клятву, данную
генералу...

...ослушаться его последнего приказа...

Вагифу...

Ты уходил, поэт,
простившись до
рождения,
ты уходил во мрак
неоновых светил...
Вослед тебе неслись
твои
аплодисменты
и рывканье *иных* –
причин твоих
седин...

Ты уходил, поэт,
оставив миру
Слово...
Ты уходил от нас,
ногой к нам
не ступив...
И правда была в том
Бессмыслии
прихода
под тывканье *иных*
завистливых
детин...

Ты уходил, поэт,
с пригоршнями
Вопросов,
их ценностную кладь
до крошки
раздарив...
Ты уходил, оставив
Макрокосм нам...
И – пустоту *иным*,
пред кем
не лебезил...

Стихи сочинять после него начала не одна Бетти Блэйер...

Такое вот посвящение Вагифу – само собой нарифмовалось. После прочтения в интернете “мнения” о Самедоглу “эксперта-селекционера”, злонравно нелепого, возжелавшего максимально запомниться и, быть может остаться в...

Комья грязи – вслед гробу...

Может, гробовщик тот написал, с лопатой...

Или таксист – тот, первый, не слыхавший о театре...

Или же – тот, кто, арестовав тираж его первой книги, не издавал полвека...

“... меньше, Вагиф, меньше...”

“Я врал, но не обманывал”...

**... Когда человек камнем
Бросает метко в другого...**

**И падает тот бездыханно
На землю в свой смертный час...**

**Тогда не мы в Бога,
А Бог не верует в нас...**

Предать земле...
Плохое слово – “предать”.
Не знала, что есть у него другой смысл...

**Заткнуты ненавистью уши
И злобою забиты души ...**

Последние записи на форуме.

...Здравствуйте, лирик...
... Мы вас ждем...
... Дай Вам Бог скорейшего выздоровления...
... А что еще пожелать человеку с ясным умом
и чутким сердцем... даже не знаю – стандартные
фразы кажутся суконными и лишними...

...Долгих лет Вам жизни, достойный человек!

...Салам, шаир!¹

...Как-то находясь в “Джаз-клубе”, пересекся с Вагиф муаллимом... На тот момент я осваивал хроматическую гармошку... Вагиф муаллим предложил совместно помузицировать (благо в зале чужих не было)... Он не только ПОЭТ-МУЗЫКАНТ – ЧЕЛОВЕК! Знатно зажгли...

Allah rəhmət eləsin...

Самая последняя...

Тихо на форуме. Умолк. Затух.

“Средь бела дня – совсем темно...”

“Если мое интервью кому-то сегодня нравится, значит, завтра кто-то вспомнит меня и расскажет об этом третьему. А третий скажет: “Allah rəhmət eləsin, хороший был человек, но говорят, много пил...”

Он ушел в свой юбилей...

“Вагуш, где ты сейчас?... Если тут – дай мне знать” – умоляет Нушаба...

“... он даст... я уверена... знаю...”

Умоляет... молит... молится...

“...Nüşabə, sevgilim, bilirəm, mənim ölməyimi istəmirsən... heç mən də istəmirəm...”

“...он придет во сне, знаю... не может не...”

**...Во сне меня ожидающему человеку
Слово успеть бы сказать...**

У него начиналась гангрена. Но он об этом уже не узнает...

¹ Salam, şair - здравствуй, поэт.

Роман, что остался недописанным, а еще притчи... несобранный сборник их, он любил эту форму...

Роман, притчи...

... От Генриха Густавовича до... губной гармошки. Ее он освоил-таки и даже музицировал для домашних, безмерно их радуя...

Генрих Густавович... губная гармошка...

Не так уж и далеко, как казалось...

Инициально – так уж точно совпали...

Такой вот “прожиточный минимум”.

Или прожитый максимум...

...промежуточный...

...шуточный...

...нешуточный...

“*Səməd Vurğunun oğlu olmasaydım, kloun olardım...*”¹

...найдено в дневниковых недрах...

Абсурды кончились, пошли закономерности.

Я вращалась в него, забывая о своей предыдущей сути...

¹ Не будь я сыном Самеда Вургуня, стал бы клоуном.

... Я вышла от него – в ночь, так и не поняв, когда она образовалась за окном...

... Я вышла от него – ловить то самое такси...

В осень...

... Я шагнула в осень. В осень, ту самую... майскую.

Парадоксы Вагифа Самедоглу продолжались за его дверью – инерционным сюрсом...

...за дверью могилы...

“Он распахивает ее, заходит, радостный, а там уже – две двери. А за этими двумя – уже четыре...”

“...все очки искал...”

Майский январь...

... Я уходила от него – в “распоротую ночь”, неся в душе обрывки разговора – с “рваными краями”...

... Я уходила от него – в сумраке тайны. Той самой, какой пришла...

... Я шагнула в...

... Уже не верилось вполне –
Внезапно сам увидел море...

... Спасибо Музыке, которая не дала затонуть...
В волнах, откуда он родом...

... Я вышла из моря...

Ну вот... Опять скажут – “якает”...
“Ну и пусть говорят... “Нам так кажется...” Разом
всем “казаться” не может...”

Я продолжала жить шлейфом – в контрапункте
Вагифа... И его бинарности, ясной, как Божий день.
Или Божья ночь...

Смотрю на город... Серые кресты подъемных кранов
под дождем... И дома. Многократное их громадьё.
Если сверху смотреть, совсем сверху – они предстают
надгробьями... монотонно тусклыми и ровень...

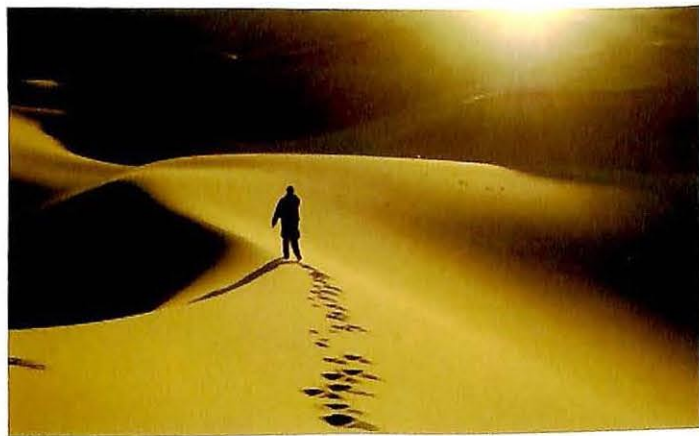
Даже самые задористые из них. Даже небоскребы...
Просто он это заметил раньше. Когда мы еще не
жили. В смысле – не родились...
Не было нас тогда. Как не было небоскребов...

“Серые кресты...”

“Серый цвет – это Свобода...”

Ушел, оставив меня на мосту... перекинутом меж...
С перебитым дыханьем, отобранной иллюзией...
Ушел.
Один.

“Allah yolunda bir yoldaş tapılmaz”¹...

¹ На пути к Аллаху в попутчики взять некого.

“Игра в снежки летом”

...Вернувшись домой с *его четверга*, последнего,
я увидела уже с порога... елку. Наряженная сосновая
ветвь, изрядно полинявшая, свисая со шкафа,
выглядела неуместным праздником...

Оказывается, я забыла ее убрать...
И вот висит – плешиво нелепая...

*Елка... та самая... в Кремле, на которой Сталин...
“оказывается, маленький был...”*

Елка в... феврале...

“Игра в снежки летом”...

А, собственно... Бежит время. Кажется, еще не
так давно с холодком внутри думалось: через 10 лет
миллениум, и вдруг – на тебе, уже... ый...

Время летит, да так, что елку можно и не убирать...

... Уже 40 дней, как его не...

Книжка, написанная с одной беседы...
Он поломал мне ее. Концептуально поломал...

“...Сделай книгу... юбилей у него...”
То был май... Конец его...

Повторы, повторы...
Где-то уже писала об этом... не нашла...

“Жизнь вносит свою корректуру”...
Смерть вносит...
Искажение ради правды.
“Я врал, но не обманывал...”

Признания, ставшие моей реликвией...
Как и воспоминания о нем...
Как авторучка, подаренная мне, именная...

**“...Скажи мне хоть
словечко...”**

В последний мой приход сюда...

Не зная, чем его взбодрить, я купила по дороге сувенирчик. Мягкая игрушка, козочка, символ наступившего года, как надежда на то, что, быть может... Фокус заключался в том, что, закинув монетку в ее мешочек, который она крепко обхватила лапами, можно “наслаждаться” песенкой, которую усердно так выпевает:

**“Игривая овечка,
скажи мне хоть словечко”**... Ну и т.д.

С дикцией у козы не очень, но неприхотливо-беспечный мотивчик не мог не улыбнуть... Такой вот козел-коррупционер – пробовала бросить в мешок пуговку железную – не поет...

*“Ему так она понравилась, ваша игрушка!
Улыбался ей – своей чудесной улыбкой, все просил
повторить, чтоб спела...”*

Страшно было увидеть мою козу среди его... после него...

Чуда не произошло...
Она молчала...

“...Скажи мне хоть словечко...”

*...Ни одного воспоминания
не могу найти
в душе,
которое могло бы изойти
вздохом...*

“...Xatirələr elə bil qəddarlaşır...”

Про меня...
Молюсь за него... Если там меня слышат...
Там, где...

*...не находятся тени
заблудших молитв...*

**“Mən burdayam,
İlahi...”**

Пришла к нему. Холмик грусти...

*Нельзя смотреть
На камни и ограду,
Граната кровь
И куклу без руки.
Стоять и ждать
Бессмысленно не надо
Усталому рассудку
Вопреки.*

*Стоять и ждать
Тягучего заката.
Когда исчезнет свет
В ночной дали,
А с ним – ограда
И пятно граната.
И эта кукла
Бедная в пыли...*

Прошлась вокруг.
Куклы не было, и пыли тоже. Ухоженно, чисто.
А вот и “соседи” его – по “порогу”...
Боже, кого тут только нет! Все те, о ком мы с ним
“судачили”, и не только.
Вся слава наша творческая! Классик, еще
классик...
“...Идешь, идешь, а по обе стороны пути – вопросы...
По левую сторону, по правую...”

...Сарабский, Гаджибеков, Ниязи, Караев, Зардаби,
Амиров, Бейбутов, Магомаев...

Сосед слева – композитор Акшин Ализаде. Прямо
как на том фотоснимке, где они стоят, молодые...
А вот Бюльбюль... На его могиле соловей
пел особенно залиvisto... Потрошил буквально.
Прислушалась еще раз. Не показалось. Убивался
прямо... Для “однофамильца” пел, старался...
Как экзамен сдавал...

Вспомнилось:
“Уникальный был человек... Во всем...”
Птицы не ошибаются.

Дух... птица... клетка...

...Соседей не выбирают. На кладбище это
понятнее, чем вне него. Лежат вот себе рядышком те,
которые... Ну и смысл был – не ладить?..

“...Травили друг на друга...”

Стою у могилы. Черкаю что-то в своем
поминальнике, облокотившись о кипарис...
Под удивленные взгляды памятников, уборщиков
кладбищенской территории...
А еще настороженных сторожей...
И деревьев...
Последних уж точно...

*... Пред глазами
стольких деревьев!..*

*Всеприсутствие...
Так вот оно какое...*

*“Смотрители”...
“Поминальник”...*

Земля, что хранит стоны предков...
С оградами, без...

Любое кладбище, рано или поздно, становится
братской могилой. Забываются-таки они, “хозяйева”
этих “апартаментов “2 на 1”. Ну дети придут, полить
цветочки, подмести, ну внуки... А потом...
Кто уехал, кто не может по “веским основаниям”,
а кто просто нелюдь. А бывает, по уважительной
причине усыхания фамильно-родового ручья.

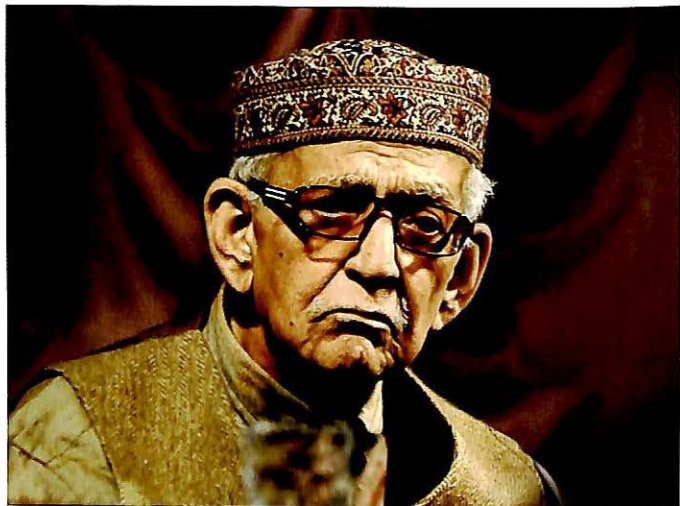
Все кончается, истощаясь, когда-нибудь.
Забываемся мы – сколько ни изощрайся с дизайном-
мрамором-известняком... Горсточка земли –
все, что останется от человека. И очень редко
горсточка эта имеет имя. Имя, вошедшее в историю
пути человечества. Печаль, однако, в том, что и
счастливых тех труды подлежат отборному отсеву
временем. Неминуемо подлежат.

Тематический каталог сочинений Моцарта,
составленный Кёхелем, представляет собой том в 550
страниц. Где они все, эти произведения, населяющие
эти страницы? Сколько их дошло до нас обидным
мизером?

И это-то речь идет о – Моцарте!

*Лгут,
Лгут,
Что с такой легкостью,
Играючи рождал
Свою музыку Моцарт.
Так просто,
Играючи,
Не мог умереть человек.
Лгут, лгут...*

*“Mən burdayam, İlahi...”
Вот эта строчка всегда останется со мной...”*

Он явно поскромничал...
“...Вы лукавите, Вагиф муаллим, ой, лукавите...”
Уж больно жесткий отсев...
Даже в контексте Моцарта...

“Знаки зодиака ни в коем случае не должны быть похожи на гроб с заколоченными гвоздями. Человек появляется на свет с одним знаком, но если он достойно проживет свою жизнь, то покинет этот мир с двенадцатью знаками зодиака”.

Такое вот утверждение восточных философов.
Любопытный пункт...
“Достойно проживет...”
Как с Вагифа рисовали...
... Он не ответил мне тогда про зодиак, не мог ответить...

Теперь знаю, почему...
А может, знал – про ту теорию...

Книгу дописывала не я – его...
“Смерть – это зачерненная сторона зеркала, без которой мы бы ничего не увидели”.
Сол Беллоу пришел к такому выводу, Нобелевский лауреат, автор романа “Между небом и землей”...

“Я здесь, Господи”...
Повторяю, как мантру...

“Мы разные с ним...”

Плечусь в Союз...
Поднимаюсь на второй этаж.
Встречаюсь глазами с портретом –
огромным, на всю стену,
Самеда Вургуна.
С детства знакомый портрет,
на котором поэт,
запечатленный во весь рост,
улыбаясь,
приветливо машет
рукой.
Неожиданно жест этот
трансформировался
в прощальный –
Вагифа...
Как же похожи они!
И как –
непохожи...

Как “здравствуй” и
“прощай”...

Книга, задуманная в юбилей, дотисанная к...
Нужно было б пораньше...
Он ждал ведь...
Кто ж знал, что...
Вот книжка, мне присланная, с его...
Не все поправимо в этой жизни...

Natavan Faiqgizi 49
- dochi hörmətli.
Ваг. Соьмдөгүн
6.х.2010
Ваки

Задуманная в юбилей...

За здоровье... упокой...

До и после полуночи...

Понравилась бы ему она?

Не знаю. Не могу знать...
Или помнить...

Помню, как оценил книгу о себе Алим Гасымов.
Поднял, не без труда, трехкилограммовый мой
“проект”, долго молчал...

“Я понял, что мой намаз не был впустую...”

Более “высшего балла” я в своей жизни не
получала...

“Правда, – добавил он, – до конца я ее так и не
прочел – нет у меня терпения, ты же знаешь...”

А Вагиф...

Его оценки я уже не услышу никогда.

Он взял ее с собой...

В море...

А может, не взял...

... Я еще живой...

... Звуки...

... Я опять не то говорю...

... Мосс-ковсская консерватория...

... Я неинтересно говорю, знаю...

... саит она qig'ban...

... Только о музыке и говорим...

... Я вот при моих болезнях, что у меня сейчас,
неизлечимых...

... Дал бы Господь Бог...

... Я глупости говорю, знаю...

... Страшно это... как любая необратимость...

... Ой-ой-ой-ой...

...hayif...

...bizdən getdi...

... Azərbaycandan getdi...

Сказанное совсем недавно набирало высоту –
в полете куда-то...

“Он прожил большую плодотворную жизнь” ...

Жизнь долгой не бывает.

У любого ушедшего спроси...

У любого, кроме Вагифа:

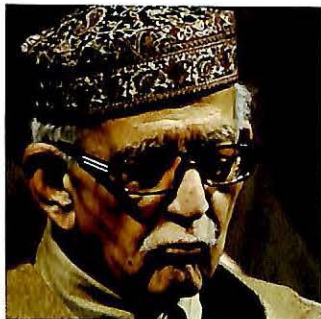
“*Ömür həttindən artıq çox vaxt aparır*”¹...

!!!

“Сказать одну глупость? Когда я слушаю
симфонию Рахманинова, не могу отделаться от...
Слушаю его симфонию и жду – когда же начнет
играть рояль...”

¹ Жизнь отнимает слишком много времени.

Вагиф муаллим...
Джан...
Как вы... Что там... как там...
...

...расстояния в чем там измеряются,
какова мера веса... сколько там языков,
один всего или, как здесь – тысячи...

... есть ли там любовь...

...

... я ничего о нем не знаю, тамошнем мире...

...

... и самое главное – вы поняли облака? Я – еще
нет... Или там все так же сложно, как здесь – дверь,
две двери, четыре... по геометрической...

Встретимся ли мы когда-нибудь еще? В мире
ином, не межмирье?..

Может, зайду, просто поболтаем – это мой
любимый “жанр”, вы же знаете... Торопиться не
будем – уже некуда будет... У ушедших не бывает
времени в обрез. У них его больше, чем у...

Вечность – она без регламента...

Вагиф муаллим... Уйти в мир иной не есть
умереть? Ведь так???

Он не спешил отвечать мне...
“Бесполезно доказывать человеку то, чего он не
увидел сам. Всему можно научить, кроме Опыта...”

...Свободной речи дар утерян,
И звуком звуку не помочь...

Молчал “опрошаемый”...

Как и – тогда,
впрочем...

Я устала...

Преодо мной пустынная вечность – пугающая и
неотвратимая...

... Вокруг белели глыбы льда...
И был я синим мамонтом тогда.
Сейчас преподаю фортепиано...

Бог. Свобода. Смерть.
Последней больше не было.

Музыка вместо нее...

...из-за которой...

“еще не наступил

апокалипсис...”

Кажется, это музыка

Брамса,

Может, Малера...

Одно время мог исчезнуть,

пропасть

среди этих звуков и аккордов,

превращался в невидимку

до последней тоники...

Теперь

Либо с последней тоники начинается

музыка дня,

либо жизнь превращается

в последний аккорд

музыки...

которая не прозвучит

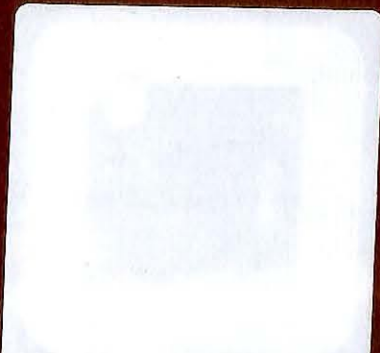
никогда...

mega
basım

E-mail: info@mega.com.tr • Web: www.mega.com.tr • Tel: +90 212 412 17 00

30

3.10.16

Apr 2015
138

НАТАВАН ФАИГ

Музыковед, публицист.
Главный консультант
прес-службы МЧС
Азербайджанской
Республики.
Автор книг и проектов,
посвященных
отечественной культуре.
Лауреат премии
«Золотое перо»,
международных
литературных премий.

*Жизнь в кофевальнях дня и ночи...
В крошеви света...
Перелистываю его, перечитываю...
Зачем пошла на интервью?
Не знаю. Тщеславие, наверно.
Желание зацелиться за Вечность. Одну из ее знаковых фигур...
И – запоздалое сожаление о том, что не сделала этого раньше –
с кем же еще общаться, как не с ним? Вот ведь повезло как –
быть его со-эриком!
Хотя...
Пойди я к нему тогда, пять лет назад...
Написала б книжку «Вагиф Самедоглу – о войнах-мирах и
далеком зеленом острове»...
Наверно бы, написала.
Может, и получила она у меня, но...
Но не было бы в ней...
Не было б в ней доминант, которые кричат!
Из-под земли...
В Небо...
Говорят, цель литературы, одна из ее целей, – вернуть время.
Вернуть человека, «остановив» его, не дав уйти...
Я попыталась сделать это...*